

*Ещё немного про детство, или
о том, как страшно хочется
жить*

Выдастся посреди зимы сумрачный, похожий на весенний, бесконечно тянущийся день, когда проще всего сидеть у горячей печки, изредка взглядывая в оттаявшее окошко, и слушать завывания бесприютного ветра... Шум метели убаюкивает, так что сквозь него начинаешь невольно вспоминать всю свою жизнь, и эти воспоминания большими белыми хлопьями льнут к душе, ненавязчиво будоража в ней самые твои первые шаги, милое лицо бабушки, её мягкие ресницы, сине-серые глаза и пуховый платок, благодаря которому она выглядела ещё милее. Как быстротечно расправилось со всем, что приключилось когда-то с тобой, время, не пожалев и детские годы. Взял ты – и дожил до своих нешуточных лет! Как никак – седьмой десяток давно разменял, подкатывает и восьмой, а ты, по-прежнему, держишься за жизнь, тянешься к тому, чего ещё не изведал, и всё на что-то надеешься, будто самого главного в своём существовании так и не разгадал, но веришь, что оно непременно откроется, стоит только немножко потерпеть, и помогают в этом воспоминания о детстве...

Чудится за такими воспоминаниями, что проживёшь ещё немало добрых годков, ведь не даром ты прочувствовал на себе неборимую океанскую силу, нескончаемые тяготы достойной дальней дороги, неизведанную тьму лесной чащи... Спросите: зачем человеку смерти не поддаваться, не теряя интереса к жизни? А только, может быть, за тем, чтобы силу свою жизненную распознать до конца, интереса к жизни при этом не утратив, и восхититься ей уже окончательно, ни в чём не разочаровываясь...

Вспомнишь тут радостно про то, каким молодцом ты раньше был, пожалуй, почище многих, таких же молодых удальцов, и сколько всего выдержать смог, что не напугало, и не свернул ты со своей дороги, а двигался неустрашимо вперёд, несмотря ни на что... Детство, конечно, при том не особо вспоминалось, не задумывался ты о нём, пока ноги тебя по жизни верно несли, и обратил ты свои взоры к милой младенческой поре лишь на склоне лет, видя в себе, пятилетнем мальчугане, огромные задатки к прекрасной жизни, твёрдо веруя, что пройдёшь её увлечённо, никогда не теряя к ней вкуса, и так оно и случилось. А раз так, думаешь ты, значит, исполнил ты свою жизненную задачу, истинную правду однажды отыскал, и уж не упустил её из рук, никакую гордость при том не выказывая, словом, обжился, настроившись на самый добрый лад, и мечту детскую о настоящей правдивой жизни осуществил.

И вдруг радостно тебе станет под эти думы тяжёлый сумрак зимы переживать, улыбнёшься ты довольно своим нехитрым воспоминаниям, и шум ветра за стенами уже не покажется таким зловещим и отрешённым, а

послышится в нём пока неведомое, но уже угадываемое замечательное новое, без чего ни за что не сложить праведную судьбу. Понимание этого простого откровения в миг обернётся каким-то тоже очень привычным и даже будничным делом... Весь ты тогда вострепёшься, стряхнёшь с себя невесёлые мысли, и возрадуешься приключившейся с тобой бесценной жизни!

Х Х Х

Не сказать, что принимали меня в детстве за большого шалуна, но если что-нибудь не на шутку занимало мой интерес, то покой в доме надолго был нарушен. Особо не знал я удержу в танце, причём, не в присутствии близких, а когда в гости приходили знакомые. Гости ещё не успевали толком переступить порог, радостно приветствуя в прихожей родителей, тогда как я уже прохаживался меж ними в присядку, привнося в обстановку весёлую суматоху, на что пришедшие к нам знакомые реагировали с недоумённой улыбкой, тут же разоблачаясь и одобрительно поглядывая на мои выкрутасы, впрочем, не успевая разглядеть всех моих передвижений...

Что за чёрт вселялся в мою сущность в такие минуты – самому мне было неведомо, но останавливаться я был не намерен, ещё пуще выплясывая в ногах пришедших, и, наверное, выглядел при этом вполне трогательно, поскольку даже родители не догадывались унять вспыхнувшее во мне буйство. Все в такие мгновенья невольно притихали, и лишь с одобрительными улыбками любовались, чего я ещё выкину в следующий момент, будто позабыв – зачем они пожаловали в наш дом...

Я же, ни с того ни с сего раздухарившись, ровно наслаждался производимым впечатлением, без усталости приплясывая уже в гостиной, и гости послушно перемещались вслед за моими передвижениями, опять не переставая улыбаться, и кто-нибудь из них обязательно недоумённо, но обрадовано восклицал: «Ай, да разудалая голова...Такой молодец, что глядеть любо!»

Что это была за блажь? Из каких тайников души она возникала? Я не знал. Но только после подобной вспышки энергии, будто спохватившись, убежал я в комнату бабушки, прижимаясь к её коленям, и замирал так надолго. А она тихонько перебирала мне волосы, наговаривая какие-то ласковые слова, отчего моё взбудораженное игрой сердце скоро успокаивалось, я порывисто бросался целовать бабушку, крепко обвив

руками её шею, и не в силах был выразить своей преданности, на которую способен, наверное, только ребёнок...

X X X

Меня необыкновенно пленяет чистота ребёнка, его незащищённость, так что его хочется оберегать, но не лелеять, предоставляя маленькому человеку возможность самому идти по дороге жизни, расти, тогда как от тебя только требуется заботиться о нём, помогая миновать препятствия, и любить при этом трогательную невинность малыша, тянувшегося к жизни с улыбкой... Что может быть лучше, когда на свет родится новая и чистая душа, неведомая никому, и являясь в своей невинной основе миру, она будто невидимо насыщает всё жизненное пространство светлой надеждой, что вот быть может ей удастся восстать над всеобщим хаосом и обожествить его своим трогательным отношением к существованию, хотя бы на миг урезонив не верящих в себя взрослых людей...

X X X

Бывает, волна тёплой, согретой детством жизни неудержимо пахнёт на тебя, охватит всей своей добротой, и дрогнет неожиданно ещё не уставшее любить сердце, отчего слёзы выступят на глазах... А когда успокоишься, и молча взглянешь на всю свою жизнь, то будто отворится дверца в иное, неведомое существование... И с ясным осознанием вдруг обнаружишь неистребимую взаимосвязь между тем мальчишкой, оставшимся где-то там, в невозвратной дали, и теперешним собой, ещё полным планов и чудесных надежд, но не представляющим себя без тех детских лет, осенённых божественным огнём всепостижения и любви, отчего чуть слышно прошепчешь: благословляю свою жизнь на великий и неотвратимый подвиг во имя познания и себя, и Вселенной, ради всех живущих...

X X X

Мне пять лет... Стою посреди цветочной поляны возле бабушкиного дома, солнце ласково пылает над моей головой, упругие сочные травы тянут свои головки в бездонное синее небо... По нему привольно плывут пушистые белые облака... Эту томительную красоту наполняет стрекотание кузнечиков

и затаенное поскрипывание коростелей... Повсюду – раздольно воцарившийся летний покой...

И вот, в раскалённый воздух с треском взмывает какой-то переливающийся перламутром крепкий жучок, неожиданно ударяется прямо мне в руки, и в них же замирает, сложив крылышки... Теперь его можно рассмотреть получше: откуда он взялся, и почему подлетел ко мне? Где у него домик, есть ли детки, чем он занят в своей неведомой жизни, раскинувшейся повсюду?! Тёмно-синие, с отливом, крылышки на ощупь гладкие, прохладные, а тоненькие усики, кажется, чутко угадывают всё, что происходит вокруг...

Жучок замирает на моей ладошке, будто пытаюсь разобрать – где он очутился? По всему видать, у жучка – хорошее настроение, да и с чего ему тужить: над землёй плывёт разомлелое от удовольствия лето, травы источают густой цветочный дух, в полях, за рекой, колосятся золотые хлеба. Жук, вроде бы, и не думает улетать, затаился в глубине ладошки, и я вместе с ним забываюсь посреди этих цветущих трав, прижав ладошки к груди, и так мы стоим с ним, не шелохнувшись, словно вглядываемся друг в друга, и мне почему-то совсем не хочется, чтобы жук улетал.

Но как изящно взмывает он опять в разогретый воздух, выводя меня из этого чудесного забвения, крылышки его раскрываются, поблескивая на солнышке, и жук, на миг задержавшись, стремительно и радостно жужжа уносится в вышину, тотчас слившись с небесной синевой, будто забирая с собой частицу меня... И сердца отчего-то касается лёгкая печаль, но в то же время подступает и радостное облегчение, что уже не покидает до самого вечера, когда утомлённое солнце с удовольствием укладывается в вишнёвые облака, будто с облегчением вздыхая, и ты теряешься в счастливых мыслях обо всём, что принёс тебе этот чудесный июльский день...

Х Х Х

Если человеку и возможно приблизиться к своему истинному «я», то, наверное, только в абсолютной тишине, наедине с Богом... Детство – наилучшее время, чтобы ощутить в себе источник внутренней силы, и иметь к ней доступ. Сила эта, ещё не понятая в ранние годы, тем не менее, необычайно притягивает, вызывая в душе неясные, но приятные надежды на какое-то необыкновенное открытие, что обязательно случится.

Х Х Х

«Не стремись выделиться перед другими, - наставляла меня бабушка, - чтобы они как-то отметили тебя... Важнее всего, научиться видеть, слушать и самому говорить на языке всех живущих, принимая в душе каждого – будь это растение или человек... Выбор всегда за тобой. Полюби через себя весь мир, прими его, и стань тем, кем тебе хочется быть. Не ленись отыскивать правду, она – повсюду, и если ты проявишь к ней внимание, Существование не оставит без внимания и тебя самого. Будь настоящим!»

Х Х Х

В раннем детстве я, конечно, не имел понятия, что на свете существуют морские галечки, и когда однажды, оказавшись у моря, мать повела меня их набирать – оказался в полном восторге... Мать, отчего-то, всегда боялась воды, чего нельзя было сказать обо мне, и я смело устремлялся к бурлящим волнам, где, почему-то, располагались самые красивые... Солёная прозрачная водичка весело набегала на берег, стараясь забраться как можно дальше, а потом с шипением, будто недовольная чем-то, утекала, оставляя пенистые разноцветные пузырьки, и как раз на этом месте открывались глазу яркие обкатистые камешки, что сразу представлялись живыми... Вот к ним, в первую очередь, и хотелось подбежать, схватить в руки и любоваться, что вызывало у матери раздражение. Мать сердилась, когда я позволял себе забираться чуть ли не в самую воду, кричала что-то сбивчивое, пытаясь даже обидеть неловким словом, но я ничего не мог с собой поделать: набирать морские галечки стало моим любимым делом!

Как можно было не приходиться в восхищение, когда на свете существовали такие прекрасные, гладкие, блестящие разноцветные камешки, из которых можно было складывать морские гербарии, и о страхе тут, конечно, не помышлялось: только бы оказаться поближе к ним, завладеть самыми красивыми и сложить в коробочку, чтобы затем изредка вынимать на свет и любоваться... Некоторые из них имели очень затейливую форму, представляли из себя настоящее искусство природы, и воспринимались как любимые... В самом деле: где ещё отыщешь такое разнообразие форм и цветов, казалось бы, обыкновенной морской гальки, впрочем, совершенно необыкновенной?!

Матери нравилось собирать камешки подальше от моря, выбеленные на солнце, сухие, но тоже красивые... И всё же, самые редкостные попадались у уреза воды, они были по-настоящему чудесны, и я никогда не

забуду, как море щедро отдавало мне их, кажется, радовалось при этом вместе со мной, и разрешало забрать с собой. Карманы мои были набиты ими, я никому не рассказывал о найденных мною драгоценностях, и показал лишь бабушке. Бабушке камешки очень понравились, она похвалила меня за наблюдательность, и некоторые из них я ей подарил.

X X X

Всё в мире детства существует для счастья, в этом у меня никогда не было никаких сомнений, и мысли о бессмысленности существования, приходящие на ум многим людям в зрелом возрасте, я также не приемлю. Во мне всегда жила уверенность: то, что присутствует в этом мире, необыкновенно хорошо, должно быть только для этого оно и существует, и с этим щемящим чувством радости хотелось жить, хоть и непонятно иногда – зачем? И всё-таки, какая-то скрытая тайна пленяла сердце, отчего я испытывал особенно сладостное переживание, скорее даже – искреннее преклонение перед жизнью...

X X X

Скоро проходит короткий зимний день, но для ребёнка он тянется, кажется, вечность, и при этом не надоедает, ибо как может наскучить крепкий, чуть ли не на ощупь трескучий мороз, от которого в груди всё замирает, ресницы быстро тяжелеют от искристого инея, а изо рта вырывается душистый парок, и если по улице, вперевалочку, двигаются тебе навстречу такие же, как ты, прохожие, то над ней образуется густое облако, представляющееея живым... Свет от фонарей, попадая в него, клубится такими же живыми разноцветными огоньками, а надо всем этим переливающимся облаком, в самой вышине, весело переваливаются с боку на бок белые, зелёные и красные звёздочки, озабоченно похрустывают в морозном напружиненном небе, и ты ясно слышишь, как они переговариваются между собой...

Одна из них обязательно обозначит себя игривее других, то и дело прячется, перебегает, а затем как неожиданно вспыхнет рассыпным, игривым пламенем, что и у тебя, невольно, сердце перевернётся от радости. Даже оказавшись дома, и уже улёгшись в постель, ты никак не можешь успокоиться, и всё выглядываешь в окошко искрящиеся звёздочки. Стараешься разглядеть хотя бы одну, пусть и не самую весёлую, но

подмигивающую именно тебе, так что снова тянет на задорно подбравшуюся в себе от мороза улицу, со скрипучим снегом и захватывающим дух серебристым сиянием, где в бесконечном бархатном небе ещё пуще загораются другие звёздочки, и каждая светит по-своему... Разве тут уснёшь?!

Х Х Х

Почему-то все родители говорят своим детям, что те должны стать в жизни очень хорошими, но вот я, как ни странно, не помню, чтобы со мной в детстве происходило подобное, и быть может именно поэтому я никогда не воспринимал себя мальчиком, которому непременно нужно стать очень хорошим, я и так знал, что ничего плохого во мне не существует, и только был всегда весел и радовался жизни.

Х Х Х

Хочешь проверить – кто ты есть на самом деле? вступи в жизнь с открытым сердцем, как в детстве, ничего не боясь, и она ответит тебе тем же, так что все сомнения на свой счёт сразу пропадут: ты есть тот, кто хранит в себе возможность идти единственной, неповторимой и нескончаемо прекрасной дорогой к самому себе...

Не позволяй себе кого-либо бояться, хорошо усвоить это именно с детства. В этом нет никакого смысла. Ведь ты – часть бесконечно могущественной Вселенной, и если есть в твоей душе тайна, то эта тайна – её уникальный путь к Богу.

В детстве ты не то, чтобы отмечен какой-то особой печатью, но обладаешь порою такой большой проникновенностью, что сердце замирает от счастья. Если же не почувствовал в себе свой огонёк сознания, заложенный Богом, то и не объяснит тебе этого никто. Но если услышал в душе божественный зов, так уж и не потребуется никаких объяснений, потянешься к нему с самого детства, поверив в божественное присутствие в своей жизни, и воспрянешь духом, достигнув в себе внутреннего равновесия...

Х Х Х

Скоро бабушкины именины, а я не знаю – что ей подарить... Разве что книжку какую? Но она и так всё знает, «Конька-горбунка» наизусть мне рассказывает! Нет, бабушку книжкой не удивишь...

Может быть, шкатулочку у маменьки попросить, что у неё и так без дела на трюмо покоится, но бабушке и про неё ведомо, у неё самой таких целых две! Бывает, мы с этими шкатулками с ней в «магазин» играем, и ей лишняя будет неинтересна. Бабушка такому подарку не обрадуется.

Или, скажем, рыбку золотую в баночке рано поутру перед её кроватью, на тумбочку, поставить... Бабушка проснётся – и удивится, а потом обрадуется... Поймёт, конечно, что это я ей рыбку чудесную подарил... Правда, без помощи родителей мне в этом деле не обойтись, а значит – и подарок не настоящий, не мною приготовленный, и мне становится грустно...

Надо, наверное, что-то своими руками сделать, но легко сказать – просто ли придумать, если ты ей уже и открытку новогоднюю рисовал, и журавлика по весне клеил, а печь торты и хворост, как бабушка, я ещё не умею: не покупать же крендель в кондитерской лавке!

Я смотрю в окно на серое небо, заснеженную землю и голые яблоньки в саду, и ничего не могу придумать. В голову лезет всё то, что хорошо бабушке известно, это не будет для неё неожиданным и незабываемым подарком... Что же делать?

По весне папа подарил мне деревянный кораблик, и я запускал его по лужам, кораблик всем очень понравился, но даренное дарить нехорошо, среди добрых людей это не принято, и как тут быть, ежели я ни на что не способен? Хорош гусь, нечего сказать, а ведь бабушка мне и на именины, и на день рождения, и на Новый год гору подарков подарила, и ни разу не повторилась! Взрослым, конечно, легче, чем детям гостинцы на разные праздники преподносить, они могут больше, чем малыши, и всё же мне становится стыдно: неужели я ничем не порадую свою любимую бабушку?! Ведь дарование и любовь – способность данная Богом, ибо Он любящих любит.

Коли бы мне привелось одаривать своего дружка, соседского Сёмку, то я, не задумываясь, вручил бы ему армейскую дедушкину зажигалку, с колёсиком, выбивающим искры, изготовленную им из пулемётной гильзы, но ведь бабушку такой чепухой не увлечь, тем более, что у нас подобного барахла – целый чулан! Бабушке приятно будет получить что-нибудь полезное для хозяйства и простое, скорее даже – милое, чтобы она улыбалась при виде этого подарка и не забывала о нём никогда... Но что это такое?!

А если взять, да и всыпать в день бабушкиных именин, с самого утра, ей в ладошку свои камушки, что я насобирал в прошлом году у моря?.. Камушки такие лёгкие и чистые, будто живые, я их так и называю: «живые камушки»... Когда камушки сгребашь в горсть, они тихонечко стучаются друг о дружку, словно переговариваются меж собой, отчего на душе почему-то становится легко и светло, ровно наступил какой-то никому неизвестный праздник... Но ты о нём знаешь, и почему бы не подарить этот праздник бабушке?! Так ведь она тоже об этих камушках знает...

Хороший ласковый разговор с бабушкой может быть ей подарком? Конечно, может, у нас с ней так по-праздничному всё общение и заведено: дарим друг другу радость... Но ведь именины – дело особенное, душевное, тут что-то иное должно присутствовать, оно каждый день случаться не может... На то они и именины, приобщение твоё к чудотворному Мирозданию: когда ты с именем ангела своего на свет божий появился!

Господи, думаю я, и отчего мне не приходит на ум что-то, действительно, стоящее?! Я отпираю шкаф, достаю из него коробочку из-под монпасье, наполненную стёклышками, пуговками и монетками, перебираю своё богатство, и опять на сердце становится горько, а дух замирает в тревожном ожидании, что вот, наконец, откроется мне истина, и, не помня себя от счастья, побегу я в объятия любимой бабушки с дорогим для неё подарком от себя, от всей своей маленькой души...

А бабушка растрогается, и промолвит:

- Радость ты моя, родненький голубчик... За что мне такое нагляденье!

И я:

- За то, что ты хорошая... Лучше всех! Так бы тебя, бабушка, Бог любил, как ты меня любишь...

И мы с ней, конечно, обнимемся, и крепко поцелуемся, словно благословив друг друга на нескончаемую любовь: вот каким счастьем нас Господь вознаграждает! Ведь если радовать родного человека – так радовать по-настоящему, верно?

Х Х Х

В детстве я жил, как и все дети, легко и просто, в юности у меня появилась потребность понять смысл существования, в зрелые годы я стремился найти ответы на все вопросы, и только в преклонном возрасте, наконец, осознал, что на жизненном пути надобно обрести твёрдость в понимании цельности мира, отбросив все ненужные выдумки, что мешают жить опять легко и просто, как это и было когда-то в детстве...

Х Х Х

В детстве как-то подспудно, скорее – сердцем, даже при отсутствии жизненного опыта, понимаешь, что всё в жизни проходит: и каждую минуту утекающие за горизонт облака, и весёлые, полные солнца и радости дни, и жизнь близких людей, что незаметно стареют, умирая, и, наверное, и ты когда-нибудь из молодого, пышущего здоровьем мальчишки, превратишься в равнодушного и никому не нужного скучного старика... И только любовь в твоём сердце неизменна, она одна по-настоящему чего-то стоит, так что весь век бы любил своих родных, радостное солнце, весну и молодость, будто ничего этого в твоей жизни ещё не было, а вот ты всё это любишь, и тем счастлив необыкновенно, как ребёнок, и никогда не забываешь...

Х Х Х

Очень мне в детстве нравилось помогать бабушке вести торговлю... Мы выставляли у ворот нашего дома низкие табуреточки, бабушка выносила ведёрки с помидорами, огурцами и клубникой, и предлагали их прохожим. Поначалу это занятие так захватило всё моё внимание, что я даже кланялся каждому, проходящему мимо человеку, с удовольствием посматривая на ярко освещённую солнцем живую улицу, и мечтал о том времени, когда мы с бабушкой разбогатеем. Бабушка всегда тоже улыбалась прохожим, вселяя в меня этим добрым обхождением надежду, что мечты мои непременно осуществятся.

- Господь с нами, Борюха, - весело обращалась она ко мне. – На-ко, вот, погрызи, покамест, - и протягивала морковку, заботливо протерев её уголком передника.

Чинно, даже – со сдержанной признательностью, как, по моему мнению, и подобало вести себя истинным продавцам, я принимал ядрёный плод, тотчас засовывая его в кармашек рубашки: торговля, полагал я, не терпит отвлечённости.

- После погрызу, - серьёзно замечал я, преданно взглядывая на бабушку.

- Ну-ну, - с улыбкой роняла она.

- Чай, расторгнемся сегодня? – с деловитым благоговением произносил я.

- Инна, мы тут с тобой, милый, сидеть будем за зря! – вздыхала бабушка. – Не ветром торгуем...

Сидя с бабушкой у ворот, не нужно было то и дело оглядываться по сторонам, ожидая дворника Филимона с метлой в руках... Приятно было слушать её простые и добрые речи, от них в сердце рождалось счастливое убеждение, что впереди ожидает только радость... Радостно было чувствовать себя с ней ребёнком...

Хорошо было сидеть так, поглядывая вокруг, не нужно никакого базара, до которого идти, сначала спускаясь с горы, по длинной деревянной лестнице, потом – песчаной улочкой, мимо старых приземистых домиков с серыми крышами, и опять – вверх, до самой базарной площади, - в пору умориться! А возле ворот родного дома даже копеечку выторговать нестыдно, всё нам тут с бабушкой знакомо, и не должно пойти в убыток, хотя бабушка никогда дорого за свой товар не просила... Я же, как мог, старался оказывать ей помощь...

- Поридонки... Покупайте поридонки! – радостно возвещал я на всю улицу, и какая-нибудь добрая хозяйюшка непременно останавливалась рядом, и покупала плоды наших общих с бабушкой стараний... Доброй продажей свет стоит!

Бабушка поглаживала меня по голове, и мы тихонечко беседовали обо всём, что занимало мой интерес. Мимо проходили разные люди, некоторые останавливались, выспрашивая цену, бабушка заворачивала им в кулёчки клубнику, а я ловко подавал ей новые, заранее нарезанные кусочки бумаги. Дело наше торговое ладилось...

- Притомился, поди? – бывало, спрашивала бабушка.

- Не моги! – тут же бодро отвечивал я.

- Ну что сделаешь? Торговать – не воровать. Потерпи!

- Мы с тобой – торговые люди, - с важным видом человека, который хорошо поработал и теперь желает отдохнуть, выговариваю я. – Уставать нам не с руки!

Бабушка только улыбается, ворошит мои вихры.

- Государь ты мой, я – твоя помощница!

После бабушкиных слов, я старался вести себя ещё более степенно, а она, подзадоривая, подпустит:

- Афеня счёт знает!

Я только прыскаю в ответ: весело нам вдвоём с бабушкой!

- Справно у нас, купчик мой голубчик, сегодня товарищ двинулся: щеголять тебе в сафьяновых сапожках! – в удовлетворении потом восклицала бабушка. – Не оскудела родная земелька...

- Каких сапожках, ба?

- Это я к слову, родной, так говорится, когда выгоду от продажи имеешь... Но тебе грошик за работу тоже перепадёт, будут Борюхе гостинцы на лишнюю денежку...

И бабушка покупала мне эскимо, до которого я был большой охотник!

Х Х Х

Ребёнок не стремится стать совершенным, он радуется своему несовершенному, ещё неумелому восприятию жизни, и разве убедишь его в обратном?

Дорогие, взрослые, осознайте, наконец, что несовершенство вашей жизни является её совершенством, поддерживаемое Господом ради вашего счастья! Наслаждайтесь им в полной мере, как ребёнок, призывая своё истинное «я», всегда связанное с Богом... Живите радостно и счастливо, познавая себя и этот чудесный мир бесконечно, и да будет так!

Х Х Х

Вспомните свою жизнь: сколько вещей в ней вы никогда не считали важными? Осуществили ли вы при этом какую-либо достойную жизненную цель? Вряд ли... Но ведь в детстве каждый проживаемый вами миг казался благотворным: куда же всё это благо запропастилось? Уж не разбазарили ли вы всё это богатство сами?! Так и есть, но чему вы тогда научились в своей жизни?

Ну, хотя бы тому, чтобы быть терпеливым... В большей мере укротить свой эгоизм и гордыню, избавляясь от высокомерия, и ещё – от зависти, от желания владеть тем, чем владеют другие... Печально, если бы вам пришлось преодолевать только это...

А вот воплотить в жизнь нечто радостное, жизнеутверждающее, достойное? Как в детстве, когда вам казалось, что это возможно, да так оно и было на самом деле, но вы отчего-то в себя не поверили и отказались от этого жизнеутверждающего и достойного... Какого чёрта?!

Если у вас осталось ещё немного времени – наберитесь мужества и измените свою жизнь к лучшему, и на этом пути важна каждая мелочь... Поймите, что вам не только желательно подобным образом отнестись к

самому себе, а просто необходимо это сделать. За вами всегда остаётся выбор, и его ещё возможно осуществить, иначе, зачем вам дана свободная воля?! Как ребёнок составляет из кубиков пирамидку, так и вы складываете из каждой своей жизни ступеньку к Богу.

Х Х Х

В детстве так выходит, что если ребята кого-то из взрослых и любят, то не слишком удачливых людей, чаще всего – и вовсе не счастливых... Именно по этой причине, наверное, появился в моей жизни бывший военный лётчик, проживающий в нашем доме этажом выше...

Сказать, что этот человек был немногословен, значит, просто оговориться, он никогда и ни с кем вообще не разговаривал, по крайней мере, я этого не видел. Вёл он замкнутый образ жизни, занимая одну маленькую комнату в трёхкомнатной квартире, и, по-видимому, нигде не работал. Об этом можно было судить по тому, как он неспешно спускался или поднимался по лестничной клетке, обычно – днём, когда жители подъезда находились на службе, и выходил на улицу, пожалуй, только за одним: лётчик, также неспешно, отправлялся в магазин, за продуктами, и вскоре возвращался. Незаметно было, чтобы кто-либо или что-либо ещё более его занимало.

Почему лётчик? Так говорили о нём родители и соседи, называя не иначе, будто бы он воевал, был даже в плену, да и после войны жизнь не благоволила ему, словом, она у него не задалась. Никто не знал, была ли у лётчика жена и дети, жил он одиноко. Не было известно даже – как его зовут... А ещё он ходил всегда в кожаном шлеме пилота, несмотря на погоду, кажется, не снимая его даже летом, на ногах – неизменные унты, одет в короткое пальто военного образца, подпоясанное широким ремнём, в руках – авоська с хлебом и консервами, иногда – молоко, и если и покидал свою комнату, выходя во двор, то оставался верным себе: то есть, сохраняя величавую неторопливость и спокойствие, можно даже сказать – выдержку. Это, кажется, давалось ему без всякого напряжения.

Весь он был – достоинство и невозмутимость, излучая при этом непоколебимую веру во что-то, чего ещё не изведали другие люди. А он – постиг, и был спокойно горд этим, но, ни капельки не заносчив. Наоборот, эта вера проявлялась в нём очень просто, как раз и не позволяя ему быть заносчивым: ему ничего не стоило быть самим собой. Это ощущалось во всём его виде, в каких-то монолитных тяжёлых чертах лица, впрочем, он был

даже красив. Широкий лоб, массивный подбородок, и большие чёрные глаза выражали ни тяжесть его характера, а волю, достойно пережитые им испытания, что, конечно, огрубили его душу, но не ожесточили её.

Лётчик ни с кем никогда не здоровался, кому-то лишь чуть кивая головой, но к большинству жителей дома вообще никак не проявлял своего отношения, а вот при встречах со мной всегда чуть улыбался. Я не мог объяснить для себя – почему он это делает, хотя мне было очень приятно сознавать, что такой непоколебимый, гордый человек проявляет ко мне, мальчишке, интерес, какую-то симпатию, и я отчего-то тоже становился в душе гордым от осознания этого простого, казалось бы, обстоятельства. Мне нравилось встречать этого человека на улице или в подъезде, робко улыбаясь ему в ответ, я очень смущался при этих встречах, порой даже становилось страшновато, и хотелось узнать о нём немножко больше, разгадав его тайну. А ещё лучше, думал я, если бы лётчик сам рассказал мне о своей необычной судьбе, пригласив к себе в гости, в свою одинокую комнату. Не скрою, я мечтал в ней оказаться, чтобы увидеть – как живёт этот загадочный человек. Прошедший и войну, и концлагерь, и ещё что-то очень страшное, о чём родители не хотели говорить, человек этот завораживал меня своим непохожим ни на кого существованием, и его тайна не давала мне покоя... В воображении своём я даже представлял, что мы с ним подружились, и он доверяет мне все свои секреты... Но что мог противопоставить его расположению я?! Горько было сознавать, что я ещё маленький, и ничего не ведаю о жизни: поскорей бы стать взрослым!

Как-то подспудно часто думалось, что даже имея комнату, одиноким человеком ты в ней долго не проживёшь, и, засыпая вечером, я всегда жалел этого лётчика... Правда, отец уверял, что многие люди и такой маленькой комнаты не имеют, и этому лётчику ещё очень даже повезло, судьба, можно сказать, улыбнулась ему, запальчиво будто уговаривал кого-то отец, но я всё равно не в силах был избавиться от мысли, что соседу нашему живётся не особо радостно, и он несёт в своей душе глубоко скрытую печаль и горькие воспоминания. И я решил совершить для него какое-нибудь доброе дело, и однажды, поджидая лётчика после школы у подъезда, вручил ему на раскрытой ладони кокарду офицера морской авиации, подаренную мне моим дядей, служившим на Дальнем Востоке. Небритое лицо соседа осветилось неловкой улыбкой, похоже было, что он не ожидал ничего подобного, тем более – от мальчишки, осторожно взял кокарду негнуцимися, но крепкими пальцами, нахмурился, и тихо проговорил: «Вот и меня нашла награда...» А

мне вдруг отчего-то стало совестно, и я, чувствуя, как краска заливает лоб и щёки, побежал домой...

При том, что у меня в распоряжении была моя молодость и любимая игра футбол, поездки с отцом в лес и на рыбалку, родные бабушки и общение с ними, школа и большая библиотека деда и отца, я всё же не переставал думать о лётчике, воспринимая его почему-то героем книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке»... В то время мы с бабушкой как раз читали эту книгу, она мне очень нравилась, особенно – Алексей Маресьев, лётчик, оставшийся без ног, но продолжающий летать, и когда я встречал нашего соседа, то представлял себе, что это – он. Я невольно рисовал себе его в образе мужественного лётчика, известного на всю страну, что получил за свой подвиг золотую звезду героя, и мне казалось, что наш сосед тоже имеет замечательные заслуги, о которых просто никто не знает. Сосед выгодно отличался чем-то неуловимым ото всех взрослых, с кем мне приходилось сталкиваться в своей жизни, хотя был безымянным человеком безвестной судьбы, и если бы мы с ним подружились, и я имел возможность бывать у него в гостях, так бы действительно получилось, то думается, из всего этого вышло бы мне большое счастье...

... Лётчика давно нет в живых, да и мне уже не мало лет, а нет-нет, да вспоминается мне наш двор, и подъезд, и неспешно спускающийся по лестнице грузный человек в кожаном шлеме, которого никто не мог понять, совершенно не зная, но я почему-то не могу его забыть.

X X X

Увидел я однажды в бабушкином саду неведомую мне ранее птицу – чечевицу, и очень она мне понравилась. Только о ней я и думал, и до того к этой птице в мыслях привязался, что даже захотелось стать ей. Спросите, отчего такое случилось, и я отвечу: это была загадочная птица, не похожая на тех, что обитали в нашем саду и летом, и осенью, и даже зимой, и ещё я увидел в ней то, чего в других птицах не было – она говорила человеческим голосом! Меня сразу поразила её необыкновенная песенка, вернее даже – позывка, что она подавала неизвестно кому, какому-то «Вите» - «Витю – видел, Витю – видел, Витю – видел?», так что я с тех пор стал внимательно наблюдать за этой птицей, когда она появлялась в нашем огороде...

Само название птицы околдовывало: «че-че-ви-ца-а...» Как будто какое-то волшебное существо из неизвестной всем сказки прилетело в наш сад и озарило его своим нежным малиновым светом, а когда из клювика

птицы разносились чудесные мелодии, то просто замирало в груди сердце. И ещё завораживало это её беспокойное обращение, словно неведомый человечек заботливо спрашивает у такого же невидимого и загадочного друга о каком-то «Вите», будто ему без него ни за что не обойтись: »Витю видел?» Что за удивительная птица...

В звуках её песни я слышал именно неподдельное удивление, будто бы птица эта искренне недоумевает отчего-то, и неутомимо пытается разгадать неразрешимую для всех загадку, впрочем, не обременительную для неё, а скорее – радостную. Она просто живёт этим незатейливым устремлением, никому особо не докучая, и при этом чудным образом его пропевая, так что можно было её песенкой заслушаться...Трепетно, с присущей только чечевице проникновенной нежностью, выводила она свои трогательные нотки, так что хотелось внимать им бесконечно.

Любезна была чечевица моему детскому сердцу не только голосом необычным и яркой раскраской, а именно нежностью какой-то необыкновенной, и своей птичьей тайной, что хотелось разгадать: откуда взялась в нашем саду такая ласковая раскрасавица, какую загадку с собой принесла? Уж больно по душе она мне пришлась, возмечтал я о её жизни неведомой, - непохожа она была на иных птиц, вроде как не их племени, а всё же птица...

Запоёт, бывало, как будто ни с того ни с сего, и сердце радостно встрепенётся: посетило нас с бабушкой какое-то божественное явление, чистая благодать! Присядешь тихонько на корточки, под яблонькой, и слушаешь, как она тоненько заводит свою птичью просьбу, словно пронзая воздух трогательными нитями волшебной мелодии:»Уить, уить, уить, Витю видел?!» И ты, как в сказочном сне, забываешь обо всём, веря, что птица, действительно, кого-то ищет, а найти никак не может, и хочется помочь ей в этом...

Чувствуешь, что около тебя, в родном бабушкином саду, притаилась какая-то восхитительная и в тоже время простая жизнь, и она знает о твоём существовании, неясно двигается от дерева к дереву как сон, и ласково становится на душе от её еле уловимого присутствия, а земля под ногами будто оживает, такая близкая, родная... Слышишь, как она дышит, хочется и её тайну разгадать, зреющую в самой глубине, и ты питаешься её родимым теплом, видишь, как благотворно она распахивает свои объятия навстречу всему живому, и всё это ты переживаешь благодаря маленькой птице чечевица... Так, окрылившая мою душу птица стала мне тоже родной... Разве не чудо?!

Слушаю я чечевицу, позабыв обо всех своих играх, и как будто уже не она, а сердце моё солнечную радость пропевает, радость эта струится над землёй, как и её песня, и кажется, что скоро всё под солнцем растает, и потечёт цветочным густым потоком к небесам, украшая не только землю, но и воздух, и небо... Что за волшебство, это ли не праздник?! И вдруг почувал я тогда, в свои семь-восемь лет, как важно то, что ты сам видишь: не то, как смотрят на тебя люди, а как ты отличаешь во всём свет, и этим светом вокруг светишь, угадывая в окружающей жизни только добро. Верится тогда начинает, что всё в жизни можешь устроить, до всего дойти...

И все мои мечтания – тоже как дети: вольны и прекрасны душой, ничего не опасаются, смело заглядывая за горизонт своей только начавшейся жизни, все они подобны божественному светлому лику... Хочется и тем из них побыть, и этим, а в того и вовсе можно влюбиться, голову за ним потеряв, и ведь так и надобно – с любовью отдавшись делу своей жизни, позабыть в сердце все страхи, незаметно поднимая себя на высоту божества... И тогда более ясной становится душа, как земля после первой весенней грозы...

А чечевица ровно из воздуха слова своей чистой песенки ловит, и всё поёт, не прерываясь, поёт, поёт... Так же чисто и на душе становится, покойно, хоть ты и малец ещё, а всё же утверждается в тебе благодаря птице нечто очень цельное, без чего прожить никак невозможно. Что же это, если не правда, угодная не только Богу, но и людям?! И правда эта такова: каждый человек должен подняться над собой, внимательно осмотрев свою жизнь, чтобы двигаться дальше, к Господнему престолу, воплощая все мечты о добре и справедливости, как это делает маленькая птица, взмывая со своей чистой песенкой в блаженные небеса, и воцаряется повсюду всеми желаемое благо... Да будет так!

... Кем только не мечтал я быть в детстве... Видел себя и путешественником, и футбольным судьёй, и объездчиком лошадей, и цирковым гонщиком на мотоцикле, и во всяком представляемом образе воображал себя как будто на своём месте, самым собой. Только никак не мог определить – к чему более всего лежит моя душа, именно к этому ли делу я приспособлен? Не хотел я быть лишь звездой в холодном небе... Звёзды казались мне слишком далёкими и недосыгаемыми, там, наверное, было бы скучно без цветов и бабочек, солнца и деревенского пруда с карасями, бабушки и нашего сада с незабываемой птицей чечевица, разговаривающей человеческим голосом...

Мир воспринимался мною как чудесное существование, где можно было жить и себе и другим на радость. Понимать в ту пору я, конечно, многого не мог, детские разумения только в зрелые годы становятся для человека доступны, когда к нему мудрость приходит, и он начинает Бога любить, так сохраняйте детское в душе своей, ибо в нём – божественная истина.

Даже сейчас слышу я бабушкины наставительные слова, будто она в то время, как я вернулся из сада, почувствовала меня:

- Будь сильным и никого не бойся, смотри прямо вдаль, мечтай и осуществляй свои мечты. Но при этом бескорыстно поклоняйся Богу, хотя и нечего тебе просить у Него: только благодари за подаренную возможность жить, познавая себя и окружающий мир, радуйся всему и люби. Не Богово это дело подсоблять во всём людям, сами они о своей жизни разуместь должны, на то им существование и дадено, и жизнь – это радостная отдача всего себя только Богу, не забывай эту священную истину, чтобы лишнее горе в сердце не нести. Близок ты Богу – и уже в этом великое счастье, тихий радостный праздник души, возносящейся на облака. Лети с Богом, и да пребудет в твоей душе божественный свет.

X X X

Зимний день медленно крадётся за окнами, присмирившими в плетении морозных кружев, настенные часы однообразно отбивают приход печальных сумерек, время в преддверии новогоднего праздника скудно и коротко, оно томительно несмотря на домашний уют и ожидания прихода взрослых... Где же бабушка?

Но вот отрывисто хлопает во дворе калитка, в сенцах со скрипом гулко поскрипывают валенки, и дверь в прихожую растворяется: на пороге внезапно появляется бабушка! В меховой шали, заиндеветавшей от мороза, старенькая беличья шубка уже распахнута, глаза сияют радостными искорками, и ещё от неё так сладко пахнет морозной свежестью...

- Уйди, уйди, милый, я – холодная! – весело восклицает она.

Но я кидаюсь ей на шею, прижимаясь к прохладному душистому меху, и сразу ощущаю на щеках добрые тёплые губы, согревающие до самого сердца...

- Бабушка, - шепчу я с восторгом. – Какая ты у меня хорошая, ни на кого не похожа, самая родная!..

Х Х Х

Воспоминания детства, да и оно само прекрасно нам показывают, как важно в течение всей своей жизни делать то, что представляется тебе единственно правильным, не взирая на чью-либо критику и непонимание.

Х Х Х

Именно присутствие всех предметов в детстве вызывало ощущение счастья, их хотелось покупать и продавать, и в эту игру мы, маленькие, с особой тщательностью играли... Откуда это? Вероятно, из перенасыщенности жизненными впечатлениями, требующими непереносимого переживания от сиюминутного обладания ими и такого же завораживающего восторга от неминуемой отдачи в качестве дара такому же доброму малышу, с выплеском самых непередаваемых чувств!

Х Х Х

Когда вы найдёте для себя то дело, делая которое к вам придёт понимание, что вы – единственный, кто может это делать, тогда и обретёте своё истинное «я». Подобные поиски самого себя я начал осуществлять ещё в детстве...

Х Х Х

Так уж выходило, что в детстве для меня незаменимой оказывалась только бабушка... И это при всём том, что и папа, и мама обо мне, конечно, заботились, но так проникновенно в мою душу суждено было войти на всю жизнь именно ей: какое милое, родное лицо, какие добрые, натруженные руки, какая честность и спокойствие, несмотря на нелёгкую жизнь... Неповторимые черты, простые движения и незамысловатые привычки... А голос?! Такой был только у бабушки, и именно его я ожидал по вечерам, в предвкушении очередной сказки, только этого сказочного голоса мне не хватало, чтобы в полной мере ощутить себя счастливым. Лишь ей одной мне хотелось рассказывать уже собой придуманные истории, говорить обо всём на свете лишь с ней, делаясь самым сокровенным, чем, несомненно, уже обладает ребёнок, ластиться к родным рукам и коленям после того, как не

видел бабушку несколько дней, и даже убежав ненадолго во двор, погулять, в сердце своём стремиться к её теплу, представляя себя уже там, возле неё...

Милая, любимая бабушка, как можно было по тебе не стосковаться! Что-то невидимое сплавляло нас с ней в одно целое, и мы, порой, не говоря ни слова, понимали друг друга как никто. Такая моя преданность бабушке придавала веру в то, что и без того прекрасная жизнь, на самом деле, ещё прекрасней!

X X X

Ценность жизни заключена в ней самой, это – аксиома, важно только – как ты ей распорядишься, и если все твои поиски были сопряжены с познанием себя и окружающей жизни, то жизнь оказывается действительно ценна, когда же вы не задумываетесь о раскрытии своего внутреннего мира, его взаимосвязи с Существованием, - она не стоит и гроша... Конечно, вас совершенно резонно попросят подтвердить ценность жизни, если вы твёрдо намерились идти по пути проникновения в собственную внутреннюю природу, доказав её ценность для всего мира, и тогда вам ничего не останется, как стать счастливым, чтобы подтвердить целостность и красоту жизни, её зачаровывающую глубину, в противном случае – вы неудачник, не воспользовавшийся скрытыми в себе возможностями, заложенными Богом.

Вы уже догадываетесь, почему жизнь по-настоящему ценна? Да, она несёт в себе чудесные прикосновения Господа, а потому уже не может быть неинтересной, недостойной вашего внимания, и если вы проявили к ней заслуженный интерес, жизнь эта озарит ваше присутствие в ней незабываемыми впечатлениями, она наполнит вас божественной энергией, которую вы должны будете умножить... Это – в ваших силах, и в этом ещё одно свидетельство того, что жизнь необыкновенно ценна и интересна, ежели вы однажды не спасовали перед ней. Тогда возможности её поражают воображение, они – безграничны, также как и ваше счастье, и радость, и нескончаемая любовь...

Любовь, в первую очередь, к Богу, и, конечно, к самому себе, потому что в основе своей вы божественно волшебны, и как же важно разглядеть это волшебство, несомненно, приумножив его. Так разглядите в себе эту божественную жизнь, даровав ей достойное продолжение и развитие, и она щедро рассыплет перед вами свои бесконечные алмазы... И тогда вы не зададитесь бесполезным вопросом – в чём её ценность, ибо жизнь ценна

своим божественным существованием, с возможностью самому становиться богом: разве это не достойно, и не интересно?!

Так не утрачивайте самого себя, собственную, присущую только вам ценность, чтобы и Вселенная, в вашем лице, не переживала сознание безвозвратной утери, привнесите в жизнь свою неповторимую красоту, и жизнь станет, поверьте, ещё прекраснее... А начинается эта интересная, захватывающая дух жизнь именно с детства, и ребёнок не может этого не почувствовать, и потому не потеряйте в себе драгоценную возможность быть настоящим, не разочаровывая нашего Создателя... Ведь жизнь имеет цену не только для вас, хотя вы и определяете её меру, но и для всего Существования!

Х Х Х

Один на один с Господом Богом человек чаще всего остаётся только в детстве, когда Бог ещё заботится о крохе, не давая его никому в обиду, и именно поэтому, должно быть, ребёнку тоже приходит на ум завести себе друга, чтобы за ним можно было ухаживать. Этим другом обычно становится какое-нибудь зверьё – щенок, котёнок или хомячок, может быть, даже черепашка, на худой конец – никогда не унывающие, несмотря на нахождение в клетке, чиж и щегол, но вот я завёл себе однажды настоящего ежа!

Долго я до этого вымаливал у бабушки купить мне какую-либо ловкую, красивую птичку, чтобы кормить её и поить, слушать песенки, какие обычно птички распевают весь день, и так у нас в доме появилась пара волнистых попугайчиков, вскоре выпорхнувших в распахнутое окно, а в клетке, что я позабыл запереть, от них осталось лишь одно голубенькое пёрышко... Перо как перо, подумалось мне, всякая птица им красуется, но как-то грустно стало без этих живых существ с гладенькими хохлатыми головками, о них приятно было заботиться, я даже успел к ним привязаться, и я вдруг решил, что было бы здорово занять теперь аквариум с рыбками, чтобы на дне красовались разноцветные камешки с ракушками, росли изумрудные водоросли, и можно было бы наблюдать за подводной жизнью каких-нибудь диковинных рыб. Я представлял себе, как какие-то неясные миры передвигаются передо мной, кружатся пёстрым колесом, одурманивая воцарившейся под водой тишиной, и сказочные рыбки, выплывая из своих потаённых каменных укрытий, отражают мои неясные мечты...

И действительно, как только на моём письменном столе появился аквариум, время будто замирало рядом, и я погружался в чарующий мир подводного царства, где рыбкам, кажется, было одно раздолье, такое, наверное, что они и песенку бы спели, когда бы голос был! Быть может, наиболее поразительной особенностью этого аквариума было то, что всё в нём производило впечатление необычайной лёгкости, и когда я приходил со школы, усаживаясь напротив него, то забывал обо всём. Даже каменные украшения на дне, какими бы тяжёлыми они ни были в действительности, имели воздушный вид. Ощущение лёгкости передавалось и мне, и я начинал чувствовать себя ещё более живым, так что хотелось и самому очутиться там, среди чудесных рыб, не представляя себя без воды...

Додумался я как-то даже обзавестись белой мышью, бабушка принесла мне её из зоологического магазина в картонной коробке из-под обуви, правда, мышь вскоре куда-то пропала, присоединившись, наверное, к своим серым собратьям. Мы всей семьёй искали её, но безуспешно: мышка нашла-таки свою щелочку и ускользнула... Худа та мышь, что только одну лазею знает!

Была у меня и черепаха Машка, что жила в ворохе газет, в тёмной кладовке, но очень любила гулять, ела розовый клевер и одуванчики, пила молоко... На зиму она забиралась в старый бабушкин валенок, так что мы и забывали о её существовании, но по весне черепашка выползала на свет божий, радуясь вместе с нами солнечному теплу и свежей травке...

Когда мне исполнилось девять лет, дедушке подвернулся на покосе юркий ужик, и он решил показать его нам с бабушкой, засунув ужака за пазуху. Ужи любят тепло, и ужику, наверное, было уютно в дедушкиной поддёвке, а я от радости не знал, что с ним делать, и, полюбовавшись на симпатичную змейку, мы с бабушкой в тот же день отпустили её на болото, неподалёку от деревни...

А ещё у деда, всегда связанного с лесом, поселился в доме поползень Митя, он стал для всех нас совершенно ручным, как мышка тихонечко шастая по столу в поисках обронённых хлебных крошек, или вниз головой ловко пробираясь по стволу дерева, отчего я, наверное, и прозвал его «поползук». Но больше всего Митя любил сливочное масло, склёвывая его прямо с рук или даже губ, забирался в рукава и карманы одежды, подолгу разыскивая что-то в волосах на голове... У всякой пташки – свои замашки!

Привязанность птички к нам стала такой привычной, что незаметно переросла в любовь, и этот поползень прожил в лесном доме деда целый год. Я любил поиграть с забавной птичкой, пряча от неё семечки по самым

укромным местам, а смышлёный поползень всё равно отыскивал их. Невелика птица поползень, не всегда приметна, но сколько радости приносил он в наш дом!

Отправившись однажды по грибы, дедушка мой набрел на поляну, усыпанную крепкими боровиками. Сначала он наполнял корзину, не выпуская её из рук, и только когда она стала достаточно тяжела, опустил на землю. Из всех существующих охот более всего он предпочитал грибную, и своей страсти всегда отдавался с удовольствием, не спеша. Вот и тогда, тщательно осмотрев всю опушку и нарезав целую рубаху белых, он вернулся к корзине, и, к немалому удивлению, обнаружил в ней... зайца.

Заяц был большой, серый, в светло-коричневых подпалинах, и его красный нос размеренно двигался во все стороны и изредка вздрагивал. Грибы заполняли корзину уже на добрую половину, но это не помешало зайцу забраться в неё и замереть, как будто бы он обнаружил ямку для укрытия или просто присел под ёлочкой отдохнуть. Плотно прижав к спине уши, он продолжал сидеть так, даже когда человек остановился с ним рядом, и, кажется, совсем не собирался убежать. Пришлось перевернуть корзину и пугнуть зайца, громко хлопнув в ладоши, но зверёк и после этого остался на месте и только покосил коричневым глазом, как бы недоумевая: чем он помешал? И дед прихватил косога с собой...

Заяц жил у нас за печкой, в большой картонной коробке, и если кто приходил к нам в гости, то очень ему удивлялся. Заяц, обычно, какое-то время не хотел выходить, лишь изредка из-за печки доносилась его возня, но вскоре он покидал своё укрытие, и, поводя розовым носом, ковылял к середине избы. Все сидели и, молча, наблюдали, чего заяц предпримет, а он вдруг вставал на задние лапы, опершись передними о чьё-либо колено, и взглядывал человеку в лицо. Сказать, что это был забавный пушистый зверёк, каким мы знаем его из русских народных сказок, было бы неверным. Честно признаться, человеку, напротив которого замирал заяц, становилось порой просто не по себе...

Тупой, застывший взгляд зайца неожиданно обозначал в нём какую-то необъяснимую темноту, и вынуждал смотреть на него с опаской, после чего во мне уже не оставалось того безотчётного благодушия, с которым я совсем недавно воспринимал зверька. Душа зайца вдруг становилась мне непонятна, загадочна, да и сам зверь уже не вызывал того чувства восторга, что охватывал раньше. В моём представлении заяц представал каким-то иным существом, дотоле неизведанным, и в один миг терял в моём воображении с малых лет укоренившиеся черты милого зайки, которого незаслуженно

обижают все, кому не лень, и он приобрёл в своём образе нечто неизъяснимое, что скорее пугало, нежели веселило.

К тому же, отвратный запах тоже не шёл зверьку на пользу, поскольку в народной молве он снискал себе славу заюшки-горностаюшки в уютной шубке, вычищенной снежком и морозом, но на деле заяц оставлял после себя непереносимый дух, отчего в скором времени потерял всякую привлекательность, и как бы хорошо к нему не относились, от него пришлось отказаться... Заяц хорошо в лесу, где он обретает своё лицо и становится всем понятен, но вот рядом с людьми он начинает казаться им нечистоплотным, каким-то непривлекательным колченогим существом, и нам пришлось избавиться от зайца, отпустив его обратно, в родной лес...

А ёжика мы поймали с бабушкой по весне, когда собирали пестики, молодые побеги полевого хвоща... Мясистые и сочные «шишечки» побегов мы срезали в корзинку, и потом раскладывали в тени под навесом, чтобы они хорошенько высушились, после чего бабушка пекла из них вкусные пирожки.

К своим десяти годам я уже не раз слышал и читал с бабушкой истории про ежей, которые жили у кого-то в городской квартире или на даче, и всегда из этих рассказов узнавал что-то интересное о забавных зверьках, но самому никогда не приходилось встречать их в лесу, и уж тем более – ловить... Как это часто бывает, самое интересное и радостное приходит к тебе в жизни неожиданно, и когда мы с бабушкой оказались на светлой полянке неподалёку от деревни, собирая пестики, то вдруг услышали, как кто-то шуршит в пожухлой траве у самой опушки... Пригляделись – ёжик бежит, такой маленький, что даже непонятно: как он пережил суровую зиму?!

Носик булавочкой, иголочки серовато-белые, на вид, кажется, ещё совсем мягкие, правда, я не успел к ним притронуться... Ёжик, заметив нас, тут же юркнул под корни старой ели, зарылся с головой в сухие листья и замер, а кругленькая попка наружу торчит... Думает, мы его не видим!

Смешно нам стало, но про себя я думаю: как же он перезимовал в такой маленькой норке? Бабушка объясняет, что ёж хоть и умный зверёк, а обустроивает свою жизнь очень просто: выбрав место для спячки, утепляет его осенней листвой и ложится тут же, если ему всё это понравилось. Ничто не мешает ему уснуть в наступающем на лес покое... Правда, трудно вообразить, как в таком крохотном обиталище уместятся все его запасы – грибы и яблоки, что он натывает на свои иголки? Бабушка улыбается: нет у ежа никаких запасов, и закопавшись в листья, он спит беспробудно всю зиму...

Обнаружив в лесу ежа, всегда хочется его потрогать и подержать в руках, несмотря на острые иголки, но голыми руками ежа не ухватишь! Ёжик от такого прикосновения очень мило хрюкает и закрывается с головой ещё глубже, растопырив иголки во все стороны. Больше уж после этого не станешь беспокоить зверька, а только представляешь, как он рассердился. Но раз нам с бабушкой выпадает такая возможность подержать зверька рядом хотя бы день, и проверить – какой он на самом деле, то мы решаем взять ежа с собой. Я, конечно, в восторге, потому как чувствую себя его обладателем!

И вот, несём ежа домой, в корзинке вместе с пестиками, а я опять думаю: этот ёжик совсем маленький, родившийся, по-видимому, в прошлом году, и всё равно благополучно перезимовал, остался цел и невредим. Свернулся в клубок на дне корзинки и в ус не дует, а ведь могло этого и не быть. Я смотрю на бабушку и радуюсь вместе с ней тому, что всё так удачно сложилось: мы всегда любили лес, его тайны, и он ответил нам своей улыбкой.

Дома мы первым делом вынули ежа из корзинки и посадили на стол: ёж не подавал никаких признаков жизни. Он и в самом деле казался неживым, но когда я осторожно дотронулся до него, вдруг сжался и глухо, отрывисто уркнул: «тук». Затем опять, ещё более сердито: «тук-тук, тук». Бабушка налила в тарелку молока, крошила туда хлеба, но ёжик долгое время никак не проявлял себя.

Отойдя за шкаф, в угол, мы стали наблюдать за ним, и скоро ёж пошевелился. Слегка разжавшись и высунув блестящий носик, он сначала робко принюхался, а в следующий момент уже оказался рядом с тарелкой, накинувшись на неё, точно на соперника. Тарелка прыгала по столу, как лягушка, ёж же только озабоченно фыркал, неистово подталкивая её к самому краю, и, наконец, сбросил на пол, после чего вновь сжался в колючий комок и возбуждённо затукал: весь его вид говорил о том, что он вполне здоров и полон сил.

Бабушка опять подлила ему молока, спустив на пол, и ёж, уже ничего не пугаясь, вновь подбежал к угощению и продолжил лакать так жадно, что сначала залез в тарелку передними лапками, вскоре у него очутился в ней животик, а затем он и весь там оказался, вызвав у нас неопиcуемый восторг. Наевшись, ёжик уснул прямо в тарелке, и не просыпался до самого вечера.

Когда в доме все улеглись, ёжик принялся обследовать каждый угол, при этом озабоченно фыркал и беспрестанно цокал по полу коготками, никому не давая сомкнуть глаз. Забрался в шкаф, побывал под диваном и

кроватями, перевернул в кладовке старые газеты, а под самое утро облюбовал бабушкины тапочки, куда и наделал. Наутро мы обнаружили по всему дому множество холмиков, причём, помёт у ежа оказался такой едкий, что мы полдня оттирали тёмно-зелёные разводы, благодаря его растительному корму, и было решено избавиться от зверька, как и от зайца. Ёж, конечно, выглядел очень мило, но соседство с ним создавало немало хлопот, и лучше было отправить его обратно в лес.

Перед тем, как отпустить ежа, мы с бабушкой посадили его на пенёк и ещё раз внимательно рассмотрели. Ёжик озорно поблескивал чёрненькими глазками, и на всё, что с ним делали, реагировал спокойно. На прощанье я взял ежа в руки, а ёжик даже не свернулся в клубочек, как он это всегда делает. Он только туркал, вздрагивал иголочками, наверное, от возбуждения, и выглядел при этом очень забавным. Когда говорят: «Отойди, ёж, на тебе тулуп не хорош», - это, скорее, относится к колючему, неуживчивому человеку, нежели к такому замечательному зверьку, как ёжик!

Вот какое зверьё обитало у нас в доме. Я ещё не упомянул снегирей и чечёток в кубарях, мы их ловили с мальчишками прямо в бабушкином саду, нашего петуха, дедушкину корову Марту и телёнка Мальчика, ирландского сеттера Джоя, бесчисленных котов, неизменно сменяющих в доме один другого, и даже козла Борьку, что то и дело норовил поддеть меня рогами, и со всеми из них я старался быть дружен... Эти забавные существа удивительно трогали моё сердце, и я с удовольствием заботился о них, в каждом находя верного друга. Больше той любви, что я испытывал к своим меньшим братьям, я не испытывал никогда: кажется, рад был им больше, чем самому себе. Но и то верно, что в друге родном и себя любишь, потому как дружно не грузно, а врозь – хоть брось. В дружбе – правда, часто говаривала бабушка, и какову дружбу заведёшь, такову и жизнь проведёшь, а я с детства переживал большую привязанность и к зверям, и к птицам, обнаруживая в них самых близких для себя существ, и это доброе братство было для меня милее любого богатства!

Х Х Х

Если ребёнок во чреве матери чувствует глубокое удовлетворение и покой, а после появления на свет переживает только добрые и весёлые чувства, значит его душа соединилась с его телом в полном согласии, он заслужил это блаженное состояние для того, чтобы прожить данное воплощение наполнено и богато, в постоянном контакте с божественным

миром. Ребёнок этот будет тронут счастьем жизни, он в полной мере заслужил это счастье в предыдущих существованиях, и он непременно придёт к бесценному знанию, которое позволит ему принести много радости миру. С благословенным наставлением отпавленный Существованием, может быть, в своё последнее воплощение, такой ребёнок обретёт сакральное знание, важное для всего человечества, он теперь будет заботиться о равновесии божественного духа во всей Вселенной, привнося в это своё воплощение на Земле только гармонию, открывая сердце для любви ради всех, находясь в единстве с Целым... Сила души этого чудесного малыша сфокусирована только на любви и помощи другим людям!

Х Х Х

Детство всегда всплывает из памяти с ненасытным ощущением безраздельного обладания всем, что окружало... В нём не существовало мелочей, и всё было очень важно, включая и засыпающую темноту детской, и замершие на столе, до утра, цветные карандаши, и покачивающийся фонарь за окном, похожий на луну, и грудной голос бабушки, усыпляющий каждый вечер волшебной сказкой, уносящей тебя в звёздное небо, под которым днём можно было потеряться... В закоулках детского сознания не могло быть ничего несущественного, но и понимать всё, происходящее с тобой, приходилось, как ни странно, самому, и в этом проявлялась, быть может, главная, самая захватывающая тайна детства...

Х Х Х

Детство отличается от жизни взрослых одним очень важным обстоятельством: в его объятиях ты делаешь то, что хочешь. Досыта, помню, обременял я себя разного рода играми, выпивая испытываемое при этом удовольствие до капли. Никогда мне не было с собой скучно.

Оставаясь дома один, я полностью погружал себя в какую-либо игру, разговаривая с её героями откровенно и просто, как если бы они, действительно, находились рядом... И так – целыми часами. Я умел у них всё так правдоподобно расспрашивать, и сам себе обо всём происходящем рассказывать, что мне было очень весело. Глядя на меня, могло создаться впечатление, что я в своей жизни много повидал, немало вытерпел, и вся эта придумываемая мной действительность представлялась любопытнее книжек. Даже самые любимые из книжек, по описываемому в них сюжету, не шли в сравнение с моей способностью увлекаться придуманной игрою, и мне с

большим сожалением приходилось оставлять её, когда бабушка или мама приглашали меня к столу... Не хотелось ни на секунду отказываться от придуманного мира, оставлять его, но я вынужден был повиниться. За обедом же с нетерпением ожидал возможности вновь обратить всё своё внимание затеянному увлечению, до такой степени оно меня захватывало. Мечталось всё на свете узнать, самому увидеть, и научиться делать. Восхищение моё окружающей жизнью росло с каждым днём.

Особенно возбуждало моё любопытство подводное царство. Совершенно неизведанное, о существовании которого, казалось бы, я и понятия не мог иметь, оно, тем не менее, всплывало во мне из каких-то неизбывных таинственных глубин, я был уверен – они существуют, и что самое любопытное – эти неведомые глубины уже были известны мне!

Наполнив таз водою, я усаживался возле него на пол, и погружался мысленно в неотступно притягивающую неизведанность, между тем, очень близкую мне, даже – дорогую... Если сейчас задуматься, то я играл тогда, в своём семилетнем возрасте в то, о чём и не ведал! Как такое могло произойти? Ответ однозначен: подобное уже случалось со мной когда-то, то есть – причащение к подводной стихии. Правда, в ином измерении, в другой моей жизни, скорее всего – в предыдущей. Но оно было, во многом, по-видимому, определяло то существование, и, вероятно, не могло не проявить себя в моём настоящем...

Царство это затмевало собой все остальные увлечения детства. Что там увеличительное стёклышко для разведения костров, воздушный змей или подаренная бабушкой машинка с настоящими резиновыми колёсиками и открывающейся дверцей?! Подводное таинство притягивало сильнее всего, его загадка просто повелевала всеми моими устремлениями, словом, царствовало надо мной! У него, наверное, есть свой таинственный правитель, думал я, без которого этому царству не быть: ведь кто-то создал этот удивительный мир, наполнил его непередаваемыми по красоте красками и обитателями, совершенно занявшими всё моё воображение?!..

Тазик, конечно, был неглубокий, в нём бабушка обычно стирала бельё или под осень давила нарезанную капусту. Но для меня в семь лет было и такого водного пространства в достатке, и я представлял его себе не иначе, как морем: со своей бездонной пучиной, неведомыми чудищами и непостижимой тайной, что непременно хотелось постичь. Воображаемая мною глубина была почему-то любима, и не покидало желание погружаться в неё всё глубже и глубже...

Вылепленные из пластилина стены полуразрушенного старинного города, укромные пещеры и затонувшие корабли оживляли дно моего воображаемого моря... Вот уж где было разойтись безудержным мальчишеским фантазиям! Я как будто не замечал, что берега у моря – железные, вода в тазу – не синяя, а прозрачная, да ещё – и не солёная, но так хотелось проникнуть в подводные тайны, оказаться там своим, всё понимающим, неустрашимым!

Мои пластилиновые человечки опускались на дно – и словно растворялись там, проникаясь охватившей их стихией... Для меня они были исследователями того, что непременно следовало постичь, и я мысленно погружался вместе с ними, пытаюсь раскрыть чудесные загадки, представлял, как это может быть на самом деле, и верил, что когда-нибудь море обнимет меня, и я позабуду себя в его могучих объятиях, и стану тем, кем и должен быть.

И так, постепенно и незаметно, росло моё древо неиссякаемого интереса к жизни, преисполненное любви и радости. Хотелось поскорее отгадать в себе неискоренимое ничем знание, что и ты всегда можешь прикоснуться к этой очаровывающей мощи Вселенной, и она находится в тебе! Её маленький, пока неприметный никому огонёк сознания присущ каждому человеку, и каждый способен почувствовать чудесную божественность мира, возвращая своё «божье деревце»... Деревце любви и самозабвенного преклонения перед этим волшебным миром, способное вырасти когда-нибудь в чудесного великана, от которого родится добрый плод. Так восстаньте, во всей своей полноте, дремучие добрые силы, пребывайте в веках, и да поможет вам на этом пути Божественное Существование!

X X X

Весёлая беззаботность детской жизни никогда не обременяет благодаря беспрестанному приливу восхитительной энергии, что источают и травы, и солнце, и небо, и ты сам...

X X X

Никогда и никому в детстве не завидовал, давая зависти возможность пролететь мимо, рядом со мной не присаживаясь, и не потому, что обладал всем, чего только можно было пожелать ребёнку, а лишь по причине

собственной необозримой щедрости, уже обладая, с самого рождения, и землёй, и небом, и возможностью дарить свою радость каждому, даже если он не будет в ней нуждаться... Приятно было чутко, с замиранием духа, угадывать в себе это самое чудесное в жизни богатство: неистребимое желание именно дарить, отдавая безвозмездно любую, даже самую бесценную для тебя драгоценность, уповая только на то, чтобы её приняли и обрадовались, как и ты переживая неопишное счастье единения со всем миром, непередаваемый восторг оттого, что можешь счастливо делиться, одаривая всякого лишь по велению своего огромного сердечного чувства, дарованного всем нам Богом.

X

X

X

Учитель Александра Македонского – философ Аристотель, однажды заметил: люди делятся на три типа... Первый – мёртвые, второй – живые, а третий – те, кто уходит в море... Последнее – очень многомерное состояние, оно необыкновенно живительно, даже – жизнеутверждающе, хотя и располагается между существованием и смертью, но именно благодаря этому неопределённому положению, когда, наслаждаясь миром, ты ежедневно рискуешь быть поверженным безжалостной стихией – в тебе и зарождается единственно ценное качество, достижение коего и оказывается наиважнейшей обязанностью каждого человека: божественность! Неужели вы даже не попытаетесь достичь её?!

Уже в детстве я знал, вернее, чувствовал, что свяжу свою жизнь с морем, я мечтал о нём, и был уверен, что со мной там ничего не случится... Так оно и вышло.

X

X

X

Синяя небесная бездна детства принимает тебя в свои объятия, не даёт ни секунды передохнуть, и всё кружит, кружит и кружит над светлой землёй, обещая что-то прояснить, но так и не проясняет, ровно ждёт какого-то удобного момента, когда в тебе самом раскроются внутренние небеса, и ты полностью отдашь себя на волю этой непередаваемо чудесной и неповторяющейся жизни... Поскорей бы!

X

X

X

Первое умение, которому с удовольствием привелось обучиться в детстве, это, несомненно, желание улыбаться, заливаясь рассыпчатым чудесным смехом, но никак не уныние и не плачь, к чему, должно быть, склоняется большинство людей... Почувствовать удивительную тонкость бытия возможно только с улыбкой на устах, что стало для меня совершенно очевидным с самых ранних лет.

X X X

При всём обилии чудес в детстве, я был свободен от каких-либо привязанностей, и даже сейчас, когда всплывают в памяти самые ранние, и потому – необыкновенные впечатления, я всё же не испытываю зависимости от них, а с радостью благодарю эти зрительные, чуть ли не осязаемые младенческие откровения...

X X X

Как по весне пахнет уютным птичьим гнездом – заметишь только в детстве... Вокруг хоть и проистекают ослепительные потоки восторженной синевы, плывут по небу чистые снежные облака и лопаются на тополях душистые клейкие почки, а воздух ещё пронизан весёлой стынью, поднимающейся от сырой земли. Нет-нет, да задувает свежий промозглый ветерок, но в обнаруженном мной за баней гнезде, в зарослях старого крыжовника, уже тепло: в нём махонькие птицы скоро примутся насиживать аккуратные зелёные или голубенькие яички. Пока же они заняты строительством, разыскивая сухие травинки у земли, и их краткого присутствия у гнезда достаточно, чтобы сообщить ему свою трогательную заботу и теплоту.

Вчера я случайно натолкнулся на него, когда искал залетевший туда мячик. Гнёздышко сразу показалось мне живым, и я осторожно дотронулся до его аккуратно сплетённого шероховатого бока. Удивительное это дело – найти в детстве настоящее птичье гнездо! А ещё больше хочется узнать: кто в нём поселится? Что это будет за пернатый гость, наперекор всем невздам перелетевший море или даже океан?!

Заглядываю в углубление гнезда и нахожу его очень уютным. Ко дну его прилепилось розовое пёрышко. Судя по нему, гнездо когда-то принадлежало зяблику или горихвостке...

Я бы и сам такое уютное местечко никому не уступил. В нём только нужно сменить старую подстилку, пустив её по ветру, и выстелить свежими соломинками. Впереди у только что прилетевших птиц радостные труды и тревоги... Начало новой жизни!

И вот пахнёт на тебя теплом от такого маленького птичьего домика, и ты поразишься трогательной теплоте крохотной души птички, что только после этого всем сердцем встретит, наконец, свою весну, и ты тоже обрадуешься её медовому духу, жёлтеньким звёздочкам мать-и-мачехи и белоснежным стрелочкам подснежника. Сколько уже оказывается повсюду солнца, ярких запахов, красок и пения птиц, благословляющих всех нести в себе тепло навстречу распускающейся чудесной жизни, а где тепло, тут тебе и добро!

Х Х Х

Разве ищешь в детские годы свой жизненный путь, рассчитывая на максимально высокий результат?! Кое-кто, конечно, ищет, но только не ты, потому как безоговорочно доверяешь своему сердцу. А сердце твоё полнится мощью и энергией, способной преобразовать наш жалкий мир стяжательства и жажды власти – в миролюбивый, покойный, наполненный только жаждой постижения и чудесных открытий, посвящённый развитию собственного сознания, огонёк которого присутствует в каждом...

Ведь в детстве не знаешь – чего ожидать от будущих событий, да об этом и не задумываешься, а только не перестаёшь быть честным по отношению к самому себе, радуясь всему, что происходит в твоей жизни.

Х Х Х

Помню, как мы гуляем, взявшись за руки, с бабушкой, то ли это было воскресенье или какой-то праздник, и вдруг, как гром среди ясного неба, раздаётся колокольный звон! Он неудержимо ширится, кажется, разливается по всему городу, и так от этого и страшно, и радостно становится на душе, что остановимся с ней как вкопанные, и она тихонько промолвит:

- Божий глас, Боренька... Вести добрые, не переставая, слушала бы...
- Даже на небе слышно? – осторожно спрашиваю я.
- Порой так свято звонница льётся, милый, что и до самых блаженных мест доносится!
- Не то, что колокольчик над нашим крыльцом, - робко замечаю я.

- Тот-то лишь подзванивает, - утирая губы уголочком платка, шепчет бабушка...

- А если во все колокола ударить? – вдруг озаряет меня.

- То будет красный звон... Он, что небесные гусли...

Вот бы посмотреть хоть одним глазком на того звонца, что этими колоколами распоряжается, думаю я, и ещё пуще прижимаюсь от внутреннего восторга к бабушке. Колокол же разносит свою чистую песню по всей округе, и уже чудится мне, что это не звонарь на вершинке церкви качает, словно зыбку, могучий колокол, а он сам, изнутри себя, переливается своей неудержимой свободой, доносясь до всякого сердца, и моё сердечко тоже со всеми, вместе, радуется, заливаясь маленьким колокольчиком, отчего и весь мир наполняется неопишуемым счастьем...

И тут вдруг бабушка, перекрещиваясь, тихонечко молвит:

- Приходит счастье повсюду, будто весна, благовестит во славу Господню!

Х Х Х

Счастлирое бремя всех богатств, переполняющих детство, представлялось безмерным... Отправляясь однажды в купейном вагоне с родителями на юг, к морю, одним из наслаждений оказывалось подсматривать в щёлочку, из-за занавески, за пролетающими мимо огоньками неведомых селений и станций, лесами и холмами, отчего восприимчивость от увиденного становилась необыкновенно завораживающей, и душа незаметно наполнялась какими-то удивительными впечатлениями, приобретаемыми только в детстве... Чего уж говорить о том, когда днём поезд миновал бескрайние поля крутобоких арбузов и пузатых медовых дынь, залитых щедрым южным солнцем, и тогда переживание совершенного счастья захватывало душу беспредельно, так что блаженство это не покидает тебя и сейчас. Сколько же счастья причиталось нам в те далёкие, невозвратимые годы, какая восхитительная тайна пребывает в них до сих пор!..

Х Х Х

В детстве не покидало убеждение, что живя на земле, я в тоже время существую в каком-то ином мире, где обо мне знают гораздо больше, чем здесь, и никто там о моей жизни и судьбе не горюет, а только радуется

безмерно, не проявляя при этом ни крупницы навязчивости, то есть – мнимую заботу... Наоборот, меня в том мире как будто не замечали, но чувствовал я присутствие этого мира необычайно трогательно и тонко. Все эти ощущения не были каким-либо наваждением, а именно – непрекращающейся радостью от того, что кто-то неизведанный и очень могущественный наблюдает за мной, охраняет, и даже, кажется, любит ни чуть не меньше, чем бабушка... Вот какое неизведанное чудо, думы о нём, нередко посещали меня в детстве!

Х Х Х

Ёлка... Не раз уж я рассказывал об этом новогоднем чуде, и как оно близко именно детству, и вот когда вспоминаю о нём, об этом самом чуде, то всегда думаю о детстве, а уже потом о новогодней ёлке, что растёт себе спокойно в лесу, усыпанная серебристым воздушным снегом, и даже не помышляет, как через каких-нибудь пять или шесть часов окажется в городской квартире, наполнив её скрытой от людей тайной. В чём она?

Дети хорошо представляют себе эту тайну, для них она – не только в конфетах и мандаринах, подвешенных на веточках загадочного дерева, не в подарках, разложенных взрослыми у его подножия, не в разноцветных лампочках, попеременно подмигивающих им зелёными, синими и жёлтыми огоньками, кажущимися на ёлочке какими-то особенными, а в том, что чудесное дерево, совсем недавно растущее в лесу, вокруг которого, быть может, водили под луной хороводы зайцы, вот прямо сейчас находится у них дома, радуется своим ароматом, тотчас уносящим в таинственный ночной лес, и тогда уже живое воображение детей переносит зайцев под украшенную ёлку, в уютную городскую квартиру, и они, конечно, искренне верят в происходящие с ними перемены, ещё больше любят зиму, и с нетерпением заглядывают в замороженные окна, ожидая прихода Деда Мороза...

Казалось бы, всем давно известное и потому совсем неприметное в обычное время, даже – наскучившее, к тому же, с такими колючими иголками дерево, под Новый год вдруг обретало в своём лице скрытое до сего мига обаяние, начиная излучать его повсюду. И тогда гостиная наполнялась чудесами, превращая самые обыденные предметы в неподражаемо прекрасные, и даже старый потёртый шкаф с бабушкиным фарфоровым сервизом начинал как будто приплясывать, залихватски подбоченясь, исподтишка подмигивал тебе, а часы в углу вторили ему более оживлённым, не наскучившим, как обычно, звучанием. Да и вся комната принималась от радости ходить ходуном, люстра на потолке чуть

покачивалась, отбрасывая на стены весёлые отблески, тяжёлые бордовые портьеры на окнах старались не отставать от всеобщего праздничного оживления, и принимались еле заметно колыхаться, будто форточка от морозного дыхания зимы отворилась, и они от этого сразу воспрянули, пробудившись... Во всей домашней обстановке, действительно, воцарялся настоящий праздник, и всё это – из-за присутствия маленькой пахучей ёлки... Не чудо ли?!

Кажется, каждый год ожидают дети новогоднюю ёлку, хорошо известную им, и любимую, но потом надолго забывают, а как придёт зима, и они увидят её, занесённую в комнату с мороза, колкую и холодную, вроде бы, совсем неживую, то вновь вдруг открывают для себя – как она им желанна! Они узнали старую знакомую, что росла где-то в потаённой чаще, пока они пускали в весеннем ручейке свои хрупкие кораблики, у бабушки в деревне летом ловили в пруду юрких пескариков, осенью собирали в парке золотые букеты красивых кленовых листьев, и вот ёлка опять заглянула к ним в гости, и дети застыли в зачарованном оцепенении: как они могли забыть про эту лесную красавицу, что так же, как и в прошлом году, в миг захватила их сердце? Драгоценное дерево вновь с ними, готово спокойно и щедро дарить свою лесную душу, не прося ничего взамен, и это при том, что вскоре оно окажется уже никому ненужным, почти осыпавшимся, очутившись в сугробе, под дворовым забором... Но пока этого не произошло, ёлка любима детьми, они понимают её сокровенную тайну, и лелеют каждый день нахождения возле неё...

... Жизнь так устроена, что всё в ней нужно научиться понимать, в том числе – и разукрашенное под Новый год лесное дерево! Оно, вы не поверите, ждёт этого, иначе, зачем вы привезли его в свой дом? Но, к сожалению, только детям суждено разгадать его хвойную ароматную суть...

Весёлый новогодний праздник без ёлки, без этого замечательного пахучего торжества, – не праздник, и кому это лучше знать, как не детям, которые принимают ёлку всей душой сразу после того, как её переносят через порог дома. Они внимательно наблюдают, как её устанавливают в углу на заранее приготовленную папой деревянную крестовину, и потом, вместе с родителями, наряжают её, развешивая на пахучих ветках разноцветные бусы, золотые орехи и фонарики. Ёлка все эти украшения великодушно принимает, будто берёт себе на память, неся в себе и тихонько переживая, а дети каждый праздничный день радуются её присутствию, ощущая даже ночью, когда волшебное дерево неслышно обнимает их своим

душистым облаком, будто убаюкивая, и они, улыбаясь, счастливо засыпают в его чудесном еловом раю.

X X X

В детстве, даже осенью, никогда не подумаешь, что солнце может стать старым, и ему не будет дела до земли, не повесишь нос, когда заметишь однажды поутру, что пожухла трава, тронутая инеем, а будешь со сладким томлением вспоминать, как слюдяные стрекозы, тревожа сердце, совсем недавно носились над деревенским прудом, разлѣгшееся повсюду роскошное лето, кажется, не имело границ, и душа пела, бежала, летела от счастья в выцветшее от жары небо, готовая наслаждаться этой жизнью вечно... И даже когда мороз скуёт землю, в домах начнут топить печи и кошку Бусю невозможно будет согнать с полатей, и тогда буйное воображение перенесёт тебя в раздольное пшеничное поле, со зрелыми золотыми колосьями, и ты только улыбнёшься тому, как хорошо было жить под усыпанным созвездиями широким июльским небосклоном, привольно простирающимся над твоей головой в бесконечность, когда, возвращаясь с дедом ввечеру с сенокоса, и сидя на поскрипывающем и покачивающемся возу, ты представлял себя, своё маленькое существование, в звѣздной колыбели, с восторгом вглядываясь в недостижимые миры, куда уносили тебя невидимые крылья...

X X X

Счастье в детстве так заразительно, что этим счастьем невозможно не заболеть, оделяя им всех, кого оно миновало...

X X X

Взрослые люди постоянно думают о престиже, власти и деньгах, это - привычное для них стремление заполнить ими свою внутреннюю пустоту, чего никогда не встретишь у ребёнка. Он живёт мгновением, как будто следующего уже не будет, и от такого непринуждённого восприятия жизни это мгновение полнится непередаваемой радостью, и вновь наступивший миг опять представляется ребёнку как последний и неповторимый, и поэтому прекрасная жизнь для него никогда не прекращается... Тот, кто любит, не заинтересован в том, что произойдёт завтра, он празднует жизнь сегодня!

С тех давних лет моего детства до сих пор звучат в памяти бабушкины слова:

- Что бы я делала, Боренька, без своего дорогого сундучка!

И я, действительно, воспринимал его каким-то волшебным...

Бабушка же загадочно шурилась, и тихонько наговаривала:

- Все мои наряды, ладиколоны и мыльца в нём...

А я представлял, сколько же там, помимо этого бабушкиного богатства, ещё разных таинственных вещичек!.. Мне всегда хотелось заглянуть в сундучок, но бабушка не позволяла.

Только по праздникам бабушка раскрывала его, доставая душистые пузырьки и платочки, раскладывала их бережно на кровати, садилась рядом, сложив руки на коленях, и, молча, разглядывала. Иногда какой-нибудь из пузырьков брала в руки, и, осторожно поднеся к лицу, вдыхала, чуть улыбаясь, а затем пузырёк вновь исчезал в потаённой темноте сундучка. Бабушка при этом слегка вздыхала, что-то нашёптывая, и опять улыбалась.

- Что за чудо, - еле слышно произносила она.

Потом из сундучка извлекалась на свет гребёночка для украшения женской причёски, не простая – черепаховая, и бабушка, покойно закинув голову, степенно проводила ей по седым волосам... Будто на душе у неё покойно-покойно, и она вспоминает что-то очень хорошее, чего забыть никак нельзя, и думается об этом хорошем тоже хорошо, приятно... Ничто, кажется, не беспокоило её тогда, в такие минуты, и в её душе, наверное, наступало отдохновение, а все заботы и опасения отходили, уступая место добрым раздумьям...

Гребёночка же с перламутровыми зубьями вся переливалась в муаровых разводах, как на настоящем черепашьем панцире, и бабушка, не спеша расчесав волосы, как-то незаметно помещала её на затылке, после чего я всегда заходил ей за спину, разглядывал гребешок, и тихонечко прикасался к нему пальцами: гребень этот казался мне диковинным, а на ощупь был всегда тёплым, даже – ласковым...

- Не гребень голову гладит, а время, - тихонечко замечала бабушка, и прижимала мою голову к своей груди...

Хранилось у неё в сундучке и зеркальце... Только бабушка в него не гляделась, а поглаживала резную деревянную оправку натруженной рукой,

после чего заворачивала в платочек, и тоже убирала на дно своего дорогого сундучка, будто молодея...

- Бабушка, - с волнением восклицал я, - какая ты красивая!

Бабушка же, улыбнувшись, сообщала как неведомую новость:

- Вот и я замечаю: внук у меня – совсем жених! Сударик ты мой родимый...

Оба мы друг другу очень нравились, и даже зеркальце, кажется, радовалось вместе с нами. Ни от чего в такие дни ни шло столько радости, как от бабушкиного сундучка...

- Бабушка, - переполненный чувством, обращаюсь я к ней. – Твой сундучок нам с тобой – как праздник!

- Господь с нами, родной, - в сердцах молвила она. – Он, кажется, и в нашем с тобой сундучке обитает... Как открою его, будто именинница!

Но всё равно грустно покачивала головой, и, тем не менее, то были счастливые дни, когда мы с бабушкой как-то по-особенному дивились этому сундучку, называя его «нашим», всегда раскрывая его с предощущением внутреннего восторга, будто в душе расцветает цветок, и пахнет ненавязчиво и ласково, так сокровенно, пока мы сундучок не закроем. И потом я и месяц, и два, и три с затаенным духом жду: когда же бабушка его открывать вздумает, и из сундука опять начнут истекать хранимые ей божественные чудеса?.. На то, наверное, воля Божья.

Я и сейчас, будучи уже взрослым человеком, подошедшим к своему краю, нет-нет да помолюсь, желая хотя бы ещё разок побывать в этой сказке, называемой детством. И если Бог даст, то непременно задуманное свершится: благословенный бабушкин сундучок отворится, и, как и прежде, мы с ней вновь обнимемся, сидя возле него и благодаря Господа за то, что принёс нам любовь, проистекающую даже из обыкновенного кованого сундучка. Разве проникнешь земным разумом в пути Господни?! Но как радостно идти по ним, неся в душе любовную крепость и милосердие, ощущая рядом присутствие родной бабушки, что освещала меня всегда своим внутренним солнышком.

Х Х Х

В детстве я не любил бросать плоские камешки в воду и подсчитывать, сколько раз камень подскочит, а всё больше, усевшись на бережку, мысленно стремился проникнуть в самую её глубину, где стоят, не шелохнувшись, изумрудные травы, на песчаном дне покоятся пузатые раковинки, над ними

плавно шевелят красными плавниками полосатые окуни, но пуще всего хотелось заглянуть ещё дальше, в самую темноту, куда неудержимо устремлялось моё воображение...

Так, с затаенным удивлением, разглядывал я обычно в детстве воду, ожидая от неё, по-видимому, какого-то чародейства. В её глубине была заключена моя мечта. Что же на самом деле меня там привлекало?!

Х Х Х

Блаженное чувство лёгкости и покоя приходило ко мне в детстве, когда я заболел... И разве возможно подобное восприятие соотносить с недомоганием в более зрелом возрасте? Когда ты взрослый, тебе не приносят в постель чудесные подарки, означающие твоё скорое выздоровление, что предполагает, в свою очередь, такое же замечательное будущее, наполненное прелестью и смыслом, а ограничиваются лишь скудными приношениями от медсестры, представляющими собой скляночки с порошками и пилюлями... В детстве же, ещё болея, ты уже угадываешь то, что тебе преподнесут, чего раньше не дозволялось, но теперь, после этой затянувшейся простуды, оно оказывается вполне доступным: стоит только заболеть, а затем – благополучно выздороветь, и вот дар, о котором давно мечталось, в твоих руках. Что же это за счастье такое – детство, в котором и болезнь в радость, и даже если ты немножко пострадаешь, то обязательно обретёшь благодаря этому ещё большее благо!

Х Х Х

Нет в детстве более чудесного чувства, чем восхищение тем, что просто прекрасно, и в этой своей прекрасной простоте – необъяснимо! Как прекрасны были в детстве книги, что уводили мысли в неизведанную даль, ты жил ими, и они захватывали так, что невозможно было уснуть... Вроде бы, не раз уже слышанная история всё равно вынуждала волноваться, и ты забывал, что она не нова, но тем не менее опять оказывается для тебя неотразимо увлекательной... «Не уходи, - говоришь ты бабушке, - почитай ещё...», и бабушка остаётся, пока сладкий сон не уносит тебя к твоим героям, в те самые неизведанные дали, а бабушка не перестаёт с таким же интересом рассказывать увлекательную историю, убаюкивая своим голосом и теплом. Так в детстве побывал я, благодаря обыкновенной книге, во многих дальних краях, не покидая родного бабушкиного дома, милее которого не сыскать...

В детстве я не боялся ни змей, ни лягушек, брал их в руки, не опасаясь появления на них бородавок, в чём уверяли взрослые, и отчего-то это приносило мне радость: будто я открыт всему миру, не страшусь любых его проявлений, и мир, по этой причине, принимает меня в свои объятия.

Лягушки со змеями более других живых существ привлекали моё внимание, наверное, потому, что выглядели наиболее устрашающими, или – неприятными, отчего все ребята их и остерегались, мне же интересно было познавать окружающее пространство, а лягушки, при всей их скользкой непривлекательности, просто завораживали тем, что одним своим видом всех от себя именно отталкивали. Хотелось приблизить их к себе, и разглядеть получше...

Но лягушки так ловко прячутся в траве, что доискаться их невозможно. Даже увлечённые своим кваканьем, они улавливают шаги человека издалека, тут же замолкают, и как сквозь землю проваливаются. Завидя же в траве маленькую лягушку, в душе просыпается нечто неопределённое, сбивчивое, что невозможно объяснить, и сразу появляется желание поймать её, обхватив такими же маленькими ладошками...

Правда, лягушку оказывается не так уж легко поймать: крохотная, с малюсенькими лапками, она способна подпрыгнуть на полметра, и при этом совершает свои прыжки неожиданно, будто мгновенно распрямившаяся пружинка взвилась в воздух и снова исчезла, - только её и видели! Да только остановиться уже невозможно: опустившись на коленки, как и лягушка, прыгаешь за ней в росистой траве, и никак не можешь ухватить: маленькая симпатичная лягушка оказывается проворнее тебя. Пока ты не поймаешь лягушку, представляется тебе, окружающее лето как будто ненастоящее, а радость твоя неполная...

Но забывается от счастья душа, когда всё-таки удаётся накрыть неуловимую лягушку... Затаив дыхание, стоишь со сжатыми руками, не в силах ни о чём подумать. Оказавшись в ладошках, лягушка тоже замирает, будто её там и нету, и ты даже засомневаешься в своей удаче, и, подождав немножко, приоткроешь осторожно ладони... Лягушке того и надо: она ловко выскользывает из твоих рук, на секунду блеснув на солнце своей цветастой шкуркой, и вот уже её и след простыл!

Что это за удивительное существо – лягушка, думаешь ты. И ещёловишь себя на мысли, что совершенно позабыл обо всём, пока охотился за

своей лягушкой... Но разве может быть иначе, когда вокруг разлеглось жаркое лето, повсюду в воздухе жужжат шмели, стрекочут кузнечики и порхают бабочки и стрекозы?! Жизнь без лягушек, несомненно, была бы однообразна...

Скажете, всё это – ерунда?! Нет, подобное, вроде бы, совсем обычное дело не так-то часто случается в этом мире. Ну, если только в детстве!

X X X

Большая роскошь – иметь любимых бабушек... Благодаря им детство моё напоминало чудную горку из разноцветных пасхальных яиц, превращая и всю жизнь в сплошной праздник... Неописуемо счастливое время, созданное Богом, - и бабушки его оберегали, а я с радостью проживал, потому как ребёнку что ни день, то и праздник, и если примечаешь в нём красоту, то счастье само придёт. Но вот что странно: никто лучше ребёнка не ведаёт, что счастье – в нас, а не вокруг, да около, и выходило всегда так, будто только бабушки это понимают.

X X X

Известные всем уровни сознания, подсознания и сверхсознания очень условны... Скорее всего, этих уровней множество, у каждого человека – собственное количество, существующее в зависимости от того, работает ли над собой человек или нет... Уровни сознания – это своеобразные ступени, по которым движется душа, обретая для себя развитие, рост, и подобное движение бесконечно, а начинается оно в детстве. Только в детстве, и только ребёнок понимает: всё, что дано ему – хорошо, оно неслучайно и предназначено именно для него, для того, чтобы становиться более содержательным, как и этот чудесный мир, цельным.

X X X

В детстве и юности я, помнится, не следил за каждым шагом весны, как это делаю сейчас, всё чаще – лишь из окна, а сам весело шагал вместе с ней, не успевая замечать, как обтаивают косогоры с первыми цветочками мать-и-мачехи, пускаются в пляс безудержные ручьи, разливается повсюду поляя вода, как прилетают с юга птицы, запевают скворцы и жаворонки, одевается в зелёные одежды лес, и оттого спорящаяся вокруг жизнь западала мне

глубоко в душу, задевая в ней донныне неведомые струны, что пробуждали томительное переживание счастья, порождённое и весной, и детством, и самим собой... Сколько шумной радости было в природе, сколько волнений в душе!

Х Х Х

Ребёнок и помыслить не в силах, что прожитый без праздника день для него – потерян: он этот праздник создаёт своим отношением к жизни ежеминутно. А вот взрослый человек, как бы глубоко он не задумывался о причинах отсутствия в себе радости и стремления к развитию, ничего с печалью своей поделать не может, живёт неосознанно, бездушно, не принося никому никакого блага...

Х Х Х

Несмотря на то, что наша жизнь в детстве ограничивается родным домом и близкими, мы рождаемся с бесконечно прекрасным и глубоким знанием о себе, и оттого, быть может, и само детство воспринимается ещё более богатым, и ты с удовольствием угадываешь при помощи собственного внутреннего знания всё окружающее тебя существование, и даже свою дальнейшую жизнь, то, чем она особенна в отличие от других жизней, и это угадывание удивительно чарующе, наподобие того, как если бы ты попал в родную твоему сердцу, волшебную сказку, где всё хорошее непременно сбывается, а плохого и вовсе не существует...

Х Х Х

Разве забудешь, как в детстве, каждый день, неудержимо врывается в твою жизнь солнечное счастье, оно – во всех вещах, что окружают тебя, и в них будто находишься ты сам – маленький вихрастый мальчишка шести лет, очень счастливый и солнечный, как никогда ощущающий единение со всем Сущим...

Х Х Х

Нежная, приятно пахнущая теплота изливалась от бабушки, отчего мне всегда счастливо было находиться с ней рядом, спать на одной постели, в

обнимку, плавно погружаясь в сладкое забытие. И так – во всём. Одного я не любил: во время жестокой простуды дышать над варёной картошкой, и это лечение самым тщательным образом уготовликала мне бабушка, не взирая на мои молитвы, что моченьки терпеть уже нет никакой. Наварит картошки в чугушке, накроет старой шалью, плотно подоткнув её под самый горшок, чтобы не миновал меня жгучий пар, и наставительно молвит:

- Вдыхай во всю силу, Борюшка, да не ртом, а носом забирай жар, я всё слышу!

Я соплю изо всех сил, стараясь забирать горячий воздух краями, но эти уловки не минуют бабушкиного внимания, и она наподдаёт мне слегка ладонью в темя, приговаривая:

- Отче наш, ижи если на небеси, воля твоя, царствие твое, пожалей внука родимого моего, ради Христа!

От этих слов со свистом втягиваю я обжигающий картофельный дух, не в силах сдерживать изливающиеся слёзы вперемешку с соплями, неуклюже сглатываю эту солёную смесь, пытаюсь оставаться честным к бабушкиному врачеванию, уже не чувствую ни щёк, ни ушей, ни лба, сам превращаясь в одну большущую картофелину, а бабушка, не отступая, увещевает:

- Крепись, милый, не поноравливай себе слабую повадку, а то придётся терпеть до лета!

И я не потакаю в себе слабине, не послабляю обману, хотя очень хочется раскрыться, но стыдно не вынести бабушкиного испытания во собственное здравие, ведь она старается ради меня, мужественно терплю, не крикнув. А разомлевшие мысли плавно струятся из головы наружу, подальше от разгорячённого чугушка, бабушка же сидит где-то рядом, молчком, и я чувствую, как ей хочется приостановить мои страдания, но она тоже не попускает в себе слабину, любя меня.

- Спешить нечего, потерпи, голубь, - тихо произносит она, и я угадываю по её грудному голосу, какая у неё в сердце живёт забота. Кажется, вот-вот прижмёт мою голову к сердцу, но обмогается в своей любви, не подавая виду.

- Бог терпел, и нам велел, - ласково добавляет она. – Терпя – в люди выходят... Картошечка-то – самый аппетит!

И я терплю, терплю от того, кого больше всех люблю, а в висках гулко выстукивают неугомонные молоточки, и едкий пот заливает глаза... Это спешит вырваться из меня на свободу хворь куролапая, мы с бабушкой её

выгоняем, того и гляди горшок с картошкой надсядется! Но всякому терпению мера...

- Господи, - еле слышно шепчет совсем рядом бабушка, - пожалей моего малого голубёночка. Дай ему радость и на этом и на том свете, пошли в светлое местечко...

Х Х Х

Вера в то, что мы можем быть лучше, чем есть, приходит к нам, в первую очередь, из детства. Именно в детстве, когда мы увлечённо играем в эту чудесную жизнь, в нас уже присутствует уверенность, что мы способны совершить нечто большое и значительное, не самоутверждаясь за счёт других. Сомнения в этом просто отсутствуют в ребёнке.

Ведь игра, тем более – совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не хватало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует, ему это единство лишь надлежит сохранить, и, играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру.

Х Х Х

Приятно было, когда бабушка держала меня за руку, ведя по дорожке моего детства... Но теперь я знаю – куда иду, и я очень хочу туда попасть: безо всякой поспешности, спокойно наслаждаясь самой дорогой, какой бы неустроенной она ни была. Да только невозможно пройти этот путь без переживания чудесной отрешённости детской поры, ибо прелесть детства заключена в том, что ребёнок не ждёт и не просит, чтобы желаемое для него непременно случилось, он не приходит в напряжение от этого ожидания, и именно поэтому оно случается. Случается благодаря безмерной открытости маленького человечка, его абсолютной раскрепощённости и самоотдачи, при отсутствии какой-либо боязни отправиться в нескончаемое путешествие по жизни, и ты, несомненно, учишься, благодаря детству, быть таким же открытым, свободным и готовым к преодолению любых препятствий...

Х Х Х

Ребёнок, в отличие от взрослого, более восприимчив, потому как не ограничивает себя сомнениями, и не противится приходу в свою жизнь чего-

то сверхъестественного, принимая его как нечто естественное. Даже то, что случается неожиданно, не пугает ребёнка: он не перестаёт глубоко чувствовать, при этом оставаясь открытым, а поскольку до пяти-шести лет ребёнок больше предоставлен себе, то именно поэтому, наверное, он не теряет связи с Высшим Источником или своим ангелом-хранителем, и это в его жизни оказывается самым ценным, хотя в поле внимания ребёнка – всё Существование! Верховные Существа с особенной заботливостью присматривают за маленькими детьми, поскольку имеют целью поддержать и подтвердить идею присутствия благожелательных духов в нашей жизни, а саму жизнь научиться воспринимать как восхитительное благо.

X X X

В детстве я был одержим игрой, не представляя без неё жизни. Игра была для меня сама жизнь - увлекательная, захватывающая, составляющая суть всего существования. Я это чувствовал, и оттого не переставал наслаждаться даруемыми жизнью возможностями, что предоставляла жизнь, выпивал это удовольствие до дна, каждый день, не чувствуя насыщения, но и голода не испытывал, просто играл, в удовлетворении впитывая всё происходящее вокруг, и эта распростёршаяся повсюду чудесная жизнь вливалась в меня благостно, будто тоже приветствуя моё присутствие в мире... И так, вместе, мы были с Существованием друзьями, легко понимая друг друга и радуясь этому невидимому единению, и я был очень счастлив от того, что жизнь расположена ко мне, так же, как и я к ней.

X X X

В детстве не приходит в голову, что когда-либо умрёшь и не увидишь больше цветочные поляны, чудесных птиц горихвосток, посверкивающих своим огненным подхвостьем, бездонного синего неба с бегущими по нему белыми облаками, всего того, что, кажется, навсегда вошло в твою душу, с чем так сроднился и без чего уже не представляешь своей жизни, а всё больше предаёшься мечтам улететь вместе с этими облаками куда-нибудь далеко-далеко, потому что в детстве тебя необыкновенно привлекают неизведанные дали, те места, где можно проявить скрытую в себе энергию, преодолевая самые отчаянные трудности, постигая глубину и непредсказуемость жизни, всю её завораживающую ширь...

Отчего нам довелось переживать такую сладкую долю? Думается, только оттого, что Богом устроено людям познать в жизни ещё много необычайного, к чему невольно устремляется душа, и если бы этого не было, существование наше не воспринималось бы таким пленительным...

Х Х Х

Жизнь даёт нам то, что мы ищем только тогда, когда мы честны перед самими собой, и учимся управлять своей судьбой, слушая сердце. Не этим ли мы были заняты в детстве, более чутко улавливая свою взаимосвязь с породившим нас Источником?!

Х Х Х

По субботам мы с бабушкой ходили в городские бани. Уже пропало навек старинное здание, в котором они тогда располагались, но я хорошо помню, как мы спускались по длинной деревянной лестнице, устроенной в несколько проёмов, под гору, к песочной улице, где всё пространство как будто расступалось в преддверии какой-то более завораживающей, ещё совсем неизвестной мне жизни, и потому идти по песку было хоть и неудобно, но радостно.

На такую улицу выйдешь – больше увидишь, не сравнить с теснотой наших приречных переулков, где некуда деться, тут же – везде поместишься. В лицо ударяет простором и незнакомыми запахами, а там, где мы живём, на горе, жизнь тянется укромной вереницей зеленеющих огородов с домиками-скворечнями, стаями ворон и галок, серыми заборами, скрывающими за собой тихо обустраиваемую незаметную жизнь...

Здесь же, в городе, появляется необъятное раздолье: куда не взглянешь – всякий раз открывается нечто новое, что, в первую очередь, привлекает детское восприятие. Нет ни укромных избушек с дровяниками и кучами навоза, ни домашней птицы, вольно разгуливающей по заросшим свежей травкой покойным улочкам, а встаёт, как солнце, светлый город, только что колокольным звоном в нём не встречают, хотя неподалёку от нашего с бабушкой дома высится важная колокольня, выше городских домов! Из-за деревьев уже видны их разноцветные крыши, и в этой распахнувшейся передо мной широте я ощущаю только праздник... Вот и пахнет тут как-то солнечно, открыто, и это огромное пространство, кажется, закрывает собой весь мир. Город всегда приветствует тёплым ветерком, поток неизведанного

городского воздуха вливается в меня неудержимым потоком, и я забываю, что идём мы с бабушкой в баню!

Втягивая носом струйки неизведанных запахов и перемен, я, кажется, пьянею от этого открытого для всех места, существующего, наверное, только для свободных поступков и мыслей; смотрю на всё тоже светло, с нескрываемой радостью, и большие окна высоких домов улыбаются мне навстречу играющими в воздухе весёлыми лучами, подмигивают, кажется, даже приободряют... Я гляжу на раскинувшуюся впереди широкую улицу, и тоже улыбаюсь... Улыбается и бабушка, поглядывая на меня...

А повсюду – шум колёс и звон надвигающихся трамваев, пешеходы спешат куда-то, не обращая внимания друг на друга, и всё это движение никак не может уместиться в моей душе... Но хорошо бывать здесь уже только из-за того, что на каждом углу торгуют мороженым, то и дело слышатся зазывные выкрики – «мо-ро-жен-но-о-е, мо-ро-жен-но-о-о-е...!», и я с умилением смотрю на бабушку... Чудесный день, светлое настроение, а простору вдоволь на все четыре стороны!..

От радости я и забыл, что у меня в кармане – глиняный петушок-свистулька, и, вынув его, с волнением прилаживаюсь, чтобы вышло чистое звучание, но поначалу ничего не выходит. Держа в одной руке петушка, а другой уцепившись за бабушкину юбку, я продолжаю насвистывать, дую, что было мочи, пока не получается стройная мелодия, почти как у птицы... Я никак не овладею свистом сквозь пальцы, как это делает соседский Сёмка, и потому ношу с собой этого глиняного свистуна. Не всякая птица свищет, иная – чирикает, а сова и вовсе только пыхтит да щёлкает, но я обязательно научусь, пока же только насвистываю на глиняной дудочке свои напевы, и мне это очень нравится. Бабушка, поглядывая на меня, вкрадчиво говорит: «Не всё бичом да хлыстом, ино можно и свистом!».

А вокруг весело перепархивают вездесущие воробьи, щеглы и гаички... Эх, как было бы хорошо, только ненадолго, тоже стать птицей, склёвывать по деревьям вкусные почки, пить водицу из поблескивающих луж, радоваться солнцу... Но если честно, то не хочется, даже на время, терять свободу, своё вольное детство... Ведь что-то праздничное всегда присутствует в нём, и во всём, что окружает, то, чего не почувствуешь, наверное, не будучи человеком, хотя ты и шестилетний мальчишка...

Но вот и бани... Там, я уже знаю, - горячая вода, пар, дерущая вехотка, и много голых людей, и всё-таки, некая нерешительность присутствует: а как будет в этот раз? Я ещё маленький, и потому, конечно, не смущаюсь своего тела и того, что вокруг – обнажённые женщины: они для меня, как и

бабушка, просто хорошие люди, пришедшие, как и мы с ней, смыть с себя всё ненужное, стать чистым...

Да, баня и гладит, и ладит, и правит, как без неё? Коли бы не баня – все бы мы пропали. И бабушка ведёт меня каждую субботу в баню, намывая как к празднику, переодевая во всё чистое, будто занята повиванием новорождённого: баня все болячки смоем, а шайка сполоснёт. Задаёт бабушка внуку баню во имя его здорового тела и духа!

Но что в бане интересно более всего, так это само её обустройство: всё здесь в уютном пару и тепле, ты будто в сказке, правда, пока ещё, конечно, без каменной печи с булыжником и полоком, где охаживают себя взрослые дубовыми и берёзовыми вениками... Вокруг стен – каменные лавки с изогнутыми ножками-лапами, на них моются, в стенах – краны с горячей и холодной водою, на лавках – перевёрнутые шайки для мытья и оката. Вехотки – мохнатые колючие мочала, мы с бабушкой приносим с собой...

При всякой порядочной бане имеется предбанник, где все раздеваются, отдыхают и запивают её квасом. Бабушка тоже берёт ядрёную настойку на чайном грибе, что шибает в нос и голову до слёз. Но мне больше всего нравится пускать мыльные пузыри, пока они не лезут в глаза и уши... Не зря общую комнату или зал, где не парятся, а только моются, прозвали в бане «мыльней». Есть в бане и «мыльщик» - служитель, который моет людей, если его попросишь...

Правда, бабушка сама намыливает мне голову, усердно взмыливая воду мыльцем-белильцем, так что дышать становится трудно: настоящая баня, хоть и без сильного жара, да шёлкового веничка, но, кажется, на малиновом пару! Для всех тут найдётся место, и всем баня несёт чистоту и свет.

Пена в тазу волшебным образом вздувается, будто сахарная вата, выпирает, и я окунаю в неё руки как в облако, что кладу тихонько на голову и плечи, радостно переживая её приятную воздушность, какая только в бане... И тут же бабушка окачивает меня тёплой чистой водою, тоже как будто волшебной...

- Дай тебе Бог здоровья, миленький, - приговаривает она, - живи долго и счастливо...

Я робко замечаю:

- Все грехи, бабушка, отмоем...

Бабушка улыбается и утешает весело:

- Великий ты мой разумник, какие ж у тебя грехи?

- Всё равно, - не унимаюсь я.

Может быть, от этого бабушка ещё пуще взбивает пену, ласково натирает мне уши, пошучивая:

- Ну, банщик, много грехов смыл?

Чего тут скажешь: священна баня, всякому она пригодится, ибо не только тело, но и душу отмывает. Ведь только один Господь без греха...

С бабушкой мне всегда весело, хотя бы это была и баня. Обычно она что-нибудь рассказывает, или просто приговаривает, пока мы идём до бани, и когда бабушка стаскивает с меня пальтишко и рубашку со штанишками, отчего всё представляется смешным, то даже не хочется отвечать ей от нежности, и я только улыбаюсь, притворяясь, что не слышу, что она говорит.

Особенно весело нам становится, когда бабушка принимается стягивать длинные чулочки и расстёгивать липучки на моих ботиках, тогда она тоже начинает улыбаться, и я обнимаю её за голову...

- Не стыдно тебе, - как будто бы строго замечает она, - что бабушка ходит за таким большим внуком... Ты ведь у меня не девочка, а мальчишка!

Но мне совсем не стыдно, потому, что я знаю, что бабушка шутит. Ей, наоборот, нравится, как она говорит, «ходить» за мной, и я, смеясь, отвечаю:

- А купи мне сапожки, и тогда я буду у тебя самостоятельным!

Она опять только улыбается, а потом тихонечко добавляет:

- Я тебе ещё и валеночки куплю, такие же беленькие, как зимушка, и будешь ты у меня настоящий мужичок!

И вот, после всей этой занятой процедуры, мы, наконец, в банном зале, и он повергает меня своим гамом, шумными потоками повсюду льющейся воды, в сыром воздухе повисает грохот шаек, и всё это – в беспросветном жарком пару! Задорно размыливается мыло, идёт мытьё без удержу... Одна гражданка задаёт другой мылку, чешет ей что было сил спинку, а та только побряхтывает: ничего, что в бане душно, ибо каких только дураков не свете нет, а и те после бани не чешутся... Банька всех моет, она мать родная!

С замиранием сердца слушаю я и наблюдаю, как то и дело хлопает на пружинке наружная дверь, там и тут слышатся весёлые возгласы и довольное фырканье голых тёток: кто кого перемылит! Охваченный всем этим безудержным возбуждением, я понимаю, что тут происходит что-то интересное... Помни день субботний – иди в баню!

А бабушка уже занимает свободную лавку, отыскивает брошенные кем-то тазики, и, ополоснув их, принимается набирать горячую воду. Вода плещется из кранов беспрестанно, один тазик только успевает сменять

другой, и во всём этом водном извержении идёт кругом голова... Да это только с непривычки...

Лавка, хоть и каменная, но тёплая от повисшего в воздухе жара, а если обдать её водой из тазика, то и вовсе станет горячей. Когда бабушка склоняется надо мной, ловко намыливая голову, я слышу, как от неё приятно пахнет домашним печеньем... Мыло же, между тем, забирается в уши, стекает на глаза, так что, почему-то, страшно хочется открыть их и посмотреть – что творится вокруг? Да разве решишься?!

Глаза начинает неудержимо щипать, и я скорее промываю их от мыла, стараясь, всё-таки, рассмотреть хоть что-нибудь, а бабушка:

- Ну, ещё раз намыливаю и смою, жмурься!

Но въедливое мыло делает своё дело, глаза режет, будто надышался луку, и голова идёт кругом... Что же это со мной, куда я теперь без глаз?!

А бабушка уже взбивает в тазу пену мочалкой, опускает мне на спину, и давай наглаживать, до щекотки, так что становится даже приятно. Вокруг летят прозрачные пузырьки – голубые, жёлтые, зелёные, лопаются, и опять плывут мимо, весёлые, не надоедающие шары... Они вьются повсюду, как будто кто-то, невидимый, выпустил их на свободу, и шарики от счастья не знают – куда лететь... Бабушка сквозь эти прозрачные мыльные создания тоже становится волшебной, будто это и бабушка, но совсем иная: пузырьки делают её ещё более красивой... Как чудесно!

Сердце онемело заходится от того, как бабушка проходит с мочалкой по всем моим суставчикам, так что я, как взрослый, даже поохиваю, и в тоже время, от растекающейся по всему телу сладостной расслабленности хочется задремать прямо тут же, на лавке, ошпаренной кипятком...

И бабушка, и баня ублажали, и было приятно чувствовать, как шепчется на теле пена, и всё оно пышет чистотой... А мочалка-то липовая, отобранная дедушкой из свежего душистого деревца, почти невесомая на руке... И вот уже бабушка окачивает меня тёплой искрящейся водичкой, что кажется не простой, а чудодейственной, и это не может забыться, ибо баня во здравие человеку дана, как благословение Господне.

- Всякая хвороба в подполье, а тебе, милок, здоровье! – весело восклицает бабушка, обрушивая на меня очередной тазик ласковой водички, и я жмурюсь от удовольствия, ни о чём другом, кроме чистоты, не думая, и на душе становится легко-легко, а во всём теле – одна свежесть...

- Извольте, милостивый сударь, мылиться, жару не бояться, и с лёгким паром оставаться! – знай, приговаривает бабушка, и я хорошо чувствую эту её заботу, что до сих пор не может забыться. И хоть ничего в зале не видно от

густого пару, я замечаю, как покрасневшееся лицо бабушки улыбается, всё у неё выходит как-то особенно, не похоже на моющихся вокруг женщин, что сосредоточены только на своих телах, тогда как бабушка отдаёт всю себя мне...

Почему я так хорошо всё это помню? Почти постоянно находясь вместе, мы просто любили друг друга, а любовь никогда не забывается, сколько бы лет тебе не было.

Бабушка умеет мыть! Мочалка у неё хоть и жёсткая, а имеет особую ласковость, что пробирает до слёз. Когда меня моет отец, он больно царапает голову ногтями, а спину натирает так, что, кажется, останусь без кожи, да потом ещё как окатит кипятком, и всё время молчит... Неуютно мне с ним, и безо всякой охоты отправляюсь я с отцом в баню...

Бабушка же совсем иное дело: так радостно было отдаться деручей мочалке в добрых бабушкиных руках, что елозила ей по моей голове и плечам со старанием, присущим только любящей бабушке. А потом, после тщательного намыливания и растирания, она окатывала меня горячей водицей, так что я дурел от ощущения нескончаемого счастья. Счастье это было повсюду, и главное – во мне, в этих чудесных детских годах, когда бабушка, несмотря на свой возраст, была молода и задорна, наверное, только ради меня. «И ничего, что зубов у неё своих нет», - думал я. Каждый вечер бабушка вынимала изо рта целую челюсть!/, осторожно опуская её в стакан с водой, что придавало ей в моих глазах ещё большую добрую тайну. Поглаживая меня по голове, бабушка, прежде чем нам идти в баню, всегда ласково спрашивала:

- Мыться-то будем, милый, а?

Я не мог представить себя без неё, без моей главной женщины, ведущей меня по жизни так незаметно, но трогательно и честно. Устроит мне бабушка баню, намылит шею, а я и рад.

- С гуся вода, с Бореньки вся худоба! – ласково приговаривала бабушка. – Без баньки – всё равно как телу без души! Мойся, батюшка, намывайся всем нам и свету на славу, ибо чистый человек пред Богом невинен...

В парильню бабушка никогда не ходила, по её словам там стоял жуткий жар, чего её больное сердце вынести никак не могло, но как я узнал позже – он, этот жар, в бане самый главный гвоздь. Я ещё не ведал – остерегаюсь ли этого жара, но почему-то в глубине души надеялся, что сдюжу, то есть – выдержу его. Если бы бабушка решила отправиться туда и взяла меня с собой, то я бы, наверное, не забоялся. Так мне казалось.

Ещё не хватало, если бы соседский Сёмка узнал мою слабинку, и непременно стал дразнить:»Борька – плакса, гуталин, проглотил горелый блин!», чего я, конечно, допустить не мог, вот ей богу, и уж ответил бы ему:»Шагай – не бойся, только в баню сходи помойся!»

Очень счастливый отправлялся я всегда в баню, как будто это могло что-то совершенно точно изменить в моей жизни... Правда, она и без того была прекрасна: ведь я шёл с бабушкой, по нашей любимой улице, купаться, пить после бани очень вкусный гриб или квас, и есть эскимо! Мороженым не поугощаешься каждый день, только когда мы с бабушкой отправляемся в городские бани, и вот оно, обёрнутое в серебристую фольгу эскимо, в моих руках... Долгожданная сладость, вкусней её, кажется, ничего нет.

Бабушка – живая душа, её никогда не нужно было просить о чём-либо, она сама угадывала глубоко желаемое мной, и всё это представлялось таким естественным, чего не ощущалось даже с родителями... Когда бабушка рядом, всё равно что на солнышко поглядишь, - счастливое и светлое время, в котором душа сладостно тоскует и ждёт чего-то...

... Город был приветлив, весел, широк, он всей душой был распахнут к нам, и невозможно было его тоже не любить. Хорошо было чувствовать себя после бани чистым и лёгким, будто воспарившим над городом, не ощущая своего тела... И, действительно, мыться в бане – значило заново родиться, хоть ты ещё и был маленький.

Радостно любить себя и весь мир, просто идя рядом с бабушкой, взяв её за руку. Какой чудесной была жизнь, и такое чудесное настроение возникало и благодаря омывающей тебя чистой бане, такой доступной и простой, без которой никак не обойтись. Каждый бы день ходил с бабушкой в баню, хотя там пар коромыслом, можно топор вешать, как говорил дедушка, но с паром вся хужоба уходит, так, что в баню идти – пару не бояться, и тогда душа с телом, кажется, легко и почти неощутимо поднимаются в небеса...

И вот, я весёлый, чистый, одеваю отглаженную бабушкой рубашку, штанишки с лялочками и новые ботиночки, и мы выходим, взявшись за руки, на воздух...

- Что, солнышко любимое, радостно тебе? – будто обливает светом бабушка.

И действительно, повсюду свет и благодать, и как тут не радоваться?!

После бани я всегда был одет бабушкой по-праздничному... «Голубок мой», - улыбаясь, одними губами тихо произносит она... Милая, родная бабушка, - с благодарностью думаю про неё и я.

А вольное солнце, словно, тоже омытое в чудесных банных чертогах, поднимается весело над городом, освещая его великий простор... О нашем укромном с бабушкой домике, скрытом в зелени огородов и садов, даже на мгновение забывалось... Занимало вот это вольное городское пространство, так что захватывало дух. Сладко пахло и городом, и мороженым, и умытым солнцем, и всё благодаря родимой бане, так что всей окружающей жизни хотелось воскликнуть: с лёгким паром, с чудесным настроением!

Х Х Х

Взрослым бы следовало поспешить научиться у малышей искренней кротости в своих душевных побуждениях, когда невольно обидев кого-то неосторожным словом, мы порой не разговариваем с ним весь день, а то и неделю, тогда как ребёнок, несмотря на то, что произошло, и коротко переболев в себе неустроенность такого замкнутого, отрешённого от жизни состояния, всё-таки вскоре подойдёт к старшему и осторожно промолвит:»Прости меня, мамочка... Я больше не буду...» И разве не перевернётся после этих слов у взрослого человека что-либо в душе, не позабудет он свою обиду и ущемлённое самолюбие, в волнении не обнимет маленького человека и не воскликнет:»Прости и меня, милый... Пожалуйста, не держи в своём сердце худа!»

Х Х Х

На первый взгляд может показаться, что ни за что не определить, когда ты в детстве почувствовал и заметил себя самого, но погрузившись достаточно глубоко в воспоминания – неожиданно открываешь: и чувствовал, и замечал ты себя всегда, просто это наблюдение своей жизни происходило ненавязчиво для тебя самого. Тебя восхищала нераздельная любовь к жизни, и эта любовь наполняла всё твоё существование, отчего ты и не осознавал поначалу своё нахождение на земле, а только любил то, что окружало тебя, и оно тоже было проникнуто ко всему любовью. И так, постепенно, в таком незамутнённом счастье незаметно миновало твоё младенчество, в то время как ты уже переживал в глубине души несказанно сладкое соединение с чем-то Великим, от которого всё и произошло на свете, и от этой соединённости приходило чуткое понимание: ты не один в мире, какие-то неземные силы вливаются в твою жизнь свободно, никак её не нарушая, и она становится от этого ещё богаче.

X X X

Все мы имеем одну индивидуальную сущность, несмотря на множество образов из разных воплощений, и эту сущность мы ощущаем, наверное, только оказавшись в Мире Душ... И ещё – в детстве, когда безмятежность нашего бытия ещё не столкнулась с суровыми условиями взрослой жизни, обычно избегающей достойно справляться с ними.

X X X

Безмятежность, терпение, умение справляться с трудностями жизни, самообладание, доброта и понимание сути вещей, проникновенность и интуиция, отсутствие корысти и цельность, позволяющая быть честным по отношению к себе и другим на пути осознания своего Источника, постижение и расширение своего истинного «я», - вот что присуще продвинутой душе. Душам необходимо расти во имя того, чтобы божественная энергия в них становилась более возвышенной, ибо истинная красота требует проявления. Безграничная радость ощущать себя ребёнком, рождающимся чудесным весенним цветком на восхитительном поле жизни, раскрывающимся навстречу Богу...

X X X

В чём заключена причина страха? Конечно, в неосознанном отношении к настоящему моменту, только он по-настоящему прекрасен, это ощущаешь именно в детстве, когда всё внимание сосредотачиваешь на том, что происходит с тобой сейчас, не имея никакой потребности заглядывать в будущее, как это делают взрослые, надеясь именно в нём избавить себя от проблем и обрести благо. А для ребёнка истинная ценность – реальность, которую он переживает здесь и сейчас, ничего не боясь...

X X X

Очень мне нравилось, как бабушка, изредка, когда я уже и забывал об этом, преподносила мне круглую жестяную коробочку с фруктовым монпасье... Коробочка нравилась даже больше, чем разноцветные леденцы, и я, помнится, пересыпал сладости в вазочку, а пахучую коробочку прибирал

подальше, складывая в неё потом пуговицы и камушки, нет-нет, да поглядывая тайком на них... Отчего так дорога была мне эта коробочка, не ведаю и до сих пор, но всегда с удовольствием вспоминаю её округлость и запах, какую-то необъяснимую сокровенность...

Радостно было всегда открывать её, будто я там что-то новое обнаружу, чего раньше не было, но вдруг появилось. Что-нибудь необычное, хотя, откуда бы ему взяться?! Но всё равно хотелось верить, что в баночке меня поджидает сюрприз, и я даже не спешил снять с неё крышку, оттягивая удовольствие. Ясное дело – мальчишество, зато приятно было переживать ожидание чуда. Ничего не поделаешь, так уж я устроен...

Коробочка эта до сих пор стоит у меня перед глазами: на ней – огненная жар-птица, прилетевшая со звёздного неба к Ивану в сказке «Конёк-горбунок». Бабушка часто рассказывала мне эту сказку, знала её наизусть, и, глядя на коробочку, я представлял, что жар-птица прилетает и ко мне... Хорошо было обладать такой замечательной коробочкой: вот бы мне такую сейчас! Можно даже без леденцов...

X X X

Уметь отпустить прошлое – кажется, что может быть проще, и тем не менее у души уходит на усвоение этого урока не одна жизнь... А всё только потому, что мы не желаем учиться, направляя наше внутреннее устремление к несущественному, к тому, что не делает нас лучше. Душе необходимо решиться быть более ответственной и чистой перед своим Источником, как это происходит у детей, когда они, несмотря ни на что, совершенно естественно и просто проявляют свою истинную сущность.

X X X

Великое и самое жизнеутверждающее желание Господа, однажды возникшее в Нём, - это желание творить, созидание красоты из всего, чем Он располагает, распространяя её во всех мирах, но на проявление этой красоты способна чистая душа, присущая пока только художникам и детям...

X X X

Детство подействовало на меня своими чудными явлениями и событиями так же сильно, как воздействует на возрождение к жизни всей природы наша незабываемая весна...

Помнится, когда уже сирень развернула свои пушистые султаны, лежал я вечером в своей кровати, у распахнутого окна, и вдруг услышал раскатистую трель, в миг заполнившую своим необычным звучанием всю комнатку... А по саду будто рассыпали какие-то весёлые драгоценные горошины, так они восторженно защёлкали в кустах и траве, что произвело на меня неизгладимое впечатление...

- Это – соловушко, - тихо проговорила бабушка, заботливо склонившись надо мной, отчего сердце необыкновенно взволновалось, и я уже не мог сомкнуть глаз. Невидимая птичка, подлетев к самому дому, так ловко выводила свою залиvistую песенку, что мне непременно захотелось увидеть её, и в душе моей с тех пор тоже зазвучала чудесная мелодия, разливая по всему телу тихую радость...

X X X

В детстве рано было разгадывать мудрёные жизненные загадки, а всё более – наслаждаться красотой мира, преподнося его себе за нескончаемую и не сравнимую ни с чем благодать...

X X X

Знаете, в чём заключена сила мужчины? В нежности и теплоте, которую он дарит людям. Но эту нежность он обретает в течение всей жизни благодаря несгибаемой отваге, решительности и терпению, начиная движение к своей нежной силе с незабываемой детской поры...

X X X

В детстве я ещё не понимал – как приятно преподносить кому-либо подарки, пусть они даже самые незамысловатые... Мысль о том, что их обязательно нужно кому-то дарить – пришла ко мне как-то сама собой, правда, не без влияния бабушки, когда она мне однажды, на день рождения, связала тёплое кашне, варежки и носочки. Подарок был очень кстати, поскольку на дворе стояла слякотная осень, и, отправляясь на прогулку, и

одевая связанные бабушкой вещи, я чувствовал себя совершенно защищённым. До чего же замечательная у меня бабушка!

С удовольствием шлёпая в ботиках по лужам, я вдруг подумал о тех людях, что никогда не получают подарков, и мне стало их жалко. Ведь если любить и жалеть людей, размышлял я, они все будут хорошими! И надо обязательно дарить им какие-нибудь подарки, хотя бы иногда... У тех, кто никому ничего не дарит, наверное, всегда очень тяжело на душе, и у них от этого часто бывает плохое настроение...

Я тотчас решил стать добрым человеком, преподнеся бабушке какой-нибудь приятный сюрприз... Чтобы у неё не было мрачно на сердце, и она не умирала раньше времени, жила долго и не болела. И я насобирал большой букет красивых кленовых листьев, и подарил его своей любимой бабушке, после чего почувствовал себя добрым и счастливым, и на душе у меня было очень радостно.

X X X

Пройдя леса, моря и океаны, все препятствия и расхождения с другими людьми в понимании бытия, вдруг со всей очевидностью постигаешь, что чаще всего люди выдумывают жизнь, вместо того, чтобы познавать себя и окружающий мир. Ведь выдумывать оказывается куда как легче, и это не есть единственно достойный и верный путь к собственному внутреннему «я», а ведь оно – божественно, и я чувствовал это с самого детства, и всегда верил, что всё у меня будет хорошо...

X X X

Каждый день в детстве, уже с самого утра, неудержимо разыгрывалось воображение, и на всё ты начинал смотреть с ожиданием чего-нибудь необыкновенного, того, что ещё не случилось в твоей жизни, но непременно приключится. Нечто диковинное, я это знал твёрдо, ожидает меня тотчас после пробуждения, нужно только умыться, наскоро позавтракать, и выйти в сад, чтобы перед тобой распахнулось окно в удивительный мир, в котором ты, кажется, ничего не видывал, до того он был хорош...

Солнечный восход, ещё со вчерашнего раннего утра подробно подсмотренный мною, вроде бы, в точности повторяющий все восходы, что случались прежде, сегодня уже производит совершенно иное впечатление, и воспринимается как нечто необычайное, тотчас вызывая вопрос: отчего

солнышко так быстро перебирается за день по небу с одной стороны земли на другую, кто ему в этом помогает? А запах?! Он в это утро какой-то по-особенному свежий, с чудесной душистой сыростью, приятно дурманящий голову, так что на глазах выступают счастливые слёзы... Такой запах рождается только в бабушкином саду, его не спутаешь ни с каким другим... Невозможно равнодушно смотреть на открывающуюся взору картину летнего утра, что с каждым мигом всё более расцветает, становится краше...

Листья на деревьях и цветы беспрестанно меняют свой цвет, - то темнеют от подступившей вдруг мягкой тени, то светлеют, переливаясь, будто играют, или пробежит по травам неизвестно откуда взявшийся ветерок, пригнёт их на миг к пахучей земле, и эта лёгкая, еле уловимая рябь неожиданно породит в душе какую-то радостную проворность и приподнятость, желание бежать, прыгать, лететь... Не устремляться куда-то, в неведомые восторженные дали, невозможно, и надеешься ты в этом устремлении только на себя. Что-то принесёт этот волшебный летний день?!

Х Х Х

Я очень любил в детстве запах сосновой и еловой смолы, мне нравилось осторожно отрывать от ствола дерева её мягкие сгустки, с удовольствием нажимая на них пальчиком, отчего они вскоре таяли, распространяя вокруг душистый аромат дерева, его скрытую ото всех тайну, и этот смоляной таинственный дух вмиг уносил меня в какие-то неведомые дремучие дали, в них угадывалось нечто очень знакомое, отчего я часто бывал в лесу и играл прозрачными душистыми каплями, несмотря на то, что ладони от этого становились липкими, тотчас склеивались между собой, но переживание какой-то необъяснимой и чудесной тайны не покидало...

Х Х Х

Человек, который способен отпереть своё сознание, может считать себя свободным, и это, конечно, случается и в детстве, порой - совершенно ошеломительно для тебя, потому что открывает твою связь с Богом, хотя о существовании Его ты ещё даже не подозреваешь, вернее, не помышляешь, ибо душа твоя преисполнена захватывающими дух впечатлениями. Как всё это происходит? А подобно грому, разразившемуся посреди ясного неба, и предшествует этому событию, как правило, что-либо из ряда вон выходящее, как, скажем, смерть прабабушки, поначалу поразившая твоё воображение

своей обыденностью и неспособностью принять её как абсолютно естественную данность... После этого тебе уже невозможно представить, каким ты был совсем недавно маленьким и несмышлёным, играясь с машинками в родном дворике, и в одно мгновение вся жизнь, воспринимаемая как нечто лёгкое и простое, исключительно приятное, вдруг отворила в себе неразрешимую сложность... Но с этой неразрешимостью в неё входило и нечто дорогое, отчего ты начинал всматриваться во всё происходящее уже более тщательно, без обычной ребяческой восторженности, а с глубоким интересом, угадывая в нём и своё присутствие, непременно с затеплившимся огоньком сознания, без которого уже не помышлял собственного существования, только в самом начале жизненного пути потеряв родного человека...

Ах, как бы хотелось, всё понимая и зная, оставаться невинным и чистым в принятии этой чудесной, многообразной жизни, тем более, что в детстве я и не предполагал, что все люди умирают, и само понятие «смерть» для меня не существовало... И дедушка, и все мои бабушки, я был уверен, будут жить вечно, как, впрочем, и я, и от этого осознания вся окружающая действительность представлялась ещё более чудесной, ничего устрашающего я в ней не видел, то есть, никакого повода ухода из этого прекрасного существования я не находил, а потому ничего и не боялся...

Оказавшись с бабушкой на кладбище, на могилке моей прабабушки Ольги Филипповны, я и тогда, понимая, что прабабушку не вернуть, воспринял смерть, как переход в другое место, где прабабушке вовсе даже и не плохо. Просто так вышло, что она на какое-то время очутилась там, иначе бы зачем бабушке приносить для неё шаньги и яички, и вот именно эта забота моей бабушки о своей матери, а не неизведанная смерть, необыкновенно тронула меня... Прабабушка не нуждается ни в чём, это только моей бабушке захотелось угостить свою маму, и та от этого приношения, конечно, обрадуется!.. Не смущала и мысль о том, что прабабушка что-то очень надолго задержалась в неведомом для меня мире, бабушка же её угощает, даже улыбается при этом, и значит – мама её не хворает, всё там прабабушку устраивает...

Ещё совсем маленький, я тогда, опять-таки, вдруг подумал: что же это, всё-таки, за мир такой, куда многие уходят, но подолгу не возвращаются, может быть, и я когда-нибудь там окажусь, и потом всё равно воскресну, чтобы вновь радоваться, переполненному этой самой, чудесной жизнью... И захотелось мне ещё больше проникнуться тем счастьем, что изливал на меня каждый день вместе с солнцем, цветами и пчёлами, нескончаемой

голубизной неба, тёплым летним дождём, и с моей любимой бабушкой... И ещё я в свои шесть лет понял, что если смерть и существует, то она моей прабабушке – сестра родная, смерть, по моему убеждению, никак не сочетается с мучительной болью и страданием, а там, в этом неведомом для всех мире, прабабушка счастлива, как и здесь, ибо никого она, по словам бабушки, в этой жизни не гневила, честно работала, и смерть ей дана как благо, она для неё ласкова и добра, а значит – богоугодна...

Х Х Х

Детство – это вечность... И ты переживаешь её с нескончаемой радостью. Вот бы и во взрослом возрасте сохранить её! Чтобы достичь этого, нужно прожить жизнь с таким же интересом к ней, как в ранние годы, - и тогда всё получится... Вечность, это, как и детство, возможность постоянно изменяться к лучшему, обретая всё большие знания и способности.

Х Х Х

Лёжа в своей кроватке, будучи ещё ребёнком, я спокойно изучал светлыми глазами огромное небо, уже тогда чувствуя родство с ним. Был, кажется, серьёзен, никогда не капризничал, подспудно понимая, что осваивать мир можно уже с раннего детства. И мир, несомненно, откликался настолько, насколько его можно было почувствовать в год с небольшим. Молча это получалось и в таком возрасте, и общение с небом выходило как-то непринуждённо, привычно. Я почти ничего не помню из того, что происходило со мной в год-полтора, но вот эта привычная тяга к небесам чётко запечатлелась, нисколько не удивляя. И ещё меня ничто не тревожило в этом распростёршемся в вышине небе, только тихонько завораживало, дарило успокоение. Как-то довольно просто открывалось, что мне хочется туда...

И в тоже время я чувствовал, что и здесь, на ещё неведомой мне пока в этой жизни земле, существует своя внутренняя тишина и красота, когда ты, вглядываясь в небеса, ощущаешь и собственное присутствие, оно где-то глубоко в тебе, но если ты пожелаешь, то это присутствие выйдет наружу, ты его непременно почувствуешь... Чувствовать своё присутствие в этом мире тоже очень приятно, ты понимаешь, что какая-то внутренняя истина существует, и она полезна и здесь, на земле. Важно её в себе увидеть.

Хорошо вглядываться в свою внутреннюю тишину именно в детстве, потому что всё к этому в нём располагает: вам комфортно оставаться наедине с собой, не чувствуя одиночества, потому как ваше сознание близко всему божественному, вы переживаете ощущение живого умиротворения и благополучия.

Сладость Бытия в детстве ни с чем несравнима, и когда вы чувствуете его в себе, лёжа в той же кроватке, у распахнутого в сад окна, оно всё более углубляется, а ваш внутренний простор расширяется. Вы ничего не делаете, просто впитываете жизнь, и всё самое тихое и незаметное, но очень значительное, до краёв заполняет вас. Это – радость Бытия, и в детстве ваше сердце к нему необыкновенно чутко. Вы лежите, смотрите в небо, и впитываете жизнь, а всё Сущее радуется вместе с вами.

Х Х Х

Помню бабушкины натруженные руки, они всё время пахли ягодами, каким-то чудесным вареньем, какого она даже не готовила, запах этот не прекращался никогда, какую бы грязную работу бабушка не исполняла. От всего её тела, не только от рук, исходило ласковое благовоние, которого я ни у кого ни видывал, и эта благодать изливалась из бабушки как милосердие, содержащее сладкий ягодный дух, особую душистость, что обычно в изобилии присутствовала в доме по праздникам. Бабушка же пребывала в нём всегда.

Х Х Х

Просто так ничего не добьёшься: это, как-то подспудно, родилось в моём сердце ещё в детстве. Меня увлекал мир вокруг, я чувствовал себя в нём свободным, и мне всегда хотелось жить интересно. И жизнь в полной мере откликалась на мою признательность ей, а я был очень признателен жизни, переживая в ней одну радость. Кажется, меня ничто не могло ограничить в своей любви к ней, к детству, которое, верилось, будет длиться вечно.

И так оно и случилось, детство до сих пор продолжается во мне, никуда не исчезнув. А раз так, значит, я счастлив. Чаще всего детство просто не хочет умирать, в этом устремлении – его чудесное назначение. И отчего не поддержать трепет такой неизбывной любви? Ведь ничего лучше быть не может...

Х

Х

Х

В детстве было полно цветов, целые цветники, но я, помнится, не любовался цветами, они сами собой входили в меня, даже не спрашивая, и я лишь наслаждался этой цветной солнечной жизнью, заглядываясь и на старую яблоню, и на потаённую гладь лесного озера, и на бабушкину накидку, покоящуюся на кресле-качалке, и на нашего яркого петуха, гордо расхаживающего по двору, и не мог ни на что долго наглядеться, с радостью переводя своё внимание на кошку Бусю, огромного налима, выловленного папой на неведомую для меня жерлицу, и всё смотрел и смотрел, пока не наступал ласковый вечер, с высыпавшими по небу зёрнышками звёзд, с которыми тоже можно было поиграть напоследок, перед сном, с блаженным умилением предвкушая следующий, не менее яркий день...

Х

Х

Х

Бывало, набедокуришь в детстве, и весь дрожишь, ожидая, как к тебе кто-нибудь из взрослых подходит, уже на верное желая наказать... А более всего я боялся отца, и вот – он остановится рядом, такой грозный, будто уж весь мир завоевал, и всё про всех знает, смотрит серьёзно, нахмурившись, так, что ты готов сквозь землю от страха провалиться, словно это Бог пришёл тебя покарать, и так тебе отчего-то обидно становится, что тотчас пронзает простая мысль: да ведь ты – ребёнок, шалить и быть непослушным – милое для тебя дело, и, переживая все эти чувства, при том, что взрослые тебя не понимают, всей твоей простой правды, вдруг неожиданно отыскиваешь в себе смелость, уже не боишься отца, и смотришь в его насупленные глаза ясно, открыто...

Х

Х

Х

Зимой над бабушкиным домиком неизменно появлялась Большая Медведица, и среди множества звёзд в этом необозримом ночном пространстве, была самой заметной. Всегда непроизвольно подымешь голову к небу, будто желая услышать от неё какое-то долгожданное откровение, адресованное именно тебе, а небо только подмигивает яркими звёздочками, что, кажется, всегда готовы оделить любознательного человека чудесными знаниями. От присутствия в морозном небе Большой Медведицы на душе

становится необыкновенно хорошо, и весело искрящиеся звёзды удивительно завораживают, хотя ничего и не обещают. Не покидает ощущение, будто Большая Медведица знает, для чего я смотрю на неё, живя своей неведомой звёздной жизнью.

Полярная звезда, самая главная в этом созвездии, сверкает из небесной глубины какой-то особой красотой, как драгоценный камень, что, кажется, становится всё ярче и ярче. Она подобна твёрдому свету, щедро излучаемому из сокровищниц Вселенной именно для людей, чтобы они любовались этим живительным светом и тянулись к нему, обновляя свою душу для осознанного пребывания в своём теле. Приятно сознавать, какое большое место занимают в твоём маленьком сердце далёкие от тебя звёзды, и ты, не отрываясь, вглядываешься в их мерцающую красоту, а звёзды блещут ярко, будто приоткрывая всем неоценимые богатства. Из своих сказочных пределов они посылают на окутанную снежной пеленой землю богатые дары, и если кто-то, глядя на звёздное небо что-нибудь загадает, говорила бабушка, всё сбывается как по писаному...

- Сколько же, бабушка, звёздочек на небе?! – восхищённо восклицаю я, сидя у окна.

- Небо – терем Божий со звёздами вместо окон. Из этих окон смотрят на белый свет ангелы Господни, и нет им числа. У каждой живой души на земле – свой звёздный ангел-хранитель, и потому издавна повелось поверье, что звёзд на небе столько, сколько людей на земле.

- И все разные?

- Как и люди, нарождаются одна за одной, отличаясь по блеску, величине и окраске. Согласно характеру, звёзды получают себе и имя...

- А те, что держатся кучкой?

- Самые дружные звёзды образуют между собою созвездия, поражая нас своей красотой. Звёзды управляют нами, а звёздами – сам Бог.

- Кто такие ангелы?

- Родится человек, и Бог посылает ангела стеречь его от бед. Откроет тогда ангел своё окошечко, сядет, да и смотрит с небесной высоты на подопечного ему сына земли. Всё, что совершает человек, ангел в книжечку особенную записывает, только успеваешь страницы перелистывать: людям же внизу чудится, будто звёзды переливаются. Умер человек – и захлопывается окно невидимыми ставнями, а звезда падает на землю, и кто увидит такую звезду, да успеет загадать своё пожелание, то всё непременно сбудется.

- Как же её угадаешь?

- Самая родная звезда всегда стоит у человека над головой, нужно только обратить к ней внимание, и звезда поприветствует человека...

- Обрадуется?!

- Вспыхнет яркой свечечкой...

- Значит, есть на небе и моя звезда?

- У каждого – своя, и всем она указывает путь в бесконечных земных странствиях...

- Нужно только её разглядеть?

- Кто добр сердцем и смотрит на звёзды, тот не пропустит хранительницу своей судьбы, и тогда звёзды доверчиво протягивают людям свой свет, зажигаясь зелёными, жёлтыми и оранжевыми огоньками... Бывает, звезда уже погасла, а свет от неё до сих пор остаётся в пространстве: мы видим его, и нам кажется, что звезда жива...

- А её уже нет?!

- Только свет от неё живёт, и каждый вечер звёздочка ласково приветствует нас своим тихим мерцанием, и оберегает сон.

- Бабушка, мне очень хочется увидеть эту звёздочку!

- Где-то там, в небесной вышине, сияет и твоя звезда, вечная спутница и подруга...

- Как и ты?

- Верно, родной. Она никогда не бросает тебя и охраняет на твоём пути, но надеяться стоит только на самого себя.

- Почему звёзды светят?

И бабушка, не задумываясь, проговорила:

- Радуются за нас, когда мы тоже светим другим...

- Как это?

- Звёзды знают про людей всё, и всегда примечают тех, кто живёт с открытым сердцем.

- Им хорошо видать свысока?

- Для звёзд не существует преград, они излучают только любовь...

- И нас с тобой любят?

- Никого без внимания не оставят, родной. Звёздное небо повсюду, и доступно всякому, но каждая звёздочка светит по-своему...

- А мне как светит?

- Весело...

- Как белое пятнышко во лбу нашей Зорьки?

- Да, дорогой.

- И солнце за нас радуется и любит?

- Божьей волей свет небесный стоит, - и для звёзд, и для солнышка, и для всех людей...

- Значит, и про меня звёздочка знает?

- И про тебя, и про меня, и даже про деда нашего: семь лет костей ему не глотать... Звезда подсказывает, что в каждом из нас живёт духовное сердце, и оно должно быть обращено ко всему миру... Небесной звёздочкой живёт оно в тебе, милый...

- Почему небесной, бабушка?

- Потому что смотрящим в небо отказу не бывает, а ты у меня – даровой!

- ?

- Милостивый, значит, на добрую жизнь... Не думай, голубь, как бы взять, думай, как отдать. И солнце, и звёзды отдают нам свой свет... Дари и ты себя, помогай тебе Бог!

А Медведица, между тем, сияет в бездонных небесах, и все её звёздочки представляются чудесными фонариками, подвешенными на невидимых нитях... В морозную ночь, кажется, зажигаются все звёзды Вселенной. Небо высоко и торжественно, и сколько бы ни заглядывался на него, - везде звёзды. Яркие, крупные, есть просто ослепительные, иные – поменьше, что то и дело вспыхивают и на время куда-то исчезают. Все они будто подыгрывают друг другу, устраивая в восторженной вышине волшебную кутерьму, и всё это головокружительное движение не прекращается до самого рассвета. Звёзды и меня приглашают в свой сказочный хоровод, и разве можно оставаться к ним равнодушным и не смотреть на полное звёзд небо?!

Звёзды горят в нём многоцветными камнями, а ночь радостно внимает их очаровательному блеску. Один за другим вспыхивают бесчисленные изумруды, сапфиры и рубины иных миров, и хочется отправиться к ним, не теряя времени, какими бы недостижимыми они ни казались, потому что звёзды представляются мне живыми. И ничего, что я пока ещё маленький: мне нравится обращать свой взор к звёздам, как бы бесконечно далеко они не находились, и когда я вырасту, то обязательно отправлюсь к ним в гости, ничто меня не удержит, и непременно их достигну. Ведь звёзды существуют для того, чтобы мы обратили к ним свою душу, и когда это произойдёт, они, наверное, замрут от счастья в своей волшебной вышине, а затем – возрадуются, и в восторге соприкосновения со звёздным миром душа человека рано или поздно преодолеет любую беду и тоже обретёт, наконец, недостающее внутреннее свечение.

X

X

X

При всей заботе ко мне бабушки, я, тем не менее, отвожу значительную долю неусыпного внимания к себе движущемуся вокруг ... воздуху. Будто только для меня он таинственно роится, очаровывает, словно это даже и не воздух вовсе, а какое-то еле угадываемое существо, почему-то ненавязчиво и искренне оказывая мне своё неослабевающее попечение. Существо это давало о себе знать лишь изредка, на короткий миг, коего, впрочем, было достаточно для того, чтобы его усмотреть. При этом оно никак не тревожило, не выглядело надоедливym или пугающим, представляя себя мне как нечто родное, что именно призвано заботиться и оберегать, ничего более в своих действиях не выказывая, и мне становилось так, будто я его давно знаю, даже – люблю, и когда оно появлялось – начинал улыбаться ему, пытаюсь дотянуться ручками, и это трогательное «что-то» тоже как будто улыбалось, так, что я чувствовал его ровное дыхание, понимая, как оно бережно меня околдовывает, обнимая... Чудное действие этого обворожительного существа не мешало, а помогало мне жить, отчего я всегда был покоен...

X

X

X

Если правильно прожил свою жизнь, тебе обязательно открывается твоё детство, и даже то, что было до него, в предыдущих воплощениях, потому что когда верно выстраиваешь своё существование, сознание крепнет, оно готово проникать вглубь твоего истинного «я», а детство – как пуповина между мирами, и нужно его заслуженно прожить, чтобы стать настоящим сыном своего Отца... Каждый миг нашей жизни очень важен, начиная с самого детства, - не упускайте ничего.

X

X

X

В детстве ты просто не можешь помыслить о том, что не выйдешь в жизни хорошим, честным человеком. Это обстоятельство представляется таким очевидным, поскольку ты не в силах воспринимать себя иным, и потому вся жизнь открывается для тебя именно честной и доброй, и все люди в ней такие же добрые и милосердные, и ты переживаешь лишь один восторг от всего происходящего, и любишь весь мир, охваченный своею заботою к каждому.

Х Х Х

Под тёплым дыханием бабушки, как под дыханием мягкой летней ночи, засыпалось также тепло и мягко, приятно думая и о прошедшем дне, и о грядущем, с непрременной верою, что всё будет радостно и хорошо.

Х Х Х

В детстве, несмотря на его необъятность, я не глядел далеко, не видел какой-то одному мне ведомый мир, а жил только настоящим, с присущей своему маленькому, но полному любви сердцу пытливостью...

Х Х Х

Хорошо в детстве ходить по такой доступной, родной земле, то и дело заглядываясь на недостижимое синее небо...

Х Х Х

Чем-то волшебным воображалось обыкновенное бабушкино одеяло, сшитое из разных кусочков ткани, будто многоцветное облачко задержалось в нашей маленькой комнатке, представляющейся уже целым миром...

Х Х Х

В детстве я не знал ни гор, ни полей, ни лесов, ни морей, и всё знание о жизни дарил мне бабушкин сад. Он был, можно сказать, моим неразлучным товарищем. Причём, особой красоты в нём не наблюдалось: ягодные кусты смородины, крыжовника и вишни, старая раскидистая сирень, с полдюжины крепких приземистых яблонь, да небольшие цветники под окнами с ноготками, георгинами и флоксами... Ничего, вобщем-то, примечательного, исключая, впрочем, таинственную тень в самом дальнем углу сада, но и это нехитрое жизненное пространство доставляло мне истинное удовольствие... Особую радость переживал я от того, что через этот сад представлял себе величие всего божественного мира, и эта воображаемая безграничность ложилась на мою детскую душу неизгладимым впечатлением, где

угадывались и поля, и горы, и леса с морями, и было мне так, будто я уже не раз побывал там, отчего воображение ещё более ширилось, и я не мог нарадоваться нашим бедным садом, беспрестанно рассказывая бабушке о его неслыханностях, о разных чудесах, якобы, мною там виденных, а она слушала с любопытством, устремив на меня полный восхищения взгляд, и тоже, наверное, начинала верить в волшебство своего обыкновенного огорода, наделяя его самыми необыкновенными свойствами, несмотря на то, что шёл ей тогда седьмой десяток лет...

Х

Х

Х

Помню, был я ещё совсем маленький, и мы всей семьёй проводили лето у бабушки в деревне... Как-то поутру я вышел из калитки на лужайку, к колодцу, и, прислонившись к нему, стал наблюдать, как из отворённых ворот домов хозяева выводят на выпас коров... По самой середине улицы, в заплатанных штанах, вышагивал пастушок, и весело пощёлкивая кнутом, то и дело покрикивал:

- Поберегись... По-о-шла, Пеструха! А-ну!

Коровы, опустив головы и лениво ударяя себя по выпуклым бокам грязными хвостами, неспешно брели вдоль забора, подымая облачка душистой пыли и гулко побрякивая медными колокольцами... Изредка раздавалось их отрывистое, но пронзительное мычание – «му-у-у-у, му!». Из-за леска, также неторопливо, выкатывалось над деревней разомлелое июльское солнце... Пастушок опять принялся подгонять неповоротливую Пеструшку:

- Пошла-а! А то!

Без пастушка – коровы не стадо.

А Пеструшка замотала вихрастой головой, проехавшись короткими рогами по высохшим доскам забора, и вновь недовольно замычала – «му-у-у-у...» «Бодастая» - с опаской подумал я. И тут вдруг увидел здорового быка с широким кудрявым лбом, один рог у него был обломан...

Мотая тяжёлой, вихрастой головой, бык неспешно ступал по двору, надолго замирая на самом неожиданном месте, стекловидные слюни свисали с его сизых губ мутноватыми тягучими нитями, и он неожиданно поворачивался в какую-нибудь сторону, будто почуяв угрозу, а потом вставал на дыбы, уставившись перед собой своими кровавыми глазами, так что сердце заходило от страха перед неуправляемой силою животного... Поражала эта его спесивая могучность, то, что она в любой момент могла

обрушиться и на тебя. Не бык, бугай! Остановился прямо напротив, и смотрит недружелюбно налившимися кровью глазами, а я не знаю – как быть: то ли поклониться ему, то ли – бежать...

Бык же вдруг заревел и медленно тронулся в мою сторону, да потом как ринется! Оглянулся я – никого из взрослых не видать, значит, на чью-либо помощь надеяться нечего, и тогда я, что было сил, закричал, а бык уже в нескольких шагах от меня: слышно его горячее дыхание, и запах... Злобно трясая могучей головой, он брызжет липкой слюной, чёрный глаз косит исподлобья, вот-вот накроет меня грозная туча, даже солнце, кажется, скрыл под собою... И я – побежал...

Бегу, земля ровно горит под ногами, но бык оказывается резвее моего, куры же – врассыпную от нас по всему двору... Да только разве от такого бугая убежишь: беги – не беги, лучше – падай! Ко всему прочему под мою ногу подворачивается бугорок, и вот я уже лечу носом в песок – добрая слава лежит, а худая бежит... Пока же я бежал без оглядки, бабушка в окно усмотрела приключившуюся со мной катавасию, схватила грабли – и во всю свою старушечью мочь ко внуку на выручку! Так огрела взбесившегося быка по спине, что тот отбежал и от неожиданности встал как вкопанный, вскоре подоспел папа, и вместе с бабушкой они отворотили от меня разъярённое животное, чем прекратили моё позорное бегство... Но как же меня напугал этот бугай, а испуганному, как говорится, одна дорога...

Потом бабушка сказывала, что бык этот окаянный никому проходу не давал, и ни одному пастушку над ним не удалось власть взять... Ясно – сумасшедший, разве его образумишь? Совсем малого мальчонку недавно чуть не измолол своими жуткими рогами, никакой на него управы! Так ему и надо, думаю, что один рог-то у него сломлен, а то бы он и меня во всю душеньку отутюжил!..

С тех пор я всегда стороной обходил грозно нахмуренного быка, на котором бы только воду возить, не приближаясь даже к коровам, и лишь телята не вызвали никакого опасения. Мне нравились их озорные, с длинными ресницами глаза, кудрявые взлобки, что хотелось погладить, и симпатичные ножки с аккуратными копытцами, когда телята широко расставляли их в разные стороны, будто боялись упасть... Они были очень милые, и если что-либо выкидывали, то это вызывало лишь одну улыбку.

Х

Х

Х

С самого детства я никогда не ощущал, что во мне живёт какой-то другой, совершенно чужой и незнакомый мне человек, какого обычно обнаруживают в себе многие люди, думая, будто бы он следит за каждой твоей мыслью, и ты даже побаиваешься его, а наоборот – находил только наблюдательного и любознательного себя, не подверженного чьему-либо влиянию и не обременённого непониманием со стороны взрослых... Ну, если только немножко со стороны матери, и так, пребывая в согласии со своей внутренней природой, и принимал жизнь с радостью, кажется, ничего не боясь. Я не чувствовал себя слабым и ничтожным, хотя и был мал, переживая к жизни жадный интерес. Ничто не мешало мне жить, постепенно и незаметно приближаясь к самому себе, и уже с детства я хорошо осознавал, что на самом деле в жизни никаких проблем нет.

Х

Х

Х

... Тает морозный январский день, над разлёгшимися снегами повисла мягкая сиреневая дымка, а я выхожу во двор на прикрученных к валенкам снегурках... Для верности, чтобы крепление не ослабевало, отец приспособил мне к верёвочкам коротенькие палочки, притягивающие эти самые верёвочки к валенкам плотно-плотно, так что ноги поначалу немеют и начинают быстро затекать, но возвращаться домой нет никакого резона, иначе и вовсе не успеешь опробовать новые конёчки, потому как скоро темнеет, и я, сцепив зубы, режу острыми снегурками стылый гляцевый снег... Я впервые вышел покататься на коньках, подаренных мне на день рождения!

А вокруг будто все обрадовались этому событию... Вороны с угольными головами то и дело подлетают чуть ли не вплотную, словно пытаясь рассмотреть – что это у меня на ногах, вездесущие сороки тоже не оставляют без внимания мои неверные передвижения, но держатся чуть поодаль от ворон, остерегаясь, кажется, более их, чем меня, юркие же воробьи, никого не боясь, порхают рядом, возбуждённо чирикают... Очевидно, что для всех птиц я заключаю в себе тайну, и они пытаются разгадать её, - для чего-то это им нужно.

Я же, в свою очередь, пытаюсь укротить непослушные снегурки, неожиданно то подворачивающиеся под ногами и устремляющиеся раньше меня вперёд, то запинаящиеся на ровном месте, хотя у них носки загнуты кверху, и я бухаюсь носом в снег, больно отбивая себе колени... Снегурки пока не даются мне, но я не намерен сдаваться!

Забавно поутру, за чаем, смотреться в вычищенный до блеска самовар, наблюдая, как щёки с ушами расплываются в стороны, нос становится расплющенный, как картошка, а губы с подбородком утекают куда-то вниз, в блюдце, из которого над столом поднимается пар... Окна в комнате постепенно запотевают, и только слышно, как на улице перелетают, изредка переговариваясь, птицы, а из растапливаемой бабушкой печки будто кто-то прогундит басом: «Одевайся потеплее, да ступай на двор!»

На дворе мороз тотчас вцепляется в уши и щёки, отчего на глазах выступают слёзы, и мысли растерянно прыгают в голове, так что не знаешь – к чему приступить. Начнёшь, было, перепрыгивать на одной ноге со ступеньки на ступеньку, но скоро бросишь, и, прижмурившись, уставишься на красноватое солнце, будто застрявшее в слоистых облаках... Заиндепевшие веточки вишни тоже отливают красноватым матовым блеском, розовые расплывчатые тени растекаются возле крыльца по пушистому искрящемуся снегу, и он из белого превращается в жёлтый, оранжевый, и даже – зелёный... И птицы куда-то исчезли, вокруг стало необыкновенно тихо, слышно только, как скрипя валенками, прошёл мимо ворот прохожий...

- Чем же заняться? – невольно спрашиваю я у себя, взглядывая на взъерошенную ворону, что уселась прямо напротив, на заборе, и видно было, что ей тоже некуда приютить себя... Стало немножко грустно. Может, лучше вернуться в гостиную и рассмотреть большую книгу про животных, оставленную со вчерашнего вечера на столе? Или пройтись по саду, под укутанными в снежный пух деревьями, отряхивая его с замороженных ветвей? На днях мы с бабушкой обкидывали снегом молодые яблоньки, утепляя их до весны, и бабушка вручила мне для этого аккуратную деревянную лопаточку, как раз под мой рост... Нагреть под деревца морозный сухой снежок – одно удовольствие, но сегодня почему-то перекидывать его совсем не хочется, и я только похлопываю одним валеночком о другой...

- Что же всё-таки придумать?

Подняв застывшую яблоневую палочку, я иду вдоль забора, издавая ею непрекращающийся гулкий звук, отчего ворона ещё более нахохлилась, поджалась, и, недовольно гаркнув, улетела... А солнце, между тем, из красноватого превратилось в малиновое, и снег по всему двору приобрёл синий, даже фиолетовый оттенок. Окна в доме зажглись розовато-оранжевым

теплом, и мне почему-то становится весело: нужно взять ледянку и идти, скорее, кататься с горки, расположенной на соседской улице!..

Лететь с горки, в сиреневых морозных сумерках, чудо как хорошо, и ты уже не думаешь ни о чём грустном, и только желаешь поскорее забраться по скользким ступенькам на самую её вершинку, чтобы, собравшись с духом, нестись с разбегу по ледяной дорожке навстречу колючему ветру, замирая от охватившего всё твоё тело головокружительного восторга... Дорожка такая гладкая, что летишь кубарем, не успевая испугаться: держись за ледянку, да катись!

X X X

Боялся ли я чего-либо в детстве? Пожалуй, что нет. Может быть, только остерегался, или что-либо было противно моему бодрому нраву, но чтобы испытывать страх с боязнью, - такого со мной не бывало...

Случались, конечно, отдельные истории, когда дух мой начисто был подвержен пугающей неизвестности от происходящего, но такие случаи возникали, как правило, неожиданно, оказывались кратковременными, и какого-то настоящего ужаса и потерянности от него не вызывали. С ними вполне можно было сладить, по истечении определённого срока случаи эти не представлялись неразрешимыми, и воспринимались уже без какого-либо страха, даже – весело. Боязни, напрочь сковывающей всё моё существо, я никогда не испытывал, и такого рода препятствия казались совершенно не стоящими внимания. Что это были за истории?!

Я не боялся ни темноты, ни воды, ни постоянно подвыпившего дворника Филимона, ни соседских задиристых мальчишек, ни змеек на болоте, ни деревенского погоста, мимо которого мы с бабушкой часто проходили, и даже наш козёл Борька с его огромными загнутыми рогами не вызывал у меня дикого испуга, хотя я его всё время сторонился... Но вот по поводу кого я действительно привередничал, порой доводя бабушку до невольного раздражения, самозабвенно впадая при этом в крайность, так это из-за старухи-чернявки, проживающей с нами по соседству... Желая укротить во мне подобную капризную странность, бабушке впоследствии приходилось даже с сожалением сообщать о ней моей матери, чтобы она обратила внимание на эту сторону моего характера, способную, по её мнению, стать в будущем помехою для моего существования. Но какой жуткой черноты достигал этот взгляд старухи, что представлялась мне не иначе, как бабой-ягой!

Чернота эта была необыкновенной, не похожей на обычное чёрное, и даже не пугала, а завораживала... Из-за этой темноты ничего вокруг невозможно было видеть, и я полностью оказывался повержен беспредельной глубиной глаз старухи, лицо которой, кажется, ничего не выражало. Околдовывали только глаза!

Поравнявшись с нами и поприветствовав бабушку, старуха неожиданно склонялась надо мной, и, ничего не говоря, долго всматривалась в мои глаза, отчего всё во мне будто переворачивалось и немело, и я старался спрятаться за бабушкину юбку, обхватив её сзади руками. Старуха ещё какое-то время наблюдала за мной, ничего не произнося, и в такие минуты самое интересное и значительное в моей жизни меркло, поглощённое этой необъяснимой чернотой. Поражало ещё и то, что бабушка была всегда любезна с этой старой женщиной, словно не замечая её пристального внимания к своему внуку. Чёрные же глаза старухи будто горели неизведанным жутким огнём, олицетворяя для меня ночь, но черниться моё сердце не желало, и я всеми силами стремился не поддаваться воле старухи-чернявки, бабушка же только умудряла: «Не всё то чернит, что чёрно...» Да и то верно: на всякую беду страху не напасёшься, и если чернота страшит, Бог милует!

X X X

Однажды я забрался в самую гущу крапивы, что в обилии произрастала за бабушкиной баней, и из этих зарослей вдруг выпорхнула такая славная птичка, которой я ещё не видывал... Внешность птички, действительно, была очень привлекательна; по-видимому, не заметив меня, птичка уселась на самый край крыши, и я хорошо разглядел её... Головка, горлышко и брюшко у неё были белоснежные, вроде бы, совсем не подходящие воцарившемуся вокруг летнему жару, через глаза на затылок у неё проходила голубая полоска, а спина и серые крылья заметно отливали голубоватым оттенком. Ещё поперёк крыла птички выделялась белая полоска, и буроватые перья хвоста переливались синью, тогда как пара наружных, как и грудка с головкой, были белыми...

И тут, из этих самых зарослей крапивы, свечой вверх выпрыгнула наша кошка Буся, саданула лапой по воздуху, пытаясь зацепить чудесную птичку, но, к моей радости, промахнулась, и птичка, со свойственной всем крохотным птицам ловкостью, проворно юркнула в укутанные листвой ветви старой яблони, ухватившись за одну из них, повисла спиной вниз, и уже

через мгновение исчезла, будто её и не было... Я даже не успел до конца восхититься.

Образ этой чудесной птички никак не вязался со жгучей крапивой, заполонившей собой весь угол сада, ей, скорее, подходили ветви чёрной, белой или красной смородины, с гроздьями ярких блестящих ягод, а эта дивная птаха отличалась нежностью оперения, какой-то неизвестной мне ещё ласковостью, и я с такой же нежностью вспоминал потом о ней, не зная даже, как эту птичку-невеличку зовут... Какая славная птица живёт в нашем садике, думалось мне, что и в сказке, наверное, не сыщешь, и стал он мне представляться какой-то божьей светлицей, где милой птичке и хлеб, и просторный дом, и желанная воля. Чудо, а не птица, и как потом оказалось, прозванная меж людей таким же чудным прозвищем – «лазоревка», то есть – птица трогательного небесного цвета, призванная, как и милое дитя, только очаровывать сердце своим нежным обликом.

X X X

Как я был счастлив, впервые увидав цветущую медуницу!

X X X

Что, по-вашему, счастье? Если хотя бы немножко подумать, то можно понять, что в нём нет ничего сложного. Счастье – это когда вас что-то пронзает, и вокруг становится светло. Вы сами светлеете, расправляются ваши плечи, у вас появляется завидная осанка, проясняется взгляд и лицо. Вы начинаете видеть то, чего раньше не замечали. Люди, которые для вас ничего не значили, вдруг обретают в ваших глазах себя и открываются с самой выгодной стороны, вы уже не можете этого не замечать, так же как и они не могут не заметить вас, случившейся с вами перемены, вашего счастливого состояния. Счастье, оказывается, очень простое дело, и оно легко и незаметно наполняет вас собой. Люди не понимают, что совсем не обязательно, если во всём будет присутствовать смысл, - порой достаточно одного счастья.

Счастье есть для всех и всегда: ты либо принимаешь его, либо нет. Обычно, люди находят оправдание для себя, им, по какой-то неизведанной причине, что-то постоянно мешает переживать радость. Препятствие находится легко: ведь несчастным быть так удобно. Но и желание стать счастливым не так уж недостижимо. Человеку не хочется проявлять

решимость, а казалось бы – что может быть проще того, чтобы испытывать в душе чувство полного удовлетворения? Решиться быть счастливым – только и всего, чего же тогда все проявляют нерешительность? Сделай шаг, соверши бросок к самому себе – и ты счастлив, и всё же человек пасует... Но всё зависит от него.

А как легко быть счастливым ребёнку! Вы думали: почему? Дети ничего не боятся: они могут остерегаться темноты или набросившейся из подворотни собаки, но никогда не поддадутся страху перед жизнью... Она им необыкновенно интересна. Они не видят в ней никаких рисков, потому что уверены: жизнь не подведёт их, она их не обманет. А дело всё в том, что дети сами не обманывают её. Они просто любят жизнь.

Х Х Х

Когда только-только начинаешь осознавать себя в жизни – как прекрасно её начало! Уже одно то, что видишь, слышишь и обоняешь совершающийся повсюду красочный круговорот – праздник. Об унынии и не помышляешь, даже если приходится наблюдать какого-либо неразумного дитя, захлёбывающегося в безудержном плаче уже при одном виде человека в белом халате... И только жадно впитываешь радость бытия, вглядываешься во всякую мелочь, и лишь угадывая вкус жадного на события существования, обещаешь своей душе жить так же празднично, полновестно, ни в чём не находя для себя даже сиеминутной печали...

Х Х Х

Лето в детстве, казалось, будет длиться вечно. Оно сулило осуществление самых чудесных и невероятных желаний, даже не предполагая какой-либо отчуждённости, обещая только благостное пребывание во всём, поскольку и ты, и душа твоя, и окружающий мир были одним живым существом, призванным к гармонии и равновесию, а лето, как никакое другое время года, подразумевало именно повсеместно растёкшиеся тепло и свет, умиротворение и нежность... Хотелось безотчётно плыть в этом летнем довольстве, не предвосхищая каких-либо изменений, пусть даже незначительных, и чтобы восхитительное лето длилось и длилось, не прекращаясь, как, кажется, не прекратится и чудесная младенческая пора, что полнится неопишуемой радостью, и это будет происходить всегда.

Благословенно лето, время зарождения будущих живительных плодов, преисполненных божественной энергии!

Х Х Х

Как живут миллионы взрослых людей? Им постоянно чего-то не хватает, не достаёт, кажется, самого малого в достижении полного счастья. А вокруг, между тем, случаются чудеса, но они не в состоянии их увидеть: чудеса доступны только детям...

Любой взрослый знает, что чем дороже мечта, тем менее надежд на её осуществление... С ребёнком же всё обстоит иначе: ему не может не вериться, что всё самое пленительное – осуществимо, в этом нет никакого сомнения, и счастье – всегда рядом, стоит только открыть поутру глаза, чувствуя, как переполнен радостной жизнью, и всё замечательное с тобой обязательно случится...

В детстве, неминуемо, всегда скрывается радость жизни, в каждой мелочи присутствует ощущение пусть мимолётного, но счастья, и мы тоскуем по нему, как бы удачно не складывалась наша судьба... Счастье и радость жизни в детстве устроены так, что возникают в нас пронзительным чувством любви к жизни навечно, и из этого чувства можно так же бесконечно черпать вдохновение... Не забывайте в себе ребёнка, становитесь опять в душе детьми!

Х Х Х

Каждому даёт Бог детство, совершенно чудесное, неповторимое время, из которого помнится только хорошее... Может быть, даже самое дивное из всего, что суждено пережить человеку... И всё только для того, чтобы он не пренебрёг своей дальнейшей долгой жизнью, и прожил её ещё более особенно и необыкновенно, чем детство, научившись ценить благодаря ему отпущенную возможность приумножить все дарованные ему способности, тем самым отблагодарив Всевышнего за отпущенное благо...

А у Бога много всякой благодати, и наиболее трогательная – детская пора, коей Он благословляет всякого в силу Своего Милосердия. Никто так не благостен, как наш Господь, и благоволит Он, в первую очередь, к детям.

Х Х Х

Разве прислушается взрослый, замерев ненадолго, как переливчато чирикают за окнами только что проснувшиеся воробьи? Нет, он тотчас переведёт своё внимание на тёплые лучи восходящего солнца, медленно переползающие по стенке, вытянув руку из-под одеяла, нащупает будильник и взглянет на время... Затем - зевнёт, потягиваясь до хруста в суставах, и, взъерошив волосы, в каком-то отрешённом забытии пожелает только, чтобы эта нега продолжалась и продолжалась, ни к чему его не обязывая, и не нужно бы было увлечённо стремиться к чему-то существенному, зачем-то гореть им: ему хочется просто забыться, получая максимум наслаждения, почти не затрачивая при этом никаких усилий... Взрослый, всё-таки, всегда предпочтёт бодрой зарядке сладкие сны о кладах, позволяющие ему забыть свою привычную, достаточно скучную и до сих пор неведомую для него жизнь...

Но вот поведёт ли себя подобным образом ребёнок, жаждущий вслушиваться и всматриваться в окружающий мир и себя бесконечно, каждую секунду?! Нет, конечно, потому как воображение его удивительно чутко, и оно с самого утра, с восторгом, раздвигает зарождающуюся жизнь... Ведь ребёнок ещё не ведаёт, что где-то есть моря и заморские страны, но разглядывая из окна раскинувшуюся перед ним улицу с домами, утопающими в зелени садов, и дальние дали, мир для него необыкновенно разрастается, становится всё заманчивее, и угадывая в нём не надоедающее каждый день однообразие, а именно обилие богатых на существование событий, представляющих из себя увлекательную жизнь, он уверен, что эти захватывающие душу события не минуют и дождутся его...

Х Х Х

Ах, какой чудный был бабушкин сад... Весь он отливало какой-то волшебной зеленью, что даже светила на солнце, и утопая в ней взглядом, сердце тихо и счастливо билось в груди ласковой птицей... Её страшно не хотелось испугнуть, отчего я пробирался сквозь густую зелень осторожно, ступая как можно тише, и птица эта, тоже не решаясь испугнуть чудесную тишину, в какие-то мгновения радостно замирала, боясь даже ворохнуться... Какою сказочной воспринималась эта пора, возможность быть в ней и чувствовать себя счастливым... Ясно было одно: Господь не побрезговал ради бабушки волшебным садом, и одарил её им, а за одно – и меня!

Х Х Х

Только в детстве просыпаешься утром от счастья, и весь день оказывается заколдованным царством, в нём непередаваемо хорошо и счастливо быть, и хочется, чтобы он никогда не кончался.

Счастью не мешают даже морозы, что к Рождеству становятся ещё крепче, отчего деревья за окном изредка постреливают, даже – трещат, но в доме тепло, в углу гостиной ярко сияет нарядная ёлка, и предощущение скорого праздника непередаваемо чудесно. Скоро ли и в самом деле настанет вечер?

От незнания – чем бы заняться, ходишь из одной комнаты в другую, подолгу смотришь в замороженные оконные стёкла, но там ничего не видно, и уже не в силах куда-либо себя деть – заглядываешь на кухню, где бабушка стряпает пироги, выставляя их потом на своей кровати, в спальней, укрывая накрахмаленными полотенцами... Вот-вот должны прийти гости, а пока в доме только слышен размеренный бой часов, вечер же, кажется, не торопится наступать, и сиреневые сумерки будто замерли над заснеженной землёй, не желая превращаться в долгожданную новогоднюю темноту, что принесёт много радости и подарки...

«Ах, как прекрасна жизнь, - тихонечко произносишь ты про себя. – Если бы мне сегодня преподнесли футбольный мяч и лыжи!» И тут в прихожей раздаётся звонок, и мы с сестрёнкой устремляемся в коридор, где в растворённую дверь, вместе с клубами морозного пара, вваливается ... Дед Мороз!.. Как такое возможно?!

Поначалу, немножко оробев, мы оба замираем, не в силах поверить в происходящее, но Дед Мороз как будто нас не замечает. На нём – долгополая красная шуба с белоснежными отворотами, подпоясанная золотым кушаком, такая же красная, вся в серебристых блёстках шапка, а за спиной, перекинутый через плечо, виднеется внушительных размеров мешок, весь усыпанный искромётными снежинками. Видно, как Деду Морозу тяжело удерживать этот сказочный мешок на себе, он даже немножко согнулся под его тяжестью. Мы, конечно, сразу догадываемся – что в нём находится, только виду не подаём, потому что опешили на время от происходящего. Уж больно неожиданно появился этот волшебный старик, про которого в течение всего года и думать забудешь, но он возьмёт и объявится неизвестно откуда, накануне Нового года, да ещё с подарками, и ты постепенно придёшь в себя и обрадуешься, а в морозных узорах, за окнами, наконец, затеплится долгожданный праздничный свет, и на небе, в восторге от проистекающего вокруг торжества, заиграют разноцветные звёзды...

Новый год опять пожаловал в гости к детям, и вместе с ним – чудесное настроение и незабываемые игры! Мы с сестрой приготовили для гостей свой подарок – театральное представление, но это – потом, сейчас всё наше внимание устремлено к сказочному Деду Морозу, которого можно даже потрогать... Он склонился над нами с ласковой улыбкой, и я осторожно коснулся рукой его колючей белой бороды... «Неужели настоящая?» - промелькнуло в голове. А Дед Мороз вкрадчиво спрашивает: «Это здесь проживают мальчик и девочка по имени Боря и Лёля?»

Какое-то очаровывающее оцепенение нападает на нас с сестрёнкой, и мы слова не можем произнести... Бабушка, почтительно обращаясь к дорогому гостю, будто предупреждая его следующий вопрос, проникновенно произносит: «Весь год, дедушка, ребята старались, вели себя исправно...» И дедушка, в мгновение становящийся для нас, действительно, дорогим и желанным, снимает свой волшебный мешок с плеча, рукавицы на его руках тоже алые, отороченные белым мехом, и вынимает кудрявую красавицу-куклу, альбом с коробкой цветных карандашей, и...футбольный мяч! А ещё – лыжи, маленькие конёчки, загадочный калейдоскоп и пластилин... Как тут не удивиться и не воскликнуть от несказанной радости: уф!

Чудо новогоднего праздника несравнимо ни с каким другим: это, конечно, можно почувствовать только в детстве, тем более, когда к тебе с праздничным приношением склоняется сам Дедушка Мороз, и воображаемая, до сей поры, сказка оборачивается восхитительной былью. Но быль эта тоже сказочна, даже – волшебна, всего этого, разумеется, не осознаёшь в пять-семь лет, зато очень остро чувствуешь и переживаешь... Только какая-то безудержная внутренняя чистота может быть поможет тебе сохранить всё это до зрелого возраста, вот бы так случилось, да только об этом опять же не помышляешь: ведь скоро новогодняя ёлка зажжёт все свои огни, на верхушке её торжественно возгорится главная праздничная звезда, и произойдёт что-то удивительное, то, без чего не случается ни Рождество, ни Новый год, и всё это чудесное торжество ещё будет жить с тобой долго, быть может – до весны... А Дед Мороз улыбается нам с сестрёнкой сквозь седые усы, глаза его искрятся каким-то внутренним здоровым светом, и мы приглашаем его погостить у нас ещё немножко, чтобы посмотреть кукольную постановку... К нашей радости - Дедушка соглашается.

Как потом выяснилось – «Дедом Морозом» оказался наш папа, он переоделся у соседей в праздничный наряд и заявился к нам с мешком подарков. Но это никоим образом не утеряло произведённого на нас впечатления. Наоборот, мы с Лёлей гордились папой, способного

перевоплотиться в сказочного старика, и когда он им становился – мы верили, что так оно и есть, и забывали, что Дед Мороз – это папа, воспринимая его за хозяина далёкой северной страны вечных ветров и льда, где, между тем, живёт добро...

Добро с радостью – и в нашем доме: скоро – Новый год! Люстра под потолком освещает всю комнату ласковым тёплым светом, ей вторят мигающие на ёлке огоньки, а мы с сестрёнкой сооружаем театральный занавес на спинках составленных в ряд стульев... Мама принесла нам из детского сада, где она преподавала музыку, несколько кукол – героев русских сказок, которых нужно было одевать на руку и разговаривать за них сказочными голосами, и мы решили устроить для взрослых спектакль.

Взрослые, обычно, играют в карты, кошка – с мышкой, а дети – в куклы, и в их руках они становятся живыми... Вот и у нас с Лёлей Емеля из сказки «По щучьему веленью, по моему хотенью» выходил совсем не ленивым, а весёлым и находчивым удальцом, тогда как его работающие братья и невестки – непутёвыми, и сказка представала в нашем воображении в совершенно ином свете... У детей, известное дело, затейливый ум.

Для гостей заблаговременно приготовлены скамеечки и стулья, у входа в гостиную сестрёнка продаёт билетки, а я слежу за тем, чтобы каждый из зрителей занимал указанное в них место, и если кто-то усаживается не на своё – строго ему замечаю:»Будьте так любезны, пересядьте, пожалуйста!» Гости послушно следуют моей просьбе, все проникнуты торжественной обстановкой подступающего праздника, и в благостном настроении замирают на местах в ожидании, когда раскроется занавес... И тут мама усаживается за пианино, наигрывая какую-то весёлую новогоднюю песенку...

А воздух в комнате густеет от запаха хвои, пирогов с пряниками и мандарин... Потрясённые воцарившейся умиротворённой атмосферой, в душе мы, дети, трепещем, с волнением начиная представление... Всякая душа празднику рада, а уж у ребёнка, да под Новый год, тем более, и потому с добром и самым дорогим событием зимы жить необыкновенно хорошо, и на душе становится так покойно и счастливо. В новогоднюю ночь и яблочку на ёлке расти!

X X X

В детстве я не обладал беспокойным нравом, желая всё разузнать и как можно скорее, а принимал каждый день как великую радость, предпочитая

полностью отдавать себя только ему. Наблюдая, как золотобокий шмель, деловито присаживаясь в чашу цветка, в каком-то сладостном оцепенении замирает там на неопределённое время, я не задавался вопросом – зачем он это делает, а лишь наслаждался совершающимся на моих глазах таинством, не привязываясь к нему...

Х

Х

Х

В детстве я думал, что человека обидеть легко, особенно – маленького, правда, он быстро про свою обиду забывает, а пройдя жизнь, понял: если в человеке жива душа, то обидеть её невозможно, потому что она ничего худого не принимает, как бы её не изводили. Душа – дыхание Господа,местилище самого прекрасного, что только можно себе вообразить, и у малышей она удивительно чутка...

Прикасаясь в бабушкином саду к какому-либо растению, даже – самой пустяковой былинке, я сразу ощущал, что и в ней заключена её душа, и дотрагиваясь травинки – мне казалось, будто эта душа тихонечко приоткрывается мне, и таинственно начинает со мной неторопливый разговор...

Х

Х

Х

С ранней юности стал я частенько задумываться – как мне жить? Видел, что и все взрослые люди про это ничего не знают, живут, как придётся, или – кто к чему привык, а мне так жить не хотелось, и я не отступал от своих мыслей о жизненном смысле, не переставая, думал о нём, веря, что добьюсь не дающей покоя разгадки, и, действительно, однажды добился... А вы как думаете: где тут собака зарыта?

Всё дело – в правде, в желании жить только по ней, чего бы с тобой не случилось, и если не своротишь с этой дороги – достигнешь в себе Бога, чего Он терпеливо ждёт, отпуская каждому только те испытания, что человек способен вынести. Ну, а коли не выдюжишь, лишишься в сердце терпения, то уж не добьешься тебе той самой правды, способной принести истинное счастье. Пеняй теперь только на себя, никого не виня, ибо, правда со счастьем рука об руку ходят, судьба свою радость никак не может миновать, и жизнь должна продолжаться не по тяжкой необходимости, а по великому, жизнеутверждающему благу, с любовью...

X

X

X

Как, в сущности, бедна человеческая жизнь, если в ней не было настоящего детства!.. Тогда человек лишь обманывает себя надеждами на счастье, и целомудренные звёзды не дарят ему своего радостного блеска... «Куда же всё подевалось, - в растерянности думает он. – Да и было ли что-то на самом деле? Неужели в моей жизни так ничего и не случится?! Будет по-прежнему вставать и садиться солнце, весной опять прилетят с юга птицы и начнут сооружать гнёзда, зацветут подснежники и медуница, но всё это будет происходить без моего участия, словно я совсем не нужен!»

В течение всей жизни верилось, что вот, на будущий год, обязательно свершится нечто значительное, и оно повернёт существование в единственно допустимое русло, которое окажется по-настоящему достойным и счастливым, так что радость не минует тебя. Но проходит и этот год, и следующий, а ничего не меняется: всё так же вспыхивают на вечернем небе манящие к себе звёзды, прилетают и улетают птицы, время утекает куда-то бесследно, и тебе вдруг захочется вернуться в детство, чтобы начать всё сначала, уже ничего и никого в своей жизни не упуская... И ты улыбнёшься этой простой возможности хотя бы мысленно перенести себя в далёкое былое, всё-таки почувствовав связь с дорогой Вселенной, где есть место и звёздам, и солнцу, и птицам с цветами, и тебе, не перестающему никогда переживать это чудесное единство, ощущая полную свободу в выборе своего благословенного жизненного пути...

X

X

X

С детства усвоил я, что безрассудно сердиться на непогоду, что неудобства, преподносимые природой, не зависят от человеческой воли, и что грешно проявлять недовольство и роптать на слякоть во дворе, дождь, снег или пронизывающий ветер, поскольку все эти напасти посылает нам Бог. И оттого люди должны принимать всё происходящее с ними спокойно, в полном радушии к природе, какие бы сюрпризы она не уготовила. Доброе расположение к погодной неурядице, взятое за обычай сызмальства, впредь уже никогда не позволяло ей испытывать моё терпение, и какое бы неустройство не уготавливали мне мороз и холод, ливень и зной, ураганный ветер и шторм, я всегда сохранял в душе уравновешенность и покой, а судьба хранила меня на каждом шагу. Да и способно ли пасмурное небо или лютая метелица нарушить настроение неиспорченной неверием в собственные силы

молодой и неустрашимой душе? Ведь в детстве за счастье – даже дождь и ненастье!

Х Х Х

Не забыть пухлый чистый снег детства, мягко устилающий крыши дворовых сараев... Залезешь на такую крышу, утопая по колено в наметённой за ночь снеговой шапке, и ровно станет легче дышать: воздух тонкий, звонкий, и слова в нём разносятся так же звонко и весело. Прежде, чем сигануть в сугроб, осторожно подберёшься поближе к краю, откуда свисают белыми застывшими языками снежные надувы, и если не рассчитаешь и оступишься, то в миг ухнешь вместе со снеговой шапкою вниз, в облаке искрящейся на солнце снеговой пыли... А нужно остановиться у самой кромки, подчистить валенком площадку для прыжка, и, собравшись с духом, лететь с замершим сердцем в необъятный сугроб, представляя его таким же необъятным морем, где не страшно и утонуть. И пока летишь в морозном воздухе какие-то чудесные и головокружительные мгновенья, то и подумать ни о чём не успеешь: только бы бухнуться в снежное воздушное море, не боясь, что невидимые морозные иголки вопьются в лоб и щёки, на глазах тотчас выступят стеклянные слёзы, и всё твоё существо, ещё переживая отчаянный полёт, будто вращается в снег... Как это восхитительно – лететь с крыши в жгучий сугроб, ничего не страшась, и чувствовать себя самым счастливым человеком!

Х Х Х

Детство чудесно тем, что в нём тебе являются совершенно новые, неведомые ранее предметы, располагающиеся повсюду – и в саду, и на чердаке, и в чулане, и на улице, и тебя изумляют, казалось бы, самые обыденные вещи, представляющиеся, конечно, необыкновенными... Вот, широкая старинная лавка, с завидной основательностью утвердившаяся в углу, под образами, её коротенькие крепкие ножки ловко разъехались во все стороны, и замерли так, кажется, навечно, выявляя в лавке непростой, своенравный характер, отчего всегда было боязно подходить к ней вплотную, стараясь держаться на расстоянии, но без неё в доме, наверное, было бы скучно...

Или – железная увесистая полоска, разрубленная сверху натрое, что я обнаружил в деревянной нише, за печкой... Бабушка объяснила: «Это –

светец, он предназначался для ущемления в нём лучины, освещающей дом, когда ещё не было электричества». Светец втыкали в деревянную палку, устанавливая там, где требовалось добавить свету. Теперь светец был не нужен, в доме всегда было светло, а нет-нет, да взглядывал я на старинную железную вилку, что освещала неведомую мне жизнь, и хотелось всматриваться в это стародавнее время, представляя в нём бабушку, когда она была ещё молодая... Как чуден, наверное, был тот таинственный свет, которого бабушке не хватало!

Существование печи, вообще, дарило множество чудесных вещей, и в доме невозможно было обойтись без кочерги, пузатых чугунок и рогатого ухвата. Литые чугунные горшки годились для варки и всяких других нужд, бабушка называла их «чугунчиками», и они чудо как были хороши. В их крутобокости таилась какая-то обаятельная и уютная сила, отчего наша «картошка в мундире» в таких горшочках выходила особенно вкусной. Ухват же служил прихватывать чугунок своими металлическими рожками, обнимая ими их округлые бока и ловко выводя из жара печи... «Ухват и с пылу хватает!» - восклицала порой бабушка, орудуя на кухне, и потом довольно добавляла: «С ухватом баба – хоть на медведя!»

Не обойтись было и без кривой кочерги, регулируя ею жар в печи, растаскивая угли в её горячей утробе... В притаившейся в углу кочерге мне виделся однобокий железный костыль, что позабыл у нас в избе какой-то сказочный ведун, и эта его клюка вызывала в моей душе массу переживаний, неминуемо присущих раннему детству. «А ну, как возвратится страшный старик, когда бабушки не будет дома?» - думалось часто, и я с опаской переходил в другую часть комнаты, подальше от печи, мысленно не упуская кочергу из виду. Нужно было научиться не страшиться кочерги, что тоже не боялась огня, и была в печи хозяйкой...

«Всякой вещи время» - говорила бабушка, и детство было наилучшей порой для существования самых непредсказуемых предметов! По словам бабушки, всякая неодушевлённая особь на деле оборачивалась существом с чувствами, которые можно было переживать вместе с ней, на свой особый лад, каждой уделяя особое внимание. Не одеть уздицу на какую-либо вещицу не представлялось невозможным, этой заботой жил деревенский дом, но и то была правда, что эти появляющиеся в моей жизни один за другим предметы просто изумляли своей непостижимостью, вернее сказать – загадкой, что, несомненно, очаровывала, и как было согласовать свободу моей мальчишеской воли с неразгаданной тайной окружающих вещей – я не знал. Одно надёжно усвоилось: основная причина жизненного движения – тайна, и

её сладко было разгадывать и хранить в окружающих тебя простых вещах. Тем более, что всякая тайна рано или поздно выявится!

Х Х Х

В детстве, общаясь с растениями и птицами, насекомыми и домашними животными, мне всё казалось, что все они, преподнося себя человеку такими, какие они есть, в тоже время не выказывают о себе всей правды, которую сами знают, но почему-то скрывают. Есть в них что-то такое, в чём они не желают до конца себя раскрывать, и нужно очень постараться, чтобы тайну эту разузнать. Я даже поклялся себе, что непременно разгадаю её: ведь далеко не сразу зацепится мысль человека за всякое живое существо, что кому-либо да служит... И вот, до сих пор разузнаю, не потеряв интереса разглядывать и разбирать скрытую ото всех суть, так как точно знаю: в том, что нас окружает – заложено нечто особенное, и оно прекрасно...

Х Х Х

Любовь... Чувства, что меня в детстве не долюбливают – никогда не было, тем более, что сам я проявлял большое переживание преданности своей бабушке, хотя не только к ней переполняла моё сердце любовь, но и ко всему живому, что меня окружало.

А была моя бабушка всегда вольною крестьянкой, и хоть нигде за всю жизнь не работала, но от труда не бегала: огородничество, скот и торговля на рынке - была её судьба. Только и видать в саду её сгорбленную спину... Бывало, спросишь:

- Бабушка, трудиться надо, чтобы в рай попасть?

- Нет, миленький, рая более слаще, чем на земле. Только здесь настоящая любовь начинается. Так нам Господь заповедовал!

И верно: любовь – это когда страшно интересно всё, что делает твой любимый человек, в детстве им была моя бабушка, и ты чувствуешь движения его души, переживаешь вместе с ним одно и тоже чувство, и желаешь только, чтобы всё у твоего любимого человека было хорошо. Ты сам до конца готов отдать себя для этого, и, конечно, тебе не приходит в голову просить за твоё душевное устремление какое-либо вознаграждение. Главная радость для тебя – душевная успокоенность любимой бабушки, ради неё ты не боишься пожертвовать всем, только бы она была здорова, и ни о

чём другом не помышляешь... «Матушка родная, Богородица, - тихонечко шепчешь ты про себя. – Возлюби мою любимую бабушку, как и я Тебя...»

Любовь... Она даёт возможность быть самим собой, дополняет тебя и помогает стать цельным. Присутствие любимого человека делает тебя более сильным, а любовь дарит обладание главным секретом Бытия, когда ты, чувствуя в себе Бога, осознанно распахиваешь Ему навстречу свои объятия, ты счастлив и свободен, сердце твоё поёт: и всё это ты переживаешь благодаря присутствию в своей жизни родимой бабушки...

- Бабушка, расскажи про рай, - и я прижимаюсь к ней, уткнувшись в тёплые колени.

- Чего тебе, праведная душенька, хорошего сказать? Чистое ты моё творение и радование! Всё наше житие – рай земной, но не всем в раю быть, только, кого Бог помилует. Нонче, вот, доброе утро выдалось, и от этого уже на душе счастье. Прохладной водичкой умоешься – и беги в сад. Когда личико чистое, пригожее, и душа сразу к Богу обращается, а я тебя скоро к завтраку позову, буду райскими пирогами угощать...

И ты бежишь, неся в сердце радость, и про себя нащёптываешь:

- Царица Небесная, храни мою бабушку!

А в саду – большое солнце, как царь, сладко пахнет ягодой и летним раздольем, так что даже теряешься: куда себя направить? Хочется кинуться и туда, и сюда, но в голове радостно вертится: скоро позовёт бабушка, надо быть неподалёку. И тут, возле ворот в ограду хорошо: под бревенчатыми стенами, в тени, таятся бархатистые лопушки, нежная крапивка и жёлтенькие глазки чистотела... С доброй ленцой, привольно разливается по всей земле лето, и даже дышать становится трудно от радости, отчего сразу подумается: никогда не исчезнет из твоей жизни счастье! Будет уходить ненадолго, и опять возвращаться, не описать это ни за что словами, можно только переживать в самом сердце детства...

Бабушка же, накрывая на стол, тоже тихонечко наговаривает:

- Как хорошо, милоч, Господь жизнь устроил: у Него завсегда и во всём праздник, и всякая душа празднику рада, отчего на сердце – одно благо...

И правда, как в перину пуховую погружаешься в эту радость, конца ей не видно. Всегда бы быть так вместе с бабушкой, купаясь в её ласке, никогда не поддаваясь грусти, а лучше – вовсе её не знать. Так бы и шло...

В комнатке нашей светло, солнышко забралось во все её уголки, зацепилось в небе над домом, и весело мне смотреть на бабушку, как она стоит у печи в своём цветастом малиновом халате, в кружевном переднике, и лицо её тоже светится, кажется, отражая солнце...

- Свят-свят, Господи наш чудный, - шепчу я сбивчиво, наверное, невпопад божественным молитвам. – Сделай так, чтобы бабушка не болела. Спаси её и помилуй!

И бабушка, вот чудо, с тех пор никогда особо не болела, и вихры мне не надирала, хоть и божилась, что когда-нибудь это сделает...

- Ну, Господь с тобой, Борюшка, сверчок мой милый, - задумчиво произносит она, когда я чего-либо набедокурю. – Непорядок это...

Ласковое слово слаще мягкого пирога, отчего и свет в душе от бабушкиного присутствия становится как в утреннем саду, что льётся и от яблонь, и с голубого неба... Ясно всё вокруг и привольно, потому как бабушка рядом, и опять я думаю: «Бог наш Великий творит чудеса, и да прибудет по всей земле любовь – благодать Господня!»

Х

Х

Х

В детстве мы полны надежд, потому что наша сущность не может не расширяться, как это происходит со Вселенной, но Вселенная при этом ещё постоянно изменяется, становясь более совершенной, чего никак не может усвоить взрослый человек, когда он достиг определённого достатка и не понимает – как ему реализовать желание развиваться дальше... Он, вроде бы, всё перепробовал, и ему, пожалуй, стоит обратить своё внимание на детей, у которых каждый день случается счастье, непременно происходит что-то новое только потому, что они жаждут изменений, желания их при этом чисты, и дети постоянно сменяют свой интерес к чему-либо иному, более загадочному, отчего энергия их не иссякает и не загрязняется, как у взрослых...

Выберите что-нибудь достойное – и двигайтесь к нему, как это происходит у детей, и вам не наскучит жить, когда у вас всё уже, казалось бы, есть, но удовлетворение от жизни пропало. Так наполняйте свою жизнь неким замечательным содержанием посредством собственного незабываемого опыта, подобно детям, и всякий день вашей жизни будет приносить вам счастье. Наполните своё существование желанием просто жить, свободным от иных желаний, и всё обычное обернётся для вас чем-то необычным. Вспомните, что где бы ни появился в вашей жизни ребёнок – всё вокруг него расцветает, это случается само собой, без желания чего-либо, а лишь с потребностью пребывать в собственной невинности и чистоте, и если вы отстранитесь от устремления чем-либо непременно обладать, то почувствуете в себе потребность просто быть... Да пребудет в вас, как и в

ребёнке, божественное, и тогда вы ощутите бесконечность существования, и возродитесь к чистой жизни, с любовью!

Х

Х

Х

В детстве, когда меня очень часто ставили в угол, по большей части – незаслуженно, я ещё не понимал, как это благотворно для моей души. И лишь позже, через много лет, осознал: люди всегда будут осуждать тебя за то, чего ты не совершал, даже в детстве, больно рая твоё восприятие, но ты должен научиться преодолевать эту боль и отвержение, никого не рая в ответ и становясь сильнее. Так, ещё с ранних лет, Существование готовит нас к нашей главной цели: к росту сознания и достижению в себе Бога.

Х

Х

Х

Старый бабушкин дом... Вот бы побывать в нём сейчас, хотя бы одним глазком ещё раз рассмотреть всё его внутреннее обустройство, залезть на полати над печкой, полежать там, наслаждаясь духом бабушкиных шанег, украдкой подглядывая сверху, как она их стряпает и ловко отправляет на старых противнях в печной жар, а отведав доброй стряпни, посидеть некоторое время молча за столом, наблюдая, как за окном снуют в ветвях вишни юркие овсяночки и щеглы, но завидев на полке буфета желтоватую бутылочку рыбьего жира – побыстрее отправившись гулять... Один вид этой стылой, недружелюбно замершей за стеклом жидкости вызывал в душе трепет, и как назло бабушка всегда оставляла рыбий жир на самом видном месте, как напоминание, что в любой момент ей вздумается попотчевать меня им ради моего же блага, и лучше было поскорее миновать кухню, очутившись в прохладных, даже летом, сенях, затем – коротенькая скрипучая лесенка, и вот – ты на дворе!

Но выйдя из дому, сразу и не сообразишь – чем предстоит тебе заняться в это утро? Может быть, вернувшись украдкой, чтобы не услышала бабушка, забраться по узенькой лестнице на чердак, где тепло и уютно, и тоже сладко пахнет истопленной печкой, а окутанные укромной тенью предметы представляются живыми, только на какое-то время притихшими, будто слышали тебя - и притаились? С замиранием духа прокрадываешься между ними, а старый комод, ворох газет и сундук исподтишка наблюдают за тобой, не упуская ни единой мелочи в твоём настроении, словно потом хотят всё рассказать о тебе бабушке. И ты невольно остерегаешься их потаённого

присутствия, то и дело взглядываешь на притаившийся комод, таинственный сундук, покосившийся трёхногий венский стул, что один из всех обитателей чердака, вроде бы, не настроен против твоего нахождения здесь... Роящаяся вокруг старинная пыль по-хозяйски покрывает собой всё чердачное пространство...

- Уф-ф, - не в силах сдержать гулкого сердцебиения, тихонечко выдыхаешь ты, с любопытством осматривая своё укромное убежище... Солнечный свет, маленькими квадратиками пробивающийся через уединённое окошко, тайком улёгся на запылённом полу, будто ему и дела нет до игры и веселья, но тем и хорош чердак, что скрытен, загадочен и непредсказуем. Как он поведёт себя в следующий раз – неизвестно, чего преподнесёт? И оттого манит он к себе необыкновенно, так что хочется всегда изучать его спрятанное ото всех содержимое, открывая для себя что-то несказанное, но такое притягивающее... Да и как не таить чердаку свои тайны, на то он и создан, и бабушка, конечно, понимает моё устремление всё знать, когда я забираюсь тайком от неё сюда, хотя, бывало, и поругает. Это чудо что за чердак в старом бабушкином доме, и как чудесно было скрываться в нём и мечтать о чём-нибудь хорошем, что обязательно, ты знал это точно, сбудется!

Х

Х

Х

Была ли у меня в детстве мечта? Пожалуй, что и нет. Жил я всем довольный, пребывая в радости каждый божий день, и каждый день, находя для себя какое-либо важное занятие, с добрым усердием, непременно весело, исполнял его. С ранних лет в моей душе как-то сразу усвоилось, что несомненно надобно иметь в жизни дело, вызывающее неподдельный интерес, отдаваясь ему полностью. И такой интерес я легко изобретал, никогда не тяготясь незнанием – как бы его обнаружить и воплотить в жизнь, ведь он рождался во мне всякий раз легко и непринуждённо, так что даже не приходилось прикладывать каких-либо особых усилий.

С самого утра, обычно, день уже предполагал неминуемое счастье, им только с радостью нужно было воспользоваться, и я с удовольствием принимал эту увлекательную игру, и жизнь представлялась мне не иначе как чудесным воплощением чьей-то высшей воли. Такое восприятие действительности усваивалось мною совершенно естественно, будто я изначально был уверен в непогрешимости существования, дарованного мне этой неизведанной силой. Сила эта повергала меня в дивный восторг,

пронизывая душу до самых глубин, и вот её как раз хотелось понять больше всего, и я с радостью посвятил этому постижению всю оставшуюся жизнь.

Х

Х

Х

Спросят, бывало, у человека: что самое лучшее случилось в вашей жизни? И он, не задумываясь особо, тотчас отвечает – детство, как будто не было у него жизни иной, взрослой, полной ярких встреч и событий, незабываемых приключений, но, тем не менее, человек признаётся в том, что именно детство явилось самой удивительной порой, не упомянуть о которой с восторгом просто невозможно. И ведь вспоминают детство ласково, даже с некоей приятной сердцу печалью, так что понимаешь: да, пожалуй, это было самое лучшее время в жизни человека. У многих людей, кажется, только это и было хорошо. Отчего так выходит?

А выходит так оттого, что прелесть детства выражает собой великие возможности, дарованные человеку... Они - напоминание ему о том, как важно их использовать на благо Существования, чтобы в конце жизненного пути человек был доволен самим собой, до краёв наполненный ветрами пройденных им дорог, и на вопрос о том, что самого дорогого случилось в его жизни, не задумываясь бы ответил: каждая минута этого божественного бытия, проживаемого с радостью.

Х

Х

Х

Кажется, ничего в детстве не могло вызвать моего недовольства, исключая, пожалуй, несправедливость по отношению к себе. Несправедливость выражалась в незаслуженном наказании, которому я часто подвергался, вероятно, просто потому, что матери недосуг было разбираться в причинах моего, якобы, непослушания. Либо она брала себе на веру, что поступает правильно, если оградит от меня на время и себя, и мою младшую сестру: так ей почему-то будет покойнее, и я на час, а то и на два-три оказывался в углу... Нередко это непонимание, скорее даже – равнодушие, доводило меня до слёз. Как было доказать взрослым, чаще всего – маме, что я ни в чём не повинен, это сестрёнка, ни с того ни с сего, подняла шум, обвиняя меня в том, что я её обидел, хотя ничего подобного с моей стороны не происходило? Но сестра была младше меня на четыре года, и, конечно, верили ей, после чего она всегда подло торжествовала, а потом делала вид, будто ничего на самом деле не случилось. Я же от такой несправедливости не

находил слов, вообще путался в догадках, после чего в сердце закрадывалась горькая обида. Вдобавок, я никак не мог взять в толк – как себя после всего этого вести... Был я на деле не злобив, даже – очень добродушен и весел, и если оставаться честным, все эти обвинения, и затем - следующие за ними наказания, представлялись мне очень глупыми, но что было поделаться?!

Что же касается сестры, то я совершенно определённо полагал, что она просто не умная девочка. Иначе, зачем ей было вести себя подобным образом, каждый раз выставляя родного брата бесчувственным сорванцом? Словом, в душе у меня воцарялась полная неразбериха, и при этом не покидало глубокое убеждение, что правда рано или поздно восторжествует.

В детстве я не чувствовал в окружающей меня жизни никакой лжи, если только она не исходила от людей, и более всех лгала именно моя младшая сестрица. Всегда было жалко и больно видеть, как она ни с того ни с сего говорит неправду, обвиняя меня перед родителями в том, чего я не совершал, да и сам я совершенно не предполагал подобного со своей стороны. То есть, у меня и в мыслях не было врать кому-либо просто так, для неправды должна была присутствовать серьёзная причина: ну, например, когда я прогуливал занятия в музыкальной школе, а огорчать маму мне не хотелось, и я выводил рукой учительницы отметки, и подписывался, подражая ей. Но вот когда не существовало такой причины, и человек лгал просто так, то об этом я даже не способен был помыслить, а сестрёнка могла... Я никак не мог объяснить себе: зачем она это делает?!

Сестра затрачивала для своей неправды, кажется, всю энергию, используя и хитрость, и подлог, но всё-таки не достигала до конца желаемого. Ведь она не могла не догадываться, что я не в состоянии поверить в её изобретательное лживое поведение, в то, что она действительно не понимает – что делает, и всё-таки, родители верили именно ей, а не мне, и это оскорбляло. Сестра же стояла в своей неправде точно каменный столб, и, конечно, не возбуждала во мне симпатии: эта её ложь нас отдаляла. И вот что странно: проводя, по воле родителей, в наказание за не содеянное собой бесчисленное количество часов в углу, стоя лицом к стене, я был не в силах постичь смысла совершаемого, и тем более – не понимаю этого сейчас, когда уже нет в живых родителей, а сестра, по-прежнему, даже не помышляет о своей лжи, ни в чём не желая признаваться... Коли бы за ложь платили деньги – быть моей сестре богачкой!

Ну, а ежели серьёзно, то за всей этой историей спрятана какая-то необъяснимая для меня тайна, и из всего происходящего я в течение жизни понял только одно: чего сам не испытаешь, про то верно никогда не

скажешь, и может быть сестра, таким образом, мстила за то внимание, которое мне, а не ей оказывали бабушки... Так она пыталась, наверное, защитить своё детское счастье, но разве бабушки и я были в том повинны? Господе Иисусе, да пребудет святое имя твоё с нами во все дни и часы!

Но более всего угнетало то, что меня не понимают родные взрослые люди, и мне с ними трудно. Хотелось, чтобы всё было устроено по-другому, с доброю выдумкой, как я обычно и придумывал, когда оставался один или вдвоём с бабушкой, и из всех взрослых с мамой было сложнее всего. Она никогда ласково не успокаивала меня, как бабушка, словно даже отталкивая от себя какой-то своей гордой красотой. Мать оставалась недоступной, при том, что, казалось бы, должна была больше всех являть ко мне доброту. Как-то так выходило, что я о ней почти не думал, уделяя всё внимание своей души бабушке, и мама это, по-видимому, замечала, и будто умышленно старалась чаще отвозить меня к бабушке, чему я был очень рад.

Всё в доме, по какой-то неведомой для меня причине, подчинялось матери, включая и нас, детей, и даже отца, которым она управляла, как ей вздумается, чему он, кажется, совершенно не препятствовал, при случае тотчас уезжая на рыбалку или охоту. Мать, обычно, редко смеялась и мало говорила, исключая своих подружек. По большей части она была всегда строга, по крайней мере, пыталась таковой выглядеть, и порой я абсолютно не понимал её, при этом, невольно, и не принимая. Улыбалась она, пожалуй, лишь с приходом гостей, и все наши знакомые говорили, что мама наша удивительно хороша. Особенно, когда играет на фортепьяно, но, по моему мнению, она постоянно сбивалась, неистово нажимая на истёртые педали старого немецкого инструмента, начинала в возбуждении ударять своими маленькими ручками по таким же истёртым клавишам, и, в конце концов, победоносно завершала это такое музицирование ударным аккордом, после чего фортепьяно стонало ещё с минуту, но зрители всё равно рукоплескали ей, а мне и вовсе становилось неловко, так что я старался поскорее спрятаться в детскую... Мать и своим поведением и игрой на пианино будто показывала всем, что не собирается менять себя к лучшему, ей и так живётся комфортно, и это поначалу пугало, но впоследствии я просто перестал об этом думать. К тому же, отец ровно не замечал ничего, и его отношение к матери тоже незаметно успокаивало: взрослые сами разберутся, думал я, у меня же есть бабушка, и она меня очень любит и понимает.

Порой с матерью случались как будто припадки, появляющиеся, вроде бы, ниоткуда, и она просто неистовствовала, обращая всякую мелочь в неразрешимое событие. Не дай бог, если ты приносил из школы худую

отметку или задерживался на улице с мальчишками, - бурная реакция на подобные «недопустимые» поступки не заставляла себя ждать: она совершенно выходила из себя, вернее будет сказано – входила в свой образ.

- Мама! Не надо, - испуганно взывал я, но она только ещё более разжигала себя, будто отыскивая, по какой-то причине, недостающую ей роль. Поначалу властно взвизгивающий голос у неё вскоре оседал, звучал глухо, и она так же быстро становилась разбитой, впадая в горестное уныние, правда, до этого, случалось, успевала порядком исхлестать меня ремнём, не забывая при этом, что попадает и по лицу, - до такой степени ей становилось дурно. Вероятно, её обезоруживала моя мольба, отчего она и теряла над собой контроль, а меня охватывал страх. Неизвестно, чем всё это могло завершиться?!

Для матери же, кажется, всё происходящее было очевидно: замерев напротив меня, она с каменным лицом, почти незнакомым голосом произносила:

- Ах, до чего вы все выматываете меня... Отправляйся на два часа в угол, и чтоб не поворачивался!

Нет, всё-таки взрослые - странные люди, с горечью думал я, и больше всего, кажется, они не желают знать правду. И почему маме хочется попусту расплёскивать свою и без того хилую энергию, а папа, вроде бы, ничего этого не замечает? Отчего матери приходится говорить мне насмешливым языком обидные вещи, и она, вероятно, даже не помышляет – как мне больно? Всё это не давало мне покоя, и я начинал потихонечку плакать, упершись лбом в угол. Неудобно было чувствовать себя несогласным со взрослыми, тем более, если они оказываются твоими родителями...

О многом приходилось думать уже в детстве, и это с каждым разом становилось всё более трудным делом. Всякий ребёнок желает, чтобы и отец, и мать были для него друзьями, а не играли роль строгого родителя, даже если они стремятся добросовестно исполнять свои обязанности по воспитанию своих детей, но фальшь, более исходящая именно от родителей, всё же закрадывается между взрослыми и их ребёнком. Чаще всего ребёнку не уделяется осознанное внимание взрослых, без постоянно наскучивающих напоминаний и оценок с их стороны, когда они очень внимательно выслушивают своего ребёнка, с любовью вникают в его жизнь, дороже которой для всех нас - только Божественное Существование. Но именно это Существование ненавязчиво и подсказывает взрослому человеку быть всегда самым дорогим существом для своего малыша, чему он чаще всего почему-то не следует...

Я же, устав плакать, только всхлипываю, а слёзы сохнут, и в душе незаметно наступает очищение: ничего уже, кажется, не страшно, только горечь, затаившаяся в сердце, щемит неотступно – в чём моя вина, и отчего на меня нет-нет, да наваливается эта родительская несправедливость? Будто записано мне кем-то свыше пострадать ни за что ни про что, как бы – впрок на будущее, и вот я мучаюсь, плачет моя неведомая ещё мне самому душа, исходит слезами... А ведь я ещё совсем маленький, чем же мог я так омрачить настроение Господа, что Он допускает до меня эти наказания? И только бабушка была мне отрадой: жду её, бывало, и как приедет она, обнимет лёгкими и крепкими руками за плечи, прижмёт к себе, так и разревусь я вовсе, а она: «Ну, что с тобой, душа моя, люблю тебя больше всего на свете... Пойдём-ка, на вольный воздух!»

И вот, мы уже на этой самой воле, бредём рука об руку: маленький человек-внук, и его бабушка, прожившая на своём веку всю горесть жизни, и её чудесное самозабвение. Идём тихонечко по цветочному лугу, над рекой, и так счастливо на душе у нас становится, что обращаюсь я со всей душой к родимой бабушке:

- Бабушка, давай в небо смотреть!

И мы ложимся с бабушкой на спину, в траву, и, молча, вглядываемся в распростёршиеся над нами голубые дали. Лёгкий ветерок, еле слышно, шевелит нежную листву, где-то вдалеке ненавязчиво и славно распевают птицы, и незаметно мы начинаем ощущать под собою землю, что, чуть-чуть кружа, подымает нас к небесам. А вскоре уже само небо притягивает к себе, так, что мы будто утрачиваем связь с землёй, и вместе с ней пропадает чувство притяжения ко всему, что совсем недавно составляло нашу с бабушкой жизнь... Какая-то сила отрывает нас от неё и уносит в пустыню неизведанных небес, а мы и не противимся ей, пребывая в удивительно приподнятом созерцательном настроении, желая только одного: как бы не нарушить его ни единым движением, даже – мыслью, уповая лишь на беспредельный полёт к тому, что уже не кажется таким недостижимым, наоборот, представляется вполне осуществимым и лёгким, чего мы с бабушкой ещё не переживали, и может быть нам этого не доставало?

Пролежав так неизвестное количество времени, мы, молча, возвращаемся домой, взявшись за руки, ощущая во всём теле, а главное – в душе, необъяснимое обновление и свежесть, отчего бабушка тихо улыбается, поглядывая на меня, и я тоже люблю её бессловесной любовью, проникаясь неописуемо ласковым и счастливым настроением, веря, что оно будет длиться вечно.

Х Х Х

Только в детстве углядишь в небе ослепительно лазурное облачко, что летит навстречу твоей судьбе неслучайно, и на душе становится ещё более взволнованно, весело, как будто двинулись вешние воды. Хорошо бы поплыть по ним далеко-далеко, мимо лесных берегов, оврагов и деревень, и плыть так долго-долго, пока не пристанешь к самому чудесному в своём существовании – к самому себе, где только ты определяешь - как тебе жить и кем быть.

Х Х Х

В детстве удивительно радостно и просто переживать счастье пути, как бы короток он ни был, хотя бы ты всего лишь отправляешься к бабушке в гости, на другой конец города... Но разве сравнишь его с путешествием на юг, с родителями, взбираясь на автобусе по серпантину горной дороги на самый верх, откуда открывается вид на раскинувшееся внизу лазурное море?! О таком путешествии можно только мечтать, но как приятно переживать, что ты сжимаешь обруч спинки расположенного перед тобой сидения, представляя его рулём, он так чудесно послушен тебе, ловко вращается тобой в воображении, и ты чувствуешь себя бывалым водителем: вечно бы катить на этом маленьком экскурсионном автобусе, усевшись у самого окна!

Дух замирает от преодолеваемых головокружительных высот и бездонных провалов, когда, кажется, не миновать ужасной пропасти, прямо под боком, но мотор машины упрямо урчит, ты нажимаешь на невидимые кнопки, представляя, что сам управляешь неповоротливым автобусом, и он, конечно, удачно выворачивает по самому краю опасной горной дороги, и все пассажиры благодарят тебя за необыкновенное умение... От этого ощущения блаженство пути ещё с большей радостью захватывает твоё воображение, а дорога круто забирается в горы всё дальше и дальше, может быть – к самой вершине, и тут уж не зевай «водитель»: «Ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м...» Мама же только улыбается, глядя на меня, но расслабляться не время, впереди – неблизкий путь, и несмотря на то, что начинает чуточку подташнивать и в ушах появляется шум, ты, сжав зубы, стараешься не подавать виду, и тогда папа, похлопывая по плечу, мирно приговаривает:

»Ничего, ничего! Скоро пройдёт, всё будет хорошо...»

И вот уже мы мчимся куда-то вниз, как славно ощущать на себе ветерок, врывающийся в распахнутое окно, и ты радуешься, что тебя не укачало, ты сидишь у окна, лицом к движению, мысленно управляя этой разогретой от солнца машиной! Мама с папой гордятся мной, тайно горжусь собой и я: хоть я и маленький, а не поддался подступающему к горлу неприятному комку, меня и вовсе, оказывается, не тошнит в отличие от многих взрослых в нашем автобусе, да и мама, чувствуется, устала... Отец ласково говорит ей что-то на ухо, наверное, старается отвлечь или рассмешить, и мама улыбается ему через силу, а мне не нужна ничья помощь: я ничего не боюсь! «Ур-ур-ур, ур-ур-ур, ур-ур-ур, м-м-м-м...»

Х Х Х

Вы встречали когда-нибудь малыша, обладающего мудростью, не свойственной его возрасту? Малыша, который чувствовал бы настроение окружающих его людей и мог с улыбкой ответить на любой вопрос, проникаясь самой обыкновенной жизненной мелочью, принимая её как часть себя... Глаза такого малыша буквально завораживают вас своей теплотой и обаянием, ему, кажется, уже ни чему не стоит учиться в этой жизни, до такой степени он глубок, чтобы понимать её красоту... Этот малыш с большим желанием готов применить в жизни своё знание, накопленное, по-видимому, за множество существований, и передать его другим людям... Вы были знакомы в своей жизни с подобным ребёнком?!

Если «да», то вы заслужили это, такая встреча не может оказаться случайной, и вы должны быть очень внимательны к окружающему миру и себе, ведь Существование подсказывает вам, как важно для вас любое воплощение, в нём нельзя пропустить ни единой мелочи ради того, чтобы обрести в себе красоту и стать мудрецом. Как этот чудесный ребёнок, что пришёл к вам из таинственных глубин Вселенной только за тем, чтобы показать вашу собственную красоту, силу и неустрашимость.

Х Х Х

В играх детей неминуемо сталкиваются проявления их уже существующих характеров, когда, не поделив что-либо, один – щипается, другой одаривает соперника шлепком ладошки, третий же – царапается... Встречаются и такие, что принимаются кусаться, и всякий норовит показать себя, вернее, не может не быть другим, а кто-то тихонько сидит в сторонке,

даже не помышляя демонстрировать таким образом свои умения: он, если уж на то пошло, может ловко шевелить ушами!

Х

Х

Х

Случался ли в вашем детстве хотя бы один шалаш, в котором страстно хотелось пожить, непременно убежав перед этим из дому, конечно, навсегда, даже не вспоминая о нём, а наслаждаясь захватывающим дух одиночеством, посреди девственного леса, где всё таинственно и занятно? Когда воображению твоему нет предела, и тебя вдруг касается сознание, что ты – настоящий путешественник, не просто совершающий пустяковую прогулку, но именно чувствуешь жизнь во всех её проявлениях, готов на самые невероятные подвиги, порой, даже страшные события, необыкновенно пленяющие своей суровой неизбежностью, и всё же принимаемые тобой? Переживали вы такое завораживающее дух устремление, поглотившее все ваши мысли, так что в глубине души сразу понималось: ты испытываешь кровное родство с тем неизведанным, что тебе предстоит разгадать, это есть всё то, среди чего ты, должно быть, уже долгое время находился когда-то, и тебя переполняет страстное желание пережить его вновь, убедившись в том, что оно никуда не уходило, а лишь притаилось в какой-то скрытой ото всех обители, и ждёт твоего неравнодушного прикосновения...

А в шалаше сладко пахнет сухими травами, пихтой, и солнечные лучи, слабо пробивающиеся сквозь поредевшие ветви, тоже, кажется, издают какой-то пряный аромат, так что его очень приятно вдыхать, уносясь в мечтах куда-то вперёд, где жарко сияют потаённые земляничные поляны, за ними трепещут листвой могучие дубы и сосны... И вдруг твоему внутреннему взору открывается одинокий лесной пруд, берега которого посещают только дикие птицы и звери, и ты представляешь, как, присев на корточки, жадно пьёшь горстями холодную лесную воду, с удовольствием отдуваясь и вытирая рукавом губы... В светлой бездонности этой воды отображается спокойное летнее небо, верхушки деревьев лениво склоняются над ней, словно вглядываясь в неведомую глубину, и за этими думами ты невольно закрываешь глаза и задрёмываешь...

Только в таком шалаше, сооружённом деревенскими мужиками в пору сенокоса, тебя касается убаюкивающий лёгкий сон, уносящий куда-то за желтеющий полевой простор, откуда повеет удивительным теплом и светом, и счастье уходящих летних дней сладостно охватит сердце. Верхушки солнечных деревьев запляшут в вышине, закружат над твоей головой, и ты

неожиданно вознесёшься в небо маленьким пушистым облачком, что мягко поплывёт над землёй, покрытой радостными бликами, и вскоре исчезнет, а с ним, наверное, унесутся куда-то и неясные думы о своём неуловимом счастье, что так приятно было переживать в укромном лесном шалаше, на исходе лета, которое тоже вскоре неприметной тенью заструится в воздухе, в груди затаится еле уловимая печаль, и сердце затрепещет от необъяснимой радости. Где-то там, за далёкими лесами и полями, лежит твоё непонятное счастье, что, верится, тебе не миновать!

Х

Х

Х

Не могу никак забыть огромные ворота, открывающие вход во двор бабушкиного дома, поражающие именно своей массивностью, что не поддавалась объяснению. Зачем нужны были такие большущие ворота, куда легко могла бы заехать лошадь с повозкою, тогда как на деле, прямо за воротами, начиналась узенькая тропка, увитая зарослями сирени, черёмухи и вишни? Тропка укромно тянулась прохладной тенистой аллеей к самому дому, и идти по ней было так приятно, что втайне, с удовольствием, думалось о том, как бы она и вовсе никогда не кончалась, и ты бы брёл по ней в ожидании встречи с родной бабушкой, и ещё чего-то такого, чего в твоей жизни раньше не бывало...

Выцветшие от дождей и солнца, ворота завораживали и своей гладкостью, той отполированностью, до какой довели её все времена года, каждое – по своему, и от этого они приобрели неопределённый, светловато-коричневый, с чёрными подпалинами окрас, издали не бросающийся в глаза, но вблизи приобретающий какую-то свежесть и новизну, даже – уют, после чего хотелось поскорее отпереть такую же высокую, как ворота, калитку с кованым кольцом, для чего сначала требовалось нажать на него, повернуть, и, налёгши на могучую дверь плечом, отворить её со скрипом, отчего-то приводящим душу в трогательный восторг...

Бабушкины ворота были с обвершкою, то есть – крытые, с козырьком на обе стороны, да ещё с прикалитком, и бабушка обо всём этом хозяйском обустройстве говорила так: «Ворота, что борода у моего деда, ум же – с прикалиток!» Вот на этом самом прикалитке и было приспособлено кованое кольцо, с помощью которого можно было попасть за ворота, в сад, где тотчас перед тобой открывалось какое-то иное пространство, не похожее на то, что оставалось на улице...

Не забыть уж, вовек, того удовольствия, в миг охватывающего всё твоё существо, с каким оказывался ты у порога дома любимой бабушки... И не пройти уже никогда по той родимой тропинке, укромно утопающей в густых зелёных зарослях, где всегда с такой радостью хотелось задержаться ненадолго, в нетерпении ожидая встречи и с бабушкой, и с домом, притаившимся в самом уголке сада, и с печкой, хотя бы она даже была не топлена, и, конечно, с воротами, будто отворяющими тебе вход в таинственный, ещё неразгаданный мир.

А ещё вспоминаются сени... Там всегда было темно и прохладно, дверь в чулан – на массивной деревянной щеколде, на бревенчатой стене – керосиновая лампа, в углу – старый ларь, обитый клеёнкой, двери в дом закрываются так плотно, что изнутри неслышно ни звука. В этой темноте и прохладе тоже переживалось нечто таинственное, и прежде, чем отворить дверь, всегда хотелось постоять какое-то время, прислушиваясь к этой укромной тишине сеней, к тому, что происходит в тёмном чулане, и загадочном деревянном ларе. Вроде бы, и пусто, а всё равно кто-то есть, затаился тихонько и ждёт: что ты предпримешь?

Сени, их бабушка называла ещё клетью или холодной горенкой, ведущей в дом, будто приветствуют входящих в него, а двери по сеням ходят и так и сяк, да только в избу – никак, и невольно действительно хочется задержаться в сенцах, прочувствовав их загадочную темноту... Темнота сеней при этом не озадачивает своей загадочностью, а наоборот – возбуждает в душе затаенный трепет, желание взглянуть в неё, с целью что-нибудь, да углядеть... Правда, задерживаться надолго в сенцах желания не испытываешь, и насладившись их проникновенной тишиной, уже думаешь о тёплой уютной кухонке, печи и полатях. Каким-то тихим пристанищем были эти сени, существующие именно за тем, чтобы замереть в них на короткое время, осмотреться, и уж после того ступать в дом.

После прохладных и, вроде бы, неприятных сеней ещё скорее стремишься оказаться в доме, на уютной бабушкиной кухне... Но и там мысли о занимающих внимание сенях не покидают, будто затаиваясь в тебе самом, и ты исподволь весь день думаешь о них, и даже когда лежишь вечером с бабушкой в её постели, слушая сказку, то нет-нет, да вспоминаешь загадочную темноту и прохладу сеней, живущих по соседству.

В доме же тепло, на столике – лампа с зелёным абажуром, в одном месте чуточку надтреснутым... От неё исходит ласковый уютный свет, сладко пахнет бабушкиной стряпнёй и подогретым молоком. Напротив кровати – комод с выцветшими изогнутыми ручками, на стене – портрет

рыбака, склонившегося над удочками в ожидании поклёвки. Под кроватью кто-то тихонечко шуршит, но от этого ещё более заманчиво течёт сказка, а там, в завораживающих твоё внимание сенях, наверное, происходит что-то удивительное, чего никак не хочется пропустить, и ты убеждаешь себя, что обязательно в следующий раз, когда бабушка уснёт, не побоишься-таки и заглянешь в таинственные сенцы, разгадав их секрет, всегда скрывающийся в темноте...

Детство воспринимается ярким обычно оттого, что запоминается из него самое солнечное, и именно по этой причине вся младенческая пора представляется только радостной, без присутствия в ней чего-либо тёмного. Но даже и это тёмное запоминается, ибо объявляет себя необычным, чем-то невиданным, как будто даже не существующим, и ты сохраняешь в своём сердце тёплое отношение ко всему, что окружает тебя в детстве, потому что по-иному у тебя не получается. Тебе, конечно, дороги все твои близкие, родной дом, в заботливом уюте которого ты постоянно находишься, дороже его, кажется, ничего не существует, чудесный бабушкин сад, и всё же необыкновенно притягивает и жизненная темнота: в ней ты тоже и видишь, и чувствуешь, и боишься, и преодолеваешь страх. Ты как будто несёшь его и в себе, принимаешь, как свет, доверяя жизни...

Но что это была за темнота? В чём заключала она свой секрет? Не важно, касалось ли это соседской старухи-чернявки, чулана, чердака или сеней, постоянно пребывающих в потёмках, - я не знал. Впрочем, как не знаю и сейчас, так же остро чувствуя иногда её завораживающее присутствие, втайне мысленно переживая, и также трепетно неся в своей душе. В темноте, ты как будто угадывал это всегда, стоит свой свет...

Х

Х

Х

Свой вклад в космическое сознание можно вносить ещё в детстве, более сосредоточенно относясь к уже определившимся в душе навыкам, произошедшим в предыдущих воплощениях... Создаётся впечатление, что поведение такого ребёнка уже осознанно, он в игре способен расширять свои возможности, полностью погружаясь в понравившееся ему занятие, а цель в нём – всепоглощающее постижение. Вы наверняка когда-либо отмечали для себя такого малыша, в каком восторге он пребывает от того, что способен делать, как светится его лицо и глаза? Всегда хочется, не отрываясь, наблюдать за ним, радуясь и собственному устремлению постоянно открывать и развиваться... Это тот случай, когда учителя могут учиться у

учеников, совершенно искренне желая этого, и как было бы прекрасно, если бы жизнь для каждого человека оказывалась успешной с самого начала.

X X X

Только весной, в детстве, лужи по дорогам представляются бездонными, и хочется лететь с небесной вышины прямо в их глубину, наполняясь до краёв солнечным, синевато-прохладным светом...

X X X

Взрослый человек очень внимателен в отношении обрушивающихся на него несчастий, он будто бы даже смакует порой случающиеся с ним жизненные передряги, и совершенно бездумно относится к ниспосланному на него с самого рождения божественному благословию, но разве отмечаем мы подобное у малышей, восторженно принимающих дарованное им жизнью благо?! Они с радостью подпитываются исходящим свыше источником силы, и верят, что непременно осуществят всё задуманное.

X X X

Безудержно отдаваясь на волю своих первых в жизни впечатлений, воспринимая мир с присущей только ребёнку непосредственностью, увлечённо, человек потому и не запечатлевает в сознании всё пережитое надолго, вспоминая в зрелые годы лишь отдельные эпизоды, кажется, случайно выхваченные из чудесных младенческих лет...

X X X

Каждый день в детстве приносил нечто новое, что и восхищало и заставляло думать, а иногда – тревожило, даже пугало. Так, неподалёку от бабушкиного дома, через улицу, располагалась больница, высокий дом странного строения из красного кирпича, в нём – лечили детей... Когда меня в эту больницу увозили, бабушка, выйдя на порог и прикрыв губы уголком платочка, тихо проговорила: »Пресвятая царица небесная, помоги моему внучку одолеть немочь!..»

Как-то я услышал от нянечки печальные вести о том, что тут часто мрут маленькие, и вот, совсем недавно, не минула и неделя, как задохся от какой-то внутренней болезни один такой бедный мальчуган...

- Уж очень слабенький был, - участливо заметила она. И потом добавила: - Отчего-то всё более помирают мальчишки!

Мне стало страшно, умирать, прямо скажем, не хотелось: я ещё и не жил толком... Неужели тут и взаправду умирают дети, совсем маленькие люди, что ещё не извели в полной мере радости жизни? В это не хотелось верить, да я и не думал о смерти, но проходя однажды по коридору мимо палаты с растворённой дверью, я вдруг увидел сидящего на тумбочке кудрявого мальчика в ночной рубашке, без трусиков, так что видно было – какие у него огромные яички...

Мальчик сидел, завалившись к стенке, глазки его превратились в серые щелочки, лицо опухшее и какое-то безжизненное, и я тогда подумал, что он, наверное, уже не жилец... Уж больно неестественно и отрешённо выглядела его фигурка... Не покидало ощущение, что никому до него нет дела.

Когда всего не хватает – и немножко много, - так часто говорила моя бабушка. Хорошо, если бы кто-то этого бедного мальчика проведаль... Когда же и ко мне кто-нибудь придёт?

Я начинаю думать о бабушке... Пока я думаю о ней, всё худое, неустроенное, как в этой больнице, уходит от меня, и на душе становится веселее, словно не было совсем недавно ничего горького, и не обнаружили у меня гнойный холецистит, а было только приятное, доброе. Порой даже слёзы выступают на глазах, так дорога моему сердцу родимая бабушка. Никто меня не волнует больше, чем она.

В больничной палате мне не с кем поговорить, и я всё больше сижу у окна, один, стараясь думать о том, кому ещё хуже, представляя себе того самого мальчика, умершего от неизвестной мне болезни. Наверное, ему было не сладко уходить из жизни в свои пять или шесть лет, у него тоже была мама, которая любила его, и, выйдя на лестничную клетку, я стал ожидать, когда придёт моя мама или бабушка, поглядывая в окно на дворника, равнодушно подметающего опавшие листья. Молчать в такие минуты было приятно.

Рыжие листья медленно кружились в прозрачном воздухе, вся земля возле больницы была усыпана ими, а вверх устремляли свои голые чёрные ветви безжизненные липы, похожие на покосившиеся памятники.

- Я давно здесь хвораю, - словно хвастаясь, объявил мне неизвестно откуда появившийся мальчик в стоптанных башмачках и помятой пижамке.

- Давно-о? – с опаской протянул я.

- Очень долго! – вздохнув, прибавил он. – Меня Васюткой зовут. Ты уже кишку глотал?

- Нет... А страшно?

- Сестра насильно заставляет, так что горло потом долго дерёт... Будет и тебе дело!

- Что ещё за кишка?!..

- Толстая, из резины, с металлическим наконечником...

Его маленькие серьёзные глаза вспыхнули на мгновение каким-то внутренним болезненным испугом, как будто он остерегался всего белого света.

- Надсадиться можно, - тихо добавил он.

- Я не дамся, - тут же заявил я.

- Не послушают, - оглянувшись, прошептал мальчик. – Без этого живот не поправить.

- Васька-васёнок ты, худой поросёнок, - вдруг заявил я.

- Мы смотри, не задирайся, - глазки у мальчика на мгновение ожили, заблестели, а потом опять потухли. – Я живой человек.

- Ага... Жив-жив, а чуть дышишь...

Васютка только потупился.

Робкое почему-то проявляется в людях прежде всего, оно неприятно, даже в малышах, и от всего этого мне захотелось уйти. Плохо, когда человек, даже пусть он – маленький, не ведает и не желает знать, куда его ведут, что ему подсовывают, и многие люди этим только и пользуются, особенно – взрослые. Стало жалко мальчишку, но и то верно, что насильно и себя пожалеешь...

Мне стало неловко, и я пошёл в свою палату. Вот оно как! И мне, наверное, придётся тут также долго хворать, глотая какую-то кишку, без этого, видать, не обойтись.

В палате я улёгся на скрипучую койку, повернувшись к стене, и стал вспоминать, как мы с бабушкой совсем недавно гуляли в парке, собирая красочный букет из опавших листьев. Хорошо, когда она рядом, и представляя, что бабушка обнимает меня своей тёплой рукой, нежно прижимая к себе, я заснул.

Рано утром меня разбудил приглушённый колокольный звон, возвещающий Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Преснодевы Марии... Об этом мне потом бабушка рассказала, и Рождество

это всегда празднуется как день всемирной радости, чем я, как раз, похвастаться не мог... Больному, как говорится, и киселя в рот не вольёшь!

Жизнь в больнице текла однообразно, без каких-либо впечатлений, и каждый день не приносил ничего нового. Моё воображение поражали лишь тополя-великаны за окном, и более ничего... Три рослых богатыря, выше здания больницы, кажется, упирались своими верхушками в серое низкое небо, но и это ничуть не занимало, хотя у их основания стволы невозможно было обхватить и трём взрослым, а ребятишек и вовсе пришлось бы выстраивать в целую вереницу, чтобы обойти могучее дерево... Так хотелось поскорее оказаться на улице, и дотронуться до его щербатого ствола, может быть даже – прижаться к нему щекой, обняв руками, чтобы замереть от ощущения слитности с чем-то большим и надёжным, способным спасти и защитить. Помолчать наедине с величественным деревом было бы, наверное, тоже приятно.

Что-то такое же величественное, как и эти тополя, выступало и в моих спутанных снах, где я хоть и был маленьким, но всё равно воспринимал себя большим, растущим человеком, которому, складывалось такое впечатление, всё нипочём. Так, наверное, мне хотелось думать. Был я, конечно, всего лишь пяти лет от роду, но там, в этой тягостной больничной обстановке, оторвавшей меня от самых близких людей, и находясь в вынужденном уединении, я вдруг почувствовал себя другим, новым, тем, кто действительно ничего не боится, как будто что-то незнакомое для меня самого я увидел в собственном существе, и тотчас его принял. Принял себя таким, каким я, наверное, и являлся на самом деле, отчего вдруг почувствовал, что скоро непременно выздоровею.

Но требовалось время, чтобы преодолеть эту пустоту больничной палаты, высоких коридоров с облупленными стенами, обшарпанные лестничные клетки... Само это вынужденное уединение, в столь малом возрасте, ровно закаляло. Может быть, для этого оно и было мне дано?

В этой больнице я смутно почувствовал, что приобщился к чему-то, чего пока не мог для себя распознать, но о чём уже не забуду никогда. Мне открылась какая-то неведомая правда, без которой, я вдруг понял, не прожить так, как тебе хочется, то есть – по правде. Правда, полагал я уже в свои пять лет, оказывалась неотъемлемой частью жизни.

Худенький мальчик стал приходить ко мне в палату...

- Тебя как зовут? – спросил он.

- Хочется поскорее улизнуть из этой больницы, вот что...

- Никто тебя не отпустит.

- Придёт бабушка, и заберёт меня.

Мальчик испуганно смотрел на меня глубоко запавшими глазами. Волосы топорщились у него на голове как иголки у ёжика.

- А кишку эту глотать больно?

- Ещё как, страх. Здесь все её боятся вначале. И ты забоишься...

- Вот тебе, видел?! – я показал ему кулак.

- Теперь увидишь, - тихонечко произнёс он. – Погоди немножко!

И он ушёл. А я присел на краешек жёсткой кровати, и думал только о том, что обязательно убегу ото всей этой занудной больничной жизни с её бездушными медсёстрами, страшными коридорами и несчастным мальчиком, попытавшимся подавить моё спокойствие своим страхом.

Но на следующий день какая-то шумливая нянька разбудила меня окриком:

- Просыпайся, герой. На процедуру пора...

А я опять подумал о том, что меня здесь точно хотят уморить, и я чуть было не заплакал. Высокая крупная женщина, вся в белом, на носу – большущие очки, повела меня за руку по гулкому холодному коридору. Я не чувствовал ни ног, ни рук, всё моё тело онемело, когда мы подошли к дверям кабинета, половинка её была открыта, и я увидел на столе, под лампой, какие-то металлические инструменты, склянки, так что захотелось спрятаться...

- Проходи, ложись сюда, - строго заявила женщина, а в голове моей вертелась только одна мысль: «Нет. Не удастся мне улизнуть отсюда!»

- По какому закону? – вдруг выдавил я из себя.

- А бояться нечего, - уже более мягко проговорила она. – Не трус! Понял?

Что-то дружеское на сей раз уловил я в её голосе, женщина подвела меня к койке и слегка подтолкнула рукой.

Я на минуту закрыл глаза, улёгся тихонечко, и вдруг почувствовал, как в меня входит нечто несуразное, чужое, пахнущее стылой резиной, так что погрузился в неведомое забытие. Не помню – как долго оно продолжалось... Что-то коричневое и горькое вытекало из меня в железный тазик, и я опять позабыл обо всём, а когда открыл глаза, то увидел напротив мальчика, сидящего на стуле.

- Ну что, не забоялся? – робко спросил он.

- Ты – кто?

- Я Васютка, из шестой палаты. Говорил я тебе...

- А я думал, что сон вижу...

В палате играло солнце, заполняя светом все, даже самые потаённые её уголки, и я улыбнулся, вспоминая, как бабушка, провожая меня в больницу, назидательно наставляла:

- Сила Господня в немощи совершается... Слава тебе, богородица!

Несмотря на то, что поместили меня в инфекционное отделение, бабушке всё-таки удалось договориться с кем-то из медперсонала, чтобы ей разрешили повидаться со мной...

- Пропаду я здесь, бабушка, - сердечно взывал я к ней.

- Не пропадёшь, кутёнок, хоть мне тебя и жалко. Всех жалко, кого лишают свободы, - и слёзы выступили у неё на глазах.

- Бабушка...

Она прижала меня к себе, утирая платком глаза.

- Спасибо Авдотье, допустила до тебя... А то бы – ни-ни!.. Но не трусь...

Бабушка всхлипнула.

- Ну, развели мы с тобой кисель... Вот, коли проявишь волю, то всё выдюжишь! – она поцеловала меня в щёку тёплыми губами, и я вдруг почувствовал себя рядом с ней взрослым, будто уже вовсе не мальчик, и проживаю на свете много лет, зная, что приключится завтра, через неделю, и по прошествии многих дней... Но в душе всё равно всё закипало от осознания того, что бабушка скоро уйдёт, а я останусь один, здесь...

- Скажи мне, бабушка, что-нибудь... Скажи!

- Ежели, родимый мой, судьбиной так назначено, ты потерпи... Христос тебе порукой!

От её дружеского размеренного говора на душе становится тепло и легко.

- Эх, милый... Мы, люди, часто думаем всё больше о себе, а Господь – обо всех нас, - с печалью произносит бабушка. – Вот и мы с тобой будем думать друг о друге, и даже – о незнакомых нам людях, что тоже о ком-то думают и молются!

Меня волнуют её слова, всеми силами я стараюсь понять их, по-всякому переключая их в своём уме, меняя местами, но окончательного смысла всего, сказанного бабушкой, до меня не доходит. О чём же она всё время рассказывает мне? Должно быть, о чём-то важном...

- Хорошо ведь нам живётся с тобой? – обнимая меня за плечи, тихонечко приговаривает бабушка. – Видишь ты это?

- Вижу, бабушка, - с удовольствием вторю я ей. – Люблю тебя.

- И я тебя люблю, голубь. Никто не затмит нашей с тобой дружбы... И ничего, что кто-то обзовет тебя любимым бабушкиным внучком! Ох, везде можно жить, Борюха, и в этакой лечебнице тоже...

- Я тебе во всём помогать буду, бабушка!

- Мы с тобой заживём! Будем гулять, покупать всякие сладости, пить с ними чай...

- Из самовара?

-Из него, пузатого, с малинишним вареньем, а по вечерам – с чудесными сказками...

Всё, о чём не говорит бабушка, внушает доверие, и я с удовольствием представляю жизнь, которая ожидает нас с ней. А про себя думаю, что ничего страшного со мной в больнице не приключится.

- Самое важное дело, родной, чувствовать себя нужным для людей, чтобы им хорошо было с тобой, даже когда, вроде бы, и не из-за чего, просто так... Вот как я чувствую, что нужна тебе.

- А ты – мне! – с радостью замечаю я.

- Мы с тобой – как бережок и реченька, - улыбается бабушка. – Любо поглядеть...

После этих слов бабушки мне хочется обнять её, и в собственных думах я убеждаю себя, что обязательно найду в жизни что-нибудь очень хорошее, и буду жить так, чтобы открывать для себя ещё более добрую жизнь, никогда не теряя к ней интереса. С бабушкой хотелось говорить обо всём, что беспокоит или чего не понимаешь, и не было для меня более ласкового, умного и откровенного человека, чем она.

Напоследок, прижимая меня к груди, она ласково проговорила:

- Всё, сердечко моё, надобно самому обуздать, иначе – ничему не научишься... Ступай с Богом!

Сидя на подоконнике, и прижавшись ладонями и лбом к стеклу, я смотрю, как бабушка, сгорбившись, тихонечко пересекает больничный двор. И вдруг она обернулась, увидав меня в окне – взмахнула руками, и, как будто удивляясь чему-то, воскликнула:

- Борюха, не дай боли волю, не подкладывайся под неё: всякую болячку нечего к себе прикладывать! Хворушка ты мой, поправляйся скорее, а то мои молитвы старческие, видать, до Господа не доходят. Тебе самому, милый, с Богом надобно говорить...

Х

Х

Х

Детство... Оно сравнимо с посещением, впервые, театра, с загадочным настроиванием музыкантами инструментов в оркестровой яме, восхищением от торжественной обстановки театрального зала с потухающей люстрой, шелестом программ, первыми звуками завораживающей музыки, сменяемыми восторгом от раскрывающегося занавеса... В этой музыке, представляющей волшебной, всегда присутствовала неминуемая победа добра, утверждение счастливой и радостной воли! Сердце сжималось от пребывания в этой сказочной атмосфере, наполнилось предстоящими необыкновенными событиями, самыми восторженными откровениями, и жизнь воспринималась не иначе, как чудо. Счастье для меня было неотделимо от детства, а детство – от удивительной значимости этой незабываемой чудесной поры...

Х Х Х

В детстве, конечно, не овладеть искусством жизни, подразумевающим обретение счастья, и, тем не менее, – ты им переполнен.

Х Х Х

Зная детское сердце, больше сказки любящее и понимающее быть, непременно вспомнишь в себе жадное желание создавать из этой были своё, не похожее ни на какое другое счастье... В чём оно было заключено?! Конечно, в правде жизни, а правда состояла в том, что душа бессмертна, она способна бесстрашно устремляться в прекрасную бесконечность, познавая мир и себя, как это возможно только в детстве, когда счастлив от того, что живёшь в радость...

Х Х Х

Просто понаблюдайте, как внимательно относится к жизни ребёнок, как он строг, в оценках, прежде всего к себе самому: в этом устремлении проявляется здравость мысли, и, соответственно, поведения, но откуда бы, казалось, взяться этому здравому поведению у пятилетнего малыша? Самообман, напроць, отсутствует в его действиях, наоборот, он со всей тщательностью своего крохотного опыта старается быть честным, чистота восприятия мира оказывается в нём самой здоровой основой, и он искренне намеревается разобраться в том, что его окружает. Даже если ребёнок играет, он играет и весело и серьёзно, будто понимая, что игру эту необходимо

поддерживать, и благодаря ей – расти. В этой игре в нём рождается вдохновение, желание самообразовывать себя, становясь мудрее. Так-то!

Х

Х

Х

Не каждый день случается такое счастье: мы с бабушкой опять вместе, и читаем нашу любимую книгу – «Маленький оборвыш»! Сумрачны были и образы в книге, и подвальные своды, где обитали беспризорные дети, и даже от книжных строк веяло промозглым холодом, и, тем не менее, книга захватывала и не отпускала. Хотелось, чтобы история маленького оборвыша никогда не кончалась, читать книгу я готов был бесконечно, вернее – слушать, как читает её бабушка, и мне очень живо представлялась неприкаянная жизнь несчастных детей, так что я воспринимал их как своих друзей. Мечталось даже оказаться среди них, чтобы они приняли меня в свою компанию, и я бы переживал вместе с ними все перипетии их нелёгкого существования, не желая вернуться обратно, к благополучной жизни с бабушкой. До такой степени захватила меня книга английского писателя, о котором я ничего не знал...

Какая-то неведомая сила почти неощутимо околдовала меня, и эта необъяснимая зачарованность была порой несравнимо лучше того, что я переживал в проистекающей мимо обыденности... Хотя, о какой обыденности в детские годы может идти речь? Скорее, в этом было повинно обаяние слога английского писателя, сумевшего тронуть самые тонкие струнки моей незрелой, но уже очень восприимчивой души. Словом, эта невыразимая сила полностью овладела мною, и я даже не заметил, как с удовольствием отдался на волю своих детских мечтаний.

... За окном осенний вечер, ветер с дождиком норовят пересилить друг друга в своей ненастной возне, но эта неустроенность природы не передаётся нам с бабушкой, потому что мы вместе, лежим в обнимку на большой бабушкиной кровати с набалдашниками, и бабушка читает мне книжку «Маленький оборвыш». Порывистые завывания непогоды за окном кажутся безликими, они не колеблют устоявшейся тёплой тишины дома, где размеренно, с расстановкой, потрескивает в углу печка. На стене, напротив, мерно вспыхивают умиротворённые от жара отблески, и я с затаенным духом погружаюсь в историю про маленького мальчика, такого же, как и я, оказавшегося по воле судьбы в одиночестве...

Джимми, так звали маленького оборвыша, походил чем-то на меня... Я этого в детстве, конечно, не осознавал, но чувствовал, и, по-видимому,

угадывая в себе его черты, и тянулся к этому тронувшему меня повествованию, пробуждающему в душе нечто неведомое, то без чего я, оказывается, не мог обойтись. Мне, как и Джимми, не хватало, по всей видимости, ласки от родителей, в полной мере её восполняла бабушка, и, тем не менее, в глубине души, я тосковал по чему-то очень трепетному, что по моему ощущению непременно должно было присутствовать в жизни, но всё же отсутствовало, и я всё своё детство трогательно тянулся к бабушке, а она заменяла мне мать. Своей душевной теплотой, такими же тёплыми руками и певучим голосом она будто растапливала в моей душе невесть откуда взявшийся холод, и милость её была несравнима ни с чем, что тогда окружало меня в жизни. Маленький оборвыш Джимми, и моя любимая бабушка представляли для меня самых близких людей.

Как завораживающе бабушка умела сказывать сказки, точно с такой же вдумчивостью, проникновенно, она читала мне про маленького оборвыша, и я тотчас погружался в то время, где Джимми с товарищами пытались выжить в неприютных английских трущобах. Бывало, завернувшись с головой в одеяло подле бабушки, и живо представляя себе отрешённое существование малышей в холодных каменных подземельях, я тихонько начинал плакать, вернее, слёзы непроизвольно текли у меня по щекам, и я ещё ближе прижимался к бабушке, думая: »Это она для меня всё делает, и я никогда не убегу от неё, как Джимми от своих родителей, потому что очень люблю её, и бабушка меня любит, и нет на свете ничего лучше бабушкиных тёплых рук и её грудного певучего голоса...»

В такие минуты воображение моё не знало границ, и я легко представлял себя на страницах книги, вместе с беспризорными детьми, воспринимая их своими товарищами. Я, конечно, не спал в охалке соломы, где сновали громадные крысы, или под холодной кирпичной стеной, освещаемой маленьким огарком свечи, на сыром полу, не раздеваясь по нескольку недель, в обнимку с другими беспризорными мальчишками, с горечью думая о том, что у меня нет своего дома, а ждёт неизвестность и голод, побои и слёзы, и всё же я был с ними, переживал их беды и заботы, отсутствие родных, но между тем не чувствовал себя несчастным. В этих трущобах было, вроде бы, беспросветно, но я не мог не ощущать в глубине себя необъяснимое тепло... Там было холодно, промозгло, а только одиночество почти не посещало меня, ну, если только ненадолго, и я всё равно нёс в душе клочок голубого неба, с неистребимым интересом познавая окружающую жизнь. Мне нравилось, что эти беспризорные мальчишки честны, хотя иногда и воруют, да чего не сделаешь, коли не ешь целыми

днями, и ночью у тебя под головой вместо подушки опять окажется сырая солома. Хотелось так же, как и они, разыскивать себе хоть какую-то работу, чтобы прокормиться, нимало не огорчаясь своим несчастьем, словом, не теряя духа, перепродавать наворованные яблоки или луковицы, чтобы купить себе хлеба, может быть даже унцию сливового варенья, не стремясь при этом быть благочестивым мальчиком. Меня привлекала воля этих отчаянных мальчишек, их беспризорное братство, и ещё я думал о том, что добывать себе хлеб, даже нечестным путём, весело, только вот убежать от бабушки я не думал, но не потому, что чего-то боялся. Просто я старался быть солидарен со своими новоиспечёнными приятелями, и мне нравилась их незатейливая вольная жизнь.

Сейчас я думаю: почему мне понравилась тогда, в детстве, эта непростая для восприятия ребёнка книга? Что обнаружил я в ней для себя, чем привлекла она меня, рассказывающая, казалось бы, о не совсем увлекательных для мальчишки событиях, временами и вовсе нечто противоположное желанию познавать мир и радоваться ему, как это происходит в детстве? Отчего так поразило меня это горькое повествование о незавидной судьбе маленького мальчика, такого же, как и я, и ведь эта книга очень понравилась и бабушке!

Вероятнее всего, случающуюся на страницах книги несправедливость в отношении детей, я невольно переносил на свои взаимоотношения с отцом... С самого детства я носил в душе какое-то необъяснимое ощущение разделённости с ним, как будто это был совсем другой человек, не мой отец, или мой отец был тем человеком, которого я не понимал, он был далёк от меня, и это чувство разъединённости всегда преследовало меня, не давало покоя, так что оказываясь рядом с отцом – я невольно тушевался. Не зная, отчего подобное происходит, я тотчас замыкался, даже не предполагая – как мне себя вести, а если решался что-либо произнести, то отец, обычно, отвечал молчанием, и становилось ещё тяжелее. Каким же нужно было быть ребёнком, сыном, чтобы удовлетворить моего отца?! Я не знал.

Даже когда отец покупал мне что-нибудь в магазине, или дарил, что бывало очень редко, то и тогда он сохранял непроницаемое молчание, никак не выдавая свои чувства. Но вот что однажды я заметил: отец никогда не вёл себя со мной подобным образом, если кто-нибудь оказывался рядом, неважно – родной нам с ним человек, или просто знакомый... Отца будто кто-то подменял, он становился общительнее, разговорчивее, и меня всегда поражала эта перемена, я не мог её объяснить, и от этого становилось ещё хуже. Конечно, будучи маленьким мальчиком, я скоро забывал об этой

внутренней обособленности отца, о том, что он всегда находится как будто не со мной, но только стоило отцу появиться рядом, и неприятное чувство моей неуютности ему вновь возникало... Что же это было такое?!

Отец никогда не прижимал меня к себе, не гладил по голове, никак ни ободрял, когда мне этого не хватало, а просто пребывал в моей жизни, что называется – «выявляя отцовские чувства...» Будто его принудили к тому, не спросив, и он вынужден был согласиться с этой «ношей», с радостью, если бы это было возможно, отказавшись от неё... Так мне, по крайней мере, казалось, и замыкаясь в себе, я переживал тяжёлое ощущение горечи, перенося причину её появления на себя, собственное неверное поведение, отчего опять же становилось порой невыносимо. Но что я мог поделать?! И вот всё своё отдохновение и усладу в общении я находил у бабушки...

Может быть, именно поэтому мне и пришлась по душе книжка «Маленький оборвыш», где её герой переживал подобное чувство брошенности и невнимания со стороны взрослых, и когда я услышал эту историю от бабушки, тотчас принял её всей душой. Мне самому стало нравиться это положение отторгнутости, я представлял себя другом оборвыша, переносясь мысленно в английские трущобы, и до такой степени свыкся с этой своей воображаемой беспризорщиной, что свободно жил ей в действительности, где бы ни находился, и даже когда мы с бабушкой вечером прогуливались возле её дома, я воспринимал всю нашу улицу с её аккуратными домиками, оранжевыми окошечками и старыми фонарями, как какую-то английскую «стрит»... Что мне могло в этом помешать?

Так, порой пробавляясь со своими приятелями одними капустными огрызками, пытались мы выжить, не гнушаясь и тёмным промыслом, и когда нам удавалось раздобыть пару пенсов на чашку горячего кофе, то жизнь казалась мне прекрасной. Я очень живо представлял себе наше существование, когда приходилось браться за всё, что попадёт под руку, даже зарабатывать «лаяньем», звонким голосом предлагая к продаже цветы или землянику, за что разносчики товаров платили по несколько пенсов... Вообще, я сразу заметил, что мне очень нравилось в этой книге произношение названия английских денег – пенсы и шиллинги, и я с удовольствием повторял за бабушкой – «пенс», «шиллинг» или «фунт», будто держа их в руках, эти слова совершенно завораживали меня, при том, что жизнь наша с оборвышем была, в сущности, довольно однообразна. Развлекали в этой полуголодной жизни, в худой одежде и со сном на голых досках приключения, находчивость и смекалка, присущие беспризорным

мальчишкам, когда ты мал, и, кажется, ещё ни на что не способен, но тем не менее, тебе удаётся выходить сухим из воды...

Когда Джим заболел горячкой, я болел вместе с ним; оказавшись обманным путём в работном доме, его должны были отправить на тяжёлые морские работы, и он бежал, чему я был необыкновенно рад; а однажды он угодил в полицейский участок, и я переживал за своего героя не меньше его самого... Всё, что происходило с Джимом, до глубины души трогало и меня, и нисколько не смущало, что у него не было ни угла, ни куска хлеба, ни одежды, ни родных людей, что любили бы его. Наоборот, моё сердце невероятно трогали испытания, выпавшие на долю этого мальчишка, и я вспомнил, как ему пришлось продать старьёвщику свои башмаки вместе с чулками и платьем, чтобы купить себе поесть, но старьёвщик обманул его, оставив без денег. Этот маленький оборвыш почему-то очень нравился мне, и мне даже хотелось походить на него!

Запомнилось, как Джим в отчаянии украл ананас, желая кому-нибудь продать его, но это ему не удалось, и пришлось ананас есть самому, отчего у него сильно разболелся живот. Кажется, живот тогда разболелся и у меня, и бабушка даже начала беспокоиться, поглядывая на то, как я изображаю на лице гримасу, правда, вскоре «боль» прошла. Трудно рассказать, сколько всего приключилось с Джимом, но я не оставлял его в своих раздумьях, и готов был заплакать от того, что не могу ему помочь. И ещё мне становилось горько при мысли, что всю свою энергию Джим тратит на добывание пищи, как-то он даже решил петь на улице, собирая за это медные монетки, и он не имеет возможности учиться, чтобы развивать способности. Ведь он был удивительно сообразительный и находчивый мальчик, а главное – честный!

В конце концов Джим поступил в обучение к трубочисту, и это тоже невероятным образом привлекло меня к нему, скорее даже – обеспокоило: ведь ученики у трубочиста жили очень недолго, ходили грязные и оборванные, порой пропадая в узкой трубе... Хозяин их не кормил, чтобы они были худенькими, и не застревали в ней. Для меня это дело – чистка труб, представлялось чем-то невиданным, и я, конечно, очень переживал за Джима. Маленький оборвыш должен был стать маленьким трубочистом!

Новые испытания, теперь уже подёрнутые сажей, свалились на голову Джиму, ему приходилось чистить по ночам церковные трубы, что было запрещено, потому как это должен был делать священник, а он поручал это дело дьячку, дьячок – сторожу, и уж сторож нанимал втайне трубочиста. Церковную сажу нельзя было никуда использовать, это преследовалось по закону, и хозяин принуждал Джима зарывать её у себя в огороде. Мы с

бабушкой очень сочувствовали Джиму в его секрете, но это занятие, как оказалось, нисколько не пугало его, напротив, опасность предприятия придавала определённую прелесть и новизну в незавидном существовании Джима, и мы с бабушкой тоже неизвестно чему радовались... Но радость наша была коротка: оказалось, что в мешках хозяин вывозил по ночам с церковного кладбища останки мертвецов/!/, Джим узнал об этом, взрезав ножичком один из мешков, после чего хозяин со своим помощником устроили за Джимом погоню. Если бы не двое лесничих с собаками, попавшихся ему навстречу, Джиму было не миновать беды. Лесничие скрутили злодеев, и мальчик был освобождён: но как сильно он был взволнован, да и мы с бабушкой напугались ни на шутку!

Потом бабушка пояснила мне, что в древние времена в Англии существовала профессия «гробовскрывателей», которые тайком пробирались тёмными ночами на кладбище, выкапывали из могил недавно погребённых покойников и продавали их за большие деньги различным медицинским учреждениям. Этим делом и занимался хозяин Джима, и как я после всего восхищался выдержкой своего приятеля, его бесстрашным жизнелюбием, с каким он потом удрал и от судьбы, и от полицейских, решивших отправить его обратно к жестокому отцу и пьянчужке-мачехе... И всё-таки, я очень жалел Джима, мне хотелось как-то помочь ему, просто быть его другом.

Бабушка видела, как нравится мне эта книга, её главный герой, и любила почитать её перед сном. Тем более, что события в ней развивались самым неожиданным образом, и из простого оборвыша Джим вскорости превратился в ... карманного вора, к чему мы с бабушкой отнеслись понимающе, хоть и не приветствовали его выбор. Но, по-видимому, ничего иного Джиму не оставалось, он был брошен жизнью на волю судьбы, и мы никак не могли его поддержать. Никто, даже конёк-горбунок не трогал меня так, как этот маленький оборвыш, и я думал о нём каждый день.

Вскоре Джим встретил своего старого приятеля, с кем они обитали раньше в сырых лондонских трущобах, и вдруг выяснилось, что товарищ его сделался честным, стал говорить и поступать как честный мальчик, бросил заниматься всякими глупостями и поступил на фабрику, познакомившись там с добрыми людьми. Товарищ заверил Джима, что хоть сейчас и живёт не богато, обитая в рабочей казарме, но зато ему не надо ни от кого прятаться, получая за свой труд заслуженную плату, и он готов помочь и Джиму... И Джима обуял стыд, что он ворует, Джим готов был провалиться сквозь землю, и он тут же пообещал себе, что не вернётся к воровскому ремеслу, отчего мы с бабушкой опять обрадовались за него.

Так, постепенно, жизнь маленького оборвыша стала мне близкой и родной, я и сам не заметил, как это произошло, до такой степени его мысли слились с моими, и, кажется, все дела его и поступки я стал воспринимать как свои, словом, я полюбил и книжку, и Джима, и часто представлял – как бы повёл себя, окажись на его месте. Благодаря книжке английского писателя, я в свои пять-шесть лет вдруг осознал, как нужно ценить простую жизнь, и как важно, что ты не одинок, за тебя есть, кому заступиться, и ты сам можешь оказать поддержку тому, кто в этом нуждается. А помог мне в этом разобраться маленький английский мальчишка, жизнь ему чаще всего не улыбалась, но он никогда не унывал и не отчаивался, оставаясь преданным жизни мальчуганом...

- Мал твой маленький оборвыш, - сказала как-то бабушка, - а мудрые пути кажет. За это его Бог бережёт!

Х

Х

Х

Издали лет будто слышу я бабушкин голос: «Ты отчего закручинился, милый голубь, когда вокруг так много радостного?» И сразу становится легко на душе, как в светлый весенний праздник Пасхи, и я начинаю прыгать от радости. И, действительно, чего печалиться, если рядом бабушка, наступает весна, и повсюду – великая чудесная тайна совершающегося чуда, её страшно хочется раскрыть, что само по себе так захватывающе интересно, и я принимаюсь изучать окружающую жизнь...

Тайна эта необыкновенно притягательна, даже – священна, что-то во всём этом таинстве скрывается? Наверное, Сам неведомый Бог, бабушка часто произносит Его слова, что принадлежат одному Ему. В том мире, говорит она, живём не мы, а наши души, и всякий, рано или поздно, приставится к небесам, и очень важно, как ты поступаешь и чем живёшь здесь, на земле, помни об этом. И я помню, я вообще очень послушный, и верю всему, о чём рассказывает бабушка...

А с Богом я пока ни разу, если честно, ни встречался, и непременно думаю увидеться. Но не за тем, чтобы попросить прощения, я ещё ничего худого не совершал, а лишь познакомиться и разузнать у Него обо всём получше, чего даже бабушка не ведаёт. Ведь столько всего вокруг интересного, что просто захватывает дух, и разве тут разобраться самому? Правда, я всё же попытаюсь, потому, как один чудесный день сменяет другой, и потом ещё, много-много раз, а я ничего обо всём этом богатстве не знаю...

Х Х Х

По-видимому, Божественному Существованию присуща не только неопишуемая по своим возможностям Сила, но и ... Нежность, какую мать проявляет по отношению к своему ребёнку...

Х Х Х

Хорошо, ласково шумит за окном апрельская капель, и вспоминается вдруг, как ты, маленький, с восторгом берёшься с самого утра жить бесконечно счастливо, запуская в струящийся ручеёк бумажный кораблик, с непреклонной верой – он доплывёт до своего счастья, до той страны, где очень хочется побывать, и ты обязательно там будешь...

Х Х Х

Ребёнок с самых ранних лет уже понимает, что в нём есть что-то большее, с чем можно чудесно взаимодействовать, и это знание даётся ему легко. Очень легко и радостно оказывается выходить за пределы себя, ощущая вокруг удивительно тёплый свет и любовь, что он не переживал даже в утробе матери, и ребёнок очень часто именно по этой причине улыбается, завораживая своей улыбкой близких... Он словно говорит: »Я чувствую себя таким полным и счастливым, что уверен – моё внутреннее чувство счастья меня никогда не подведёт, всё будет хорошо...»

Х Х Х

Именно в детстве мы постигаем, что счастье можно черпать в чудесной простоте жизни, следуя зову своего безмятежного и искреннего сердца без оглядки.

Х Х Х

В маленьком ребёнке сразу чувствуется большой человек, когда он сострадателен и нежен, чувствителен к боли другого, но сохраняет выдержку и спокойствие, не нуждаясь ни в каких советах, действуя в каждом случае по-своему, будто оттачивая собственное терпение, умение, смирение и

полновластное бескорыстие, кажется, только ещё более утончающееся в своём проявлении, и это – в пять, шесть или семь лет, когда полагается, вроде бы, лишь наслаждаться ничегонеделанием, отдаваясь на волю бесшабашного восприятия мира и себя в нём... Но нет, этот ребёнок необычайно вынослив и смел, он желает всё узнать, быть и там и здесь, безукоризненно точно угадывая любое, хотя бы – малейшее отклонение от уже намеченного пути, презирая любые препятствия, веруя только собственному непоколебимому устремлению к правде и красоте, понимая: только там живёт то, ради чего стоит лишаться чего угодно, быть даже изгоем, но не поддаться преступным умозаключениям сдаться, устать, не прекращая своего пути к божественному, ради него отдавая необъятную любовь своего маленького сердца...

X X X

В детстве всё, что втекало в душу, не обременяло её, и ты не задумывался – почему так происходит, а только радовался, узнавая всё больше и больше об окружающем мире... И даже сейчас, когда многое уже узнал, тоже радуешься, и не спрашиваешь – для чего это тебе дано, и всё благодаря не обременяющему душу детству, которое ты не предал, продолжая, к удовольствию своему, оставаться в душе ребёнком...

X X X

То, что мы извлекаем из нашего детства и хорошо запоминаем – трудное ли оно было или радостное, мы приобретаем на вечные времена. Скорее даже, это – подтверждение уже усвоенных нами ранее уроков, теперь закономерно отображающихся в начинающейся новой жизни. Ребёнок, со всем его восприятием мира, есть результат собственного, непосредственно пережитого им самим опыта, укладываемого во множество предыдущих жизней, что не может не проявить себя с самых ранних лет.

X X X

Ребёнок в игре выражает самого себя, своё внутреннее существо, она для него сокровенна... Но в этой игре он полон доверия и к окружающим его детям, благодаря своей искренности ребёнок получает возможность узнать и о их личной судьбе, расширяя свои познания о мире. Игра воспитывает ребёнка и повышает энергию его души, когда он в процессе её обменивается

с другими малышами информацией, в последующем обретая неискоренимую потребность отдавать, с удовольствием со всеми делиться...

X X X

У многих из нас уходит почти вся жизнь на то, чтобы найти в себе нужный внутренний настрой, а в ребёнке он уже есть, важно его лишь сохранить до самого конца жизни, проживая каждый миг сознательно.

X X X

Казалось бы, что сложного в том, чтобы позволить своей душе делать то, что ей представляется единственно правильным? Ведь это так естественно – постоянно ощущать своё растущее осознание духа, да и все первые годы нашей жизни подсказывают, как это верно. Но нет, нам непременно нужно сначала потерять себя, позабыв своё детское чистое восприятие жизни, и уж потом, с невероятным трудом, обрести его... Уважайте в себе, с самого детства, ваш захватывающий духовный путь и жажду к жизни!

X X X

Однажды, я тогда ещё был совсем маленьким, лет четырёх-пяти, мне необыкновенно повезло: папу пригласил на рыбалку его приятель, Сергей Иванович... Сергей Иванович слыл большим затейником, он постоянно что-нибудь придумывал, по-доброму надо всеми подшучивая, и особенно ему нравилось оставаться наедине с детьми: невозможно было предугадать – чего ожидать от него в следующий миг? Сергей Иванович ловко умел прятать в ладони монетку, доставая её у меня из-за шивороты, а потом она у него опять пропадала, и обнаруживал он пропажу в кармане моей рубашки... Но главное, и самое замечательное, чем он обладал: автомобиль!

Когда к нашему дому почти бесшумно подкатила бежевая «Победа» с округлыми формами, полированными ручками на мягко захлопывающихся дверцах и упругими чёрными шинами, кажется, будто просевшими от радости – только машина остановилась, то я был повержен увиденным... Осторожно прикоснувшись к крылу автомобиля, даже отёрнул руку: таким

оно показалось горячим от таящейся внутри него силы, и ещё – от припекающего с утра солнышка... В это трудно было поверить!

Обыкновенно я наблюдал машины только на прогулках с бабушкой, издали, замирая от увиденного и подолгу вглядываясь им вслед, но сейчас автомобиль находился рядом, до него можно было дотронуться, отворить дверцу и усесться на тёплые кожаные сиденья... И стёкла в дверцах, и песочного цвета внутренняя обивка, и резиновые коврики, - всё внутри автомобиля пахло каким-то особенным уютом, такого запаха я ещё никогда не слышал, и было сладостно притаиться в тиши этого укромного, не похожего ни на какое другое пространства. На улице сверкало солнце, а здесь, между сидений, таились такие же нагретые, как обивка машины, золотые пылинки, и я, глубоко вздохнув, счастливо откинулся на мягкую спинку заднего сидения, откуда вдруг увидел ... руль...

До сих пор, играя дома в водителя автобуса, перевозящего пассажиров, я выстраивал в ряд несколько табуреток, а сам усаживался верхом на венский стул, представляя, будто его изогнутая спинка – и есть то место, где я могу управлять своей жизнью, и ехать туда, куда захочу. И так оно и было, и я безо всяких рычагов уносил себя к своей мечте, то с одной скоростью, то с другой, взлетая и падая, где-то зависая на неопределённое время, но, тем не менее, устремляясь только вперёд. Машинка моя всегда слушалась руля, и особенно мне нравились воображаемые крутые повороты, что я с лихостью преодолеваю.

И вот, я увидел настоящий руль, белого цвета, с плавными выпуклостями и углублениями, чтобы легче было обхватывать его ладонями, крепко сжимая пальцы... Захотелось оказаться рядом с ним, сжав своими маленькими руками, и ехать по-настоящему, но разве такое возможно? Скорей бы уже отправиться в дорогу, чтобы колесить вдоль пшеничных полей, по лесам, к речке... Ведь это целое событие: нас сегодня повезёт «Победа»!

А потом мы, действительно, ехали среди высоких деревьев, по мягкой травяной дорожке, и я представлял, будто на нашей «Победе» каучуковые колёса: до такой степени они были воздушными, мягко отзываясь на любой бугорок и ямку. И так мы ехали, чуть покачиваясь из стороны в сторону, до самой речки, пока автомобиль устало не фыркнул, выпустив из-под колёс душистые облачка пыли, с облегчением вздохнул, и замер. На такой чудесной машине и дальняя дорога в радость: садись да катись, даже выходить из неё не хотелось, и дядя Серёжа разрешил мне немножко

посидеть на своём водительском месте, отчего я опять почувствовал себя необыкновенно счастливым...

Через нагретое лобовое стекло в салон автомобиля вливался, вместе с радостью, ласковый солнечный свет. Внизу, под горкой, лазоревым зеркальцем таинственно поблескивала речка, конечно, полная усатых пескарей. И меня вдруг охватило какое-то непривычное доселе благостное смирение перед открывающейся жизнью, прелесть переживания её раздольного аромата, этого незабываемого жизненного вкуса, когда хочется впитывать его до капли. А случилось всё это благодаря папиному другу и его чудесному автомобилю, на котором бы ехал и ехал по нескончаемой дороге познания. Только позже я понял, что знания, приобретённые собственными усилиями и выбором, самые ценные, хоть и не всегда располагающие к уюту, но плодотворнее их ничего не сыщешь. Всего в жизни можно добиться, была бы – увлечённость, желание и воля!

Х

Х

Х

Будто не набежавшись за весь морозный декабрьский день, прильнёшь, бывало, к разрисованному перламутровыми ветвями папоротника окну, и смотришь, как синий полусумрак превращается в фиолетовую густую пелену, мягко обнимающую дома, деревья, воздух, и захочется опять покататься на своих чудесных снегурках, с визгом режущих глазуREVУЮ наледь, или, прихватив под мышки гулко побрякивающие палки и лыжи, отправиться с ними в серебряный от инея парк, по соседству с нашим домом, чтобы резкий морозный воздух вновь охватил тебя с головы до ног, и, окутанный вырывающимися изо рта весёлыми клубами пара, ты бы поспешил утонуть лыжнёй в глубоких пушистых снегах...

Вот что, оказывается, более всего необходимо твоей душе, а именно – окунуться в долгожданную зиму, сбивать палкой со старых кленовых ветвей густой, искрящийся иней, ощущая его холодное прикосновение на лбу и щеках! А ещё с восторгом наблюдать, как отрешённо играют в морозной вышине беззаботные сороки, изредка отливая в лучах заходящего солнца своим зеленовато-синим сумрачным пером...

Но разыгравшийся короткий день окончательно клонится к вечеру, хотя тебе совсем не хочется уходить со двора, потому как всё в нём радует, куда бы ты ни отправился. Вот и копошащиеся в кустах акации воробьи никак не могут уняться, шумной стайкой снимаются с заснеженных ветвей, и тут же усаживаются прямо в сугробы, берутся, возбуждённо щебечут, тоже,

по-видимому, радуясь и чистому рассыпчатому снегу, и своему уютному убежищу под крышей. Хорошо зимой, несмотря на стужу, пропадать на улице целый день, когда тебя ожидает дома тепло и свет огоньков на новогодней ёлке, и ты знаешь, что праздник этот будет длиться долго, а зима ещё не раз очарует своими серебряными грёзами и солнечными днями. Как тут не забудешь и про далёкое лето, и про школьные уроки, и всё сидишь в полумраке гостиной, у выстуженного окна, и с чувством неизбежной радости глядишь на заснеженный тихий двор и синие тени под деревьями. Век бы длилась дорогая сердцу зимушка-зима, морозное солнце, воздух и волшебный сиреневый вечер!..

Х

Х

Х

Ребёнок, общаясь с тем, что его окружает, постепенно вспоминает собственный внутренний мир, он как бы нащупывает его, узнаёт, и это хорошо видно по малышам, сосредоточенным на своей игре. Ребёнок и здесь, и где-то ещё, хотя ему всего лишь два или три годика, и пока он не удовлетворит своего глубинного интереса к жизни, он не успокоится, всё время познавая её и что-то открывая, познавая и открывая, и так, нащупывая какую-то скрытую от него истину, малыш учится проявлять себя, между тем – утверждая, и до чего радостно ему всё это проделывать! В игре он возвращается к своим прежним жизненным шагам для того, чтобы идти дальше, развиваясь и внимательно принимая все происходящие с ним изменения: ведь из неуклюжего медвежонка он должен превращаться в прекрасное создание, что отражает жизнеутверждающую задумку Существования – способность и желание созидать. Ребёнок учится доверять себе, чтобы отправиться в дальнюю дорогу, с пониманием собственной цели в жизни, преодолевая любые препятствия.

Х

Х

Х

Милость судьбы – поездка с матерью на минеральные воды. Там не было моря, его всепроникновенного чарующего духа, но присутствовала томная южная теплота, по-особенному воцаряющаяся в воздухе вечерами, когда всё это насыщенное фруктовым дыханием пространство пронизывали несокрушимые звуки цикад. На спрятавшихся во дворах коренастых сливах лопались перезревшие плоды, сваливались через забор на асфальтированные дорожки, оставляя пахучие жирные пятна. А от опадающей шелковицы

тротуары вообще окрашивались в тёмно-бордовый липковатый цвет, вызывая желание глядеться в верхушки раскидистых макушек деревьев, вбирая в себя простирающийся повсюду аромат, не имея возможности достать ягоды, напоминающие нашу крупную малину... Тёмные ночи становились душными, наваливаясь всей грудью на бесчисленные сады, уютные домики, городской парк, и мать подолгу не могла заснуть... Несмотря на позднее время – тянуло гулять, прохаживаясь по замершим, манящим своей неизведанностью улочкам южного городка, где всё казалось укромным, каким-то только присущим югу обособленным и покойным. Повсюду тут пахло привольной мечтою, что обязательно должна исполниться...

Днём в парке собирались отдыхающие, непременно с кружками в руках. Неспешно потягивая минеральную воду, каждый – из своего источника, они чинно рассаживались по лавочкам, почтительно переговариваясь меж собой, и вся эта успокоенная дивная обстановка вызывала в душе такую же восхищённую успокоенность от размеренной жизни уютного курортного местечка, предполагающего только отдых и некое временное забытие от жизненных забот. Кружки у всех были разного цвета и формы, с причудливыми рисунками, изображающими, как правило, заснеженные верхушки кавказских гор, солнце и парящего в небе орла... Все эти кружки, источники вод, различающиеся по номерам, многочисленные аллеи и беседки придавали и парку, и городку какую-то органичную содержательность и обаяние, так что никуда больше не хотелось идти, оставаясь здесь, под благостной сенью южных деревьев, в их такой благоволящей ко всем отдыхающим трепетной тени...

Мне очень нравилось, как минеральная вода – свежая, чистая и шипучая, совсем не как в бутылках, когда бабушка покупала мне её в магазине, ударяет в нос и на глазах выступают радостные слёзы. Ведь ты – на чудесном минеральном источнике, в Эссентуках, и само название города говорит за себя – здесь поправляют себе здоровье люди, и волшебная вода делает их счастливыми. Счастлив и ты, счастлив от того, что тебе всего шесть лет, и, несмотря на болезненные переживания в своём молодом организме, даже – порой мучительные боли в животе, ты полон энергии, видишь во всём только чудесные проявления, и уже в свои невысокие годы обнаружил в себе радость, имя которой – гармония...

Целебной музыкой журчат из неведомых земных глубин благотворные, на разный лад, источники... Они незаметно наполняют какой-то излечивающей томностью, в них чувствуется скрытая, но простая сила, доступная здесь для всех, и её, кажется, можно выпить сколько угодно.

Вместе с открытостью этого благодатного южного пространства, она вливается в тебя здоровьем и радостью, такая нужная и маленькому, и большому человеку.

Каждый источник истекает из-под земли волшебной струёй, над ним сооружена аккуратная веранда или домик, и представляется всё это как сама жизнь, что течёт, не прекращаясь, но и не повторяясь никогда, утверждая только благо. Бьёт минеральный ключик как чудодейственный родник, вынося на себе, всем на радость, скрытые богатства земной толщи, и никогда не истрачивается. А льётся эта чудесная вода так, что от человека любая беда уплывает: не иначе, она – Божья!

Пользуясь целительными источниками, никто из отдыхающих, наверное, и не помышляет о недрах, где зарождается это природное богатство, что здесь, на поверхности, воспринимается чем-то обыденным, сама размеренность неспешной курортной обстановки настраивает на такую размеренную обыденность, и вот она-то и усыпляет, понуждая видеть во всём, что тебя окружает, только умиротворяющий покой. Околдовывающая сопричастность происходящему и вводит, вероятно, в приятную сонливость, когда ничего не нужно делать, всё необходимое для тебя уже совершила природа, и нужно лишь с благодарностью воспользоваться предоставленной возможностью забыть на время обо всех своих болячках во имя собственного здоровья. Этого не мог не почувствовать даже ребёнок, и я, как и взрослые, плыл по волнам дарованного Существованием удовольствия, и мне, как ни странно, не было скучно несмотря на то, что ничего особенного в этом тихом курортном городке не происходило. Здесь не было ласкового моря, но попадая сюда, ты действительно словно оказывался в тёплом ненавязчивом сне, и его не хотелось покидать. День длился за днём, а сон не прекращался, овеяв своим неуловимым счастьем. Да его и не нужно было объяснять, просто наслаждаясь приятным и ни к чему не обязывающим истечением времени, пребывая в чудесном забытии. Но всё-таки интересно: что же будет завтра?

А назавтра, после принятия вод, хорошо было отправиться на главную площадь городка, у самого парка, где, взяв напрокат чудесный самокат с толстыми резиновыми колёсами, мягко амортизирующими на неровностях почвы, можно было кататься на нём целый час! Если же мама заводила с кем-то из отдыхающих женщин знакомство, мило беседуя с ними, сидя на лавочке, то и два... Приятно было, посильнее оттолкнувшись, катить, насколько хватит разгону, сначала по площади, а потом – по уютным аллеям, среди скамеечек с сидящими на них посетителями парка, ощущая

себя ловким ездоком, то и дело замирая в непринуждённых позах и ловя на себе любопытные взгляды. Так мне, по крайней мере, казалось...

«Глядите, как я ловко разъезжаю по дорожкам, - думал я про себя. – Я бы помчался и не так, если бы мне пространства побольше... А то только докачу до ворот – и обратно. Всё равно: понесусь во весь дух!»

Х

Х

Х

Самая чудесная в жизни игра – это, несомненно, детство! Ведь игра, тем более – совместная, приносит чувство единства, то, чего всегда не доставало человечеству, а в ребёнке это переживание единства со всем, что его окружает, уже присутствует, ему это единство лишь надлежит сохранить, и играя, ребёнок поддерживает в себе состояние великой радости от сопричастности этому удивительному миру. Так бы и взрослому человеку, пройдя тысячи дорог и препятствий, не потерять при этом переживание в себе духовного блаженства, как в детстве, только погружаясь в собственное внутреннее существо...

Весь мир, что окружает ребёнка – дуновения ветерка, пение птиц, шёпот колокольчиков и их аромат выражает природу души маленького человека, ему стоит лишь обратить на него внимание, тотчас вовлекаясь в круговорот головокругительных открытий, гармонично переживая и с птицами, и с солнцем, и с цветами любовь и радость. Наши совместные с природой энергии вращаются в божественном единении, в едином ритме, и это есть проявление глубины взаимоотношений всех живых существ, порождённых Богом. Каждый из нас приходит в этот мир почувствовать в своём появлении здесь и сейчас подтверждение этой божественной связи, призванной к созиданию и достижению мудрости. А начинается эта чудесная, самая захватывающая игра именно в детстве...

Х

Х

Х

Ребёнок оттого и задаёт так много вопросов, потому как изначально уже несёт в себе ответы на них, они его будоражат, стремясь вырваться наружу, но поскольку он пока не в силах разрешить их, а ему этого очень хочется, он ими переполнен, ребёнок и обращается за помощью к взрослым. Задумайтесь, взрослые, как вы ответственны перед собой и вашими детьми за то, чтобы пройти свой жизненный путь достойно: ведь ответ на тайну своей жизни лежит в каждом из нас!

X X X

Потребность ребёнка уединиться, играя, в свой внутренний мир, есть чистое желание прикоснуться к Источнику, из которого он совсем недавно вышел.

X X X

Спокойствие и умиротворённость в восприятии жизни ребёнком – есть залог сохранения в себе человеком хладнокровия посреди моря ожидающих его в жизни невзгод. Детство – божественное напоминание каждому человеку о том, как он, в своей основе, силён, а жизнь – это пространство, созданное Существованием для духовного развития.

X X X

Созидание – есть основной строительный материал для наших душ, и это устремление проявляется в чистом виде именно в малышах... Если мы не теряем, а развиваем эту склонность к творчеству в течение всей жизни, она переносит нас на новый духовный уровень.

X X X

Замечательно то, что ребёнок никогда не сосредоточен на своей маленькой жизни, а всегда только на той, что его окружает, и через эту большую, необъятную жизнь он постепенно начинает постигать и свою, внутреннюю, оказывается, наиболее ценную для него...

X X X

За всё в жизни нужно платить, иначе оно ничего не стоит. Может быть и хорошо, что веру в эту непреложную истину тебе не привили с самого детства...

X X X

Взрослые не в силах найти равновесие между собой и Бытием, они позабыли о том, как это делается в детстве, и человеческий мир запутал их до

такой степени, что они перестали проявлять внимание к своей истинной природе. Человеческое измерение заполонило их сознание ненужными мыслями и действиями, так что они совершенно утратили связь с божественным, но для роста души одного человеческого отношения к миру недостаточно... Есть ещё и Всевышнее Существование, и ваше сознание с Ним неразделимо, а ваш ребёнок – это напоминание о равенстве всех перед Богом, о том, что для всех необходимо присутствие любви безусловной, когда вы равны со всем живым и на земле, и во Вселенной, но ребёнок это чувствует, а вы подобное ощущение утратили...

Так узнаете ли вы себя в своём ребёнке, любите ли вы его по-настоящему? А главное – понимаете ли вы себя, чтобы ребёнок мог узнавать себя и в вас? Это понимание жизненно важно, без него полноценной жизни не состояться, и только от ваших душевных усилий зависит – признает ли вас Существование, станете ли вы со всем едины?!

X

X

X

Проживите свою жизнь во всей полноте, как мечтали об этом в детстве! Принимайте то, что происходит, и с радостью позволяйте этому случаться. Воспринимайте жизнь такой, какой она есть, и отпускайте вместе с неприятностями, не копя их в себе. Не контролируйте жизнь и не манипулируйте людьми, а просто наблюдайте за тем, что происходит. Будьте с теми, с кем хотите быть, и делайте то, чего по-настоящему хочется. Поймите, что вы в полной мере обладаете свободой, и вольны располагать ей по собственному разумению. Возрадуйтесь этой свободе в самом себе, примите её как возможность быть здоровым и счастливым, и станьте тем, кем и должны быть, раскройте себя до конца в этом непревзойдённом мире возможностей. Детство, как никакая другая пора в жизни, призывает вас к этому!

X

X

X

В жизни очень важно войти в собственный внутренний мир, оказавшись полностью в настоящем моменте, и где, как ни в детстве легче всего заглянуть внутрь себя? Так не теряйте время, станьте самим собой!

X

X

X

Душа наша имеет музыкальное звучание, ребёнок это сразу в себе различает, и важно сложить из собственной жизни по-настоящему гармоничное произведение, целую симфонию, что зазвучала бы во всю свою мощь по всей Вселенной!

Х Х Х

Оттого, как счастлив ребёнок, совершающий первые шаги в жизни, в отличие от взрослого человека, к завершению её чаще всего переживающего печаль и усталость, можно судить о возможностях того духовного мира, из которого ребёнок приходит на землю, то есть – появляется на свет... Как этот духовный мир богат своими необозримыми перспективами, как он удивительно бесконечен в захватывающем душу развитии, когда обогащаясь внутренне, ты становишься необыкновенно силён и прекрасен, пребывая в чистоте и невинности собственного духа, с радостью управляя своей свободной волей...

Х Х Х

Наша беда – вина, потому как её нет, и не было... Мы лишь хотим казаться себе лучше, чем есть на самом деле, кокетничаем с самими собой, с собственным эго, и никак не желаем понять, что иначе поступить в какой-то ситуации не могли, и поступили так только потому, что просто не имели возможности повести себя по-другому. Мы были готовы пережить именно эти события, на том энергетическом уровне своей души, на каком находились, и нам бы не вешать себе на шею не существующую гирю, а взять и встряхнуться хорошенько, радостно осознав: вина вине рознь, если уж на то пошло, и человеку бы не винить себя надобно за, якобы, допущенный грех, из которого шубы не сшить, а пожалеть свою глубоко скрытую внутреннюю сущность, на самом деле - божественную, и потом – полюбить, да чтобы уж без виновных признаний, ибо пустая вина – не прощённая. Её и нет, а она, вроде бы, как и есть, обязывает обратить внимание к себе своей непонятно почему затягивающей уплатою. Но кому она нужна?

Сбрось с себя не существующее, человек, воззришь в самую свою глубь, и ты увидишь там чистые небеса, как в детстве, где никогда не было, нет, и не будет виноватых...

X

X

X

Нет более одинокого человека, чем боксёр на ринге во время боя, никто ему не поможет, кроме него самого, и именно за это мне нравится бокс, сама жизнь, когда ты оказываешься предоставлен только самому себе, проявляя силу и величие собственного духа. Это неверно, когда взрослые говорят нам в детстве, что один – в поле не воин: как раз один ты и стоишь очень многого, если не опускаешь руки, причём, с самых ранних лет, и только тот господин, утверждают уже мудрецы, кто всё может один, и тогда терпеть – не беда, было бы чего ждать, а проявляя выдержку и волю – выходят в настоящие люди. За терпение даёт Бог спасение!

X

X

X

Помню, как проводя лето у бабушки в деревне, мы с мальчишками драли колхозный горох целыми охавками, засовывая его за пазуху, а бегали в ту пору в одних маечках, и тугие стручки скрипели друг о друга, протыкая острыми хвостиками тоненькую изношенную за лето материю, и таким образом горох высывался наружу отовсюду. Даже молодой горох, поскольку мы не давали ему возможности достаточно вызреть, казался нам очень сладким и вкусным. Аховое предприятие по сбору гороха вызывало в нас удивительно приподнятое настроение, поскольку осуществлялось тайно: колхозный сторож, уже совсем старенький дедушка, бывало, даже палил по нам из ружья, что само по себе уже возбуждало в молодых душах необыкновенно залихватский настрой! Предстоящая вылазка за горохом всегда волновала нас своей невиданной рискованностью, побуждая таиться, что занимало пуще сладкого гороха, до которого мы были большие охотники, и мальчишки позволяли себе эти дружные набеги только потому, что они полностью захватывали наши души, ибо приходилось идти против запрета взрослых, а что может быть этого слаще?!

Зелёное гороховое поле заполняло моё воображение, хотя саму охавку упругих стручков я держал в руках довольно равнодушно. Бабушка говорила, что горох не жнут и не косят, а крючат, и мы, не зная, что это слово означает, «крючили» его всю, сколько успевали ухватить, потому как завиден горох в поле, и кто мимо ни пройдёт – всяк ущипнёт. И разве его от такой босоногой ватаги убережешь: ей об этом говорить, что горох в стену лепить! В чистом поле, пусть оно и гороховое, для мальчишки полное раздолье: смотри хоть туда, хоть сюда, хоть инаково...

Возвращаясь домой, мы всегда заходили на Чёртовое болото... Что «чёрт» за зверь – никто из нас не ведал, и хоть говорили на деревне: не ходи при болоте – чёрт уши обколотит, а всё равно забредали туда, чтобы полюбоваться на змеек, про что бабушка замечала мне – такая затея до добра не доведёт. Сама она, по её рассказам, однажды чуть не пострадала от гадюки, что переползла через ногу бабушки, когда она притомилась на покосе, и уснула прямо на траве. Змея не укусила бабушку, благополучно миновала спящего человека, но папа бабушки увидел гадюку и зарубил её косою...

Так вот, на Чёртовом болоте, помимо чертей, в большом количестве водились ужи и гадюки... Болото, заросшее осотом и козлецом, по берегам было так плотно, что по нему можно было ступать, не боясь провалиться, и как раз на такие островки переплётшейся болотной травы и выползали змейки, чтобы погреться на солнышке, где мы их и заставляли, свернувшись в клубок... Почему-то они не вызывали у нас страха, выглядели как диковинные детские игрушки, и порой я даже позволял себе схватить какого-нибудь зазевавшегося ужика, носил его, вместе со стручками гороха, за пазухой, изредка доставая и пугая ими девчонок, после чего, конечно, отпускал красивую чёрную змейку в оранжевой косыночке...

В душе после всего этого воцарялось удовлетворение от собственной лихости и соединённости с природой. Солнце быстро опускалось, мой запазушный ужик уползал под свою уютную колоду, а я, словно заговорённый и невероятно счастливый, едва успевал засветло добраться до дому, и, не дождавшись чаю, засыпал, приткнувшись под боком у бабушки. Помяни, Господи, её, родимую!..

Х

Х

Х

Когда я был маленький, и ещё не пристрастился к лесу, отец старался привить мне любовь к рыбалке, потому как слыл за знатного рыболова. Да он, собственно, им и являлся, чуть ли ни ежедневно принося домой карасей, лещей, налимов и плотвичек, полосатых окунишек и толстогубых линей, щук величиною с полено и изящных хариусов, так что все домашние уже не знали – куда девать эту рыбу... Но отец не переставал носить её, угощая знакомых и соседей, и при таком родителе мне сложно было не стать рыбаком, хотя бы попробовать рыбную ловлю, и, помнится, одно время я очень загорелся рыбалкой, пропадая вместе с отцом на речке или озёрах целыми днями... До страху любил отец удить рыбу!

С первых классов школы я даже завёл себе тетрадочку, куда тщательно записывал каждую, пойманную мной рыбку: её размер, вес, название и полное описание того, на какую снасть, где, и при каких условиях произошло это замечательное событие... Книжечку эту заветную, помнится, открывала запись про налима, длиною аж в десяток вершков!

Лицо у отца сияет, и он торжествующе погрозив кому-то указательным пальцем, с замиранием духа восклицает:

- Услышал меня, Господь, не обманул!

Бабушка, умиленно всплеснув руками, и будто подыгрывая отцу, с улыбкой заключает:

- Уж это, непременно, к благополучию!

Отец же не успокаивается:

- Что и говорить: обрадовал!

А с налима этого бабушка тогда сварила отменную уху... Когда вся семья собралась за столом, отец весело заключил:

- На четвертную с Павлом Ильичём побился, что сынок меня в этот раз переловит, и так оно и вышло... Знатный рыбац будет!

- У нас всё без обману, - с лукавинкой добавляет бабушка. – Посулился, значит, так тому и быть!

На Благовещенье и Пасху бабушка всегда пекла рыбные пироги под рисом – с судаком и налимом печёной, накрывала их полотенцами – «отходить», и пироги источали по всему дому такой сладкий дух, что кружилась голова. Не передать этот запах, помню его и сейчас, и сразу вспоминается наш деревянный дом, весна, и руки бабушки, пахнущие стряпнёй... На ней, как всегда, фартук, платок, рукава платья засучены по локоть, и она весело восклицает:

- А как солнце-то с нами играет... Гляди в небо! Самое, что ни на есть, богородичкино небо...

«В нём рыба кровь», - говорили про отца, но не оттого, что у него будто бы холодное сердце, а по той причине, что не мог он без рыбалки обойтись ни дня, отдавая ей всю душу. Рыбалка для него была Царь-Государь, всему голова! Он, кажется, из собственного кармана удил, и когда у других рыбаков садки пустовали, у отца – завсегда улов! Он как, вроде бы, знал какой-то рыбий секрет, никому его не выдавая, всё больше помалкивал, про себя улыбаясь, и очень любил оставаться на реке один, а если и брал с собой меня, то редко, и потому я хорошо помню все наши совместные ужения рыбы...

Честно признаться, у меня никогда не хватало терпения долго сидеть у пруда, в напряжении склонившись над удочками, как это делал отец. Он мог сидеть так хоть весь вечер или утро, и ничего, но меня вскоре тянуло побегать, рассмотреть всю лесную окрестность, а глядеть, не отрываясь, на неподвижный поплавок мне быстро надоедало. Вот если бы придумать какой-нибудь иной способ, вытягивая рыбу на берег без утомительного ожидания!

Так вот, постоянно наблюдая в своей жизни эту захватывающую страсть отца, коей он совершенно искренне отдавал львиную долю своего времени, с самого детства, я уяснил для себя неожиданно очень важную вещь: коли живёт в твоём сердце любовное пристрастие к какому-либо делу, - тебе не сложно почувствовать себя счастливым человеком. Отец, по-видимому, и ощущал себя им, он не мог представить свою жизнь без рыбной ловли, этого азарта, затмевающего собой всё остальное, и можно честно сказать – поклонялся рыбалке.

Об умении удить, он, несомненно, знал всё, часами просиживая на кухне за паянием мормышек и блёсен. Пробовал даже изобретать нечто новое, отправляя свои догадки в рыболовные журналы, и очень переживал, если ему отвечали отказом. Кажется, чего проще: взял удочку, накопал червей, и отправляйся на речку, захватив с собой кусок подсоленного хлеба, и так и было в его босоногом детстве, но с возрастом отец стал понимать об ужении рыбы более тонкие вещи... Например, как насадить червя, чтобы он выглядел естественным, выбрать на берегу самое верное место для ужения, приметить нрав, присущий только этой рыбе – голавлю, лещу, либо плотвичке... А ещё нужно обладать проникательностью, будто погружаясь под воду и становясь рыбой, и в этом отцу не было равных...

Он, действительно, умел угадывать поведение рыбы в зависимости от времени года, - заря это или закат, и какова сегодня на дворе погода... Ведь удивительная жизнь обычно проходит между нами, чаще всего мимо или сквозь наше существование, между тем, присутствуя повсюду, чего бы это ни касалось, в том числе – и рыбной ловли. А уж беспокойства в жизни настоящего рыбака хватает!

Простая истина: под лежащий камень вода не течёт, как раз гласит об этом. Так вот, нужно просто углубиться в существующую жизнь, сделать её своей, относясь к ней с большим вниманием, достойно, чего она, несомненно, и стоит, и тогда вам откроется чудесный источник, и пить из него можно бесконечно. Это нескончаемое волшебство, конечно, украсит вашу жизнь, сделает вас сильнее, а всего-то следует лишь решиться жить

интересно, как вы этого заслуживаете, отыскав любимое дело. Мы все с детства наполнены этой решимостью быть красивыми и счастливыми, и отец всегда ощущал себя им, когда оказывался ранним утром на берегу речки или потаённого озера, с головой погружаясь в лоно нашей дорогой сердцу, русской природы...

Отец был мастер вылавливать отборных рыбин, однажды привёз целый таз первосортных золотобоких красавцев-карасей, что были ещё живыми, сияя на солнце... Таз стоял по середине кухни, на полу, и я замер возле него, замороженный красотой рыб... Почему-то невозможно было представить их там, под водой, среди изумрудных водорослей и тёмно-синих перловиц, а вот здесь, на кухне, в эмалированном тазу, караси воспринимались совершенно естественно, будто освещая собой приевшуюся домашнюю обстановку. Но скоро бабушка зажарит их в сметане, и они сделаются совсем привычными, даже родными: рыбы у нас дома, благодаря отцу, было всегда в досталь!..

Отец никогда не находил слов, чтобы рассказать – как ему удаётся вылавливать такую прорву рыбы, только молчал, посмеиваясь, может быть иной раз обронит:

- Знатное дело прихватить этаких шельмецов... Погляди, как играют!

Я смотрел на поблескивающих в тазу карасей, и не находил слов, чтобы выразить внутренний восторг, а караси вдруг возьмут, да как начнут переворачиваться, бьют хвостами, жадно шевелят жабрами, что поразишься силе природы и отчего-то радостно засмеёшься...

Рыбалка для отца была заведена как священнодействие... В кладовке у него покоились разные удочки, сетки, и даже – резиновая лодка, но более всего отца занимали блёсны, ради них он готов был просиживать в своей коморке или на кухне целыми вечерами, и лучше было его в такие минуты не беспокоить...

... За банькой у нас в деревне как-то по-особенному отдаёт парным духом от навозной кучи, заросшей крапивой, и мы принимаемся с отцом подкапывать червей. Они лениво извиваются на лопате, но когда попадают в банку – сразу оживляются, как будто догадываясь – что им уготовлено. В голову ударяет прелым ароматом, свежей зеленью, ведь стоит июль, день движется к вечеру, и мы с отцом собираемся ловить хариуса на «кораблик»...

В такой рыбалке я почти не принимаю участия, всем заправляет отец: поначалу он заводит сколоченные из двух досок «саночки» как можно подальше от берега, насколько это возможно, и ведёт их вдоль него на толстой лесе, от леси по поверхности воды в проводку пущены поводки с «мушками», и нужно, чтобы они «играли», привлекая чуткого хариуса...

Сложность такой ловли заключается в том, что берег неровный, попадаются выбоины, заросли кустарника, и приходится умело обходить эти препятствия, не позволяя «мушкам» сильно углубляться или повисать высоко над водой. А тут ещё я, находясь постоянно рядом, прихватываю отца то за рукав, то за карман пиджака, и отец, еле сдерживая себя, воодушевлённо заверяет:

- Сейчас, враз словим шельмеца... Ну, дай Господи!

Ловить хариуса на «кораблик» необыкновенно увлекательно, и эта весёлая снасть становится уловистой, когда появляются стрекозы и бабочки, витающие над водой. И потому на течении приманки, свисающие с лесы, выглядят совершенно естественно, и рыба не замечает никакого подвоха, обычно мгновенно реагируя на плывущих «насекомых».

Сбиваясь, как и я, с шагу в скрытых травой ямках, отец заметно волнуется, наверное, желая отличиться передо мной, но хариуса не так просто перехитрить, и он, должно быть, наблюдает за нами из-под воды, только посмеиваясь...

- У-у-ух! – в возбуждении вскрикивает отец, заметив, как крупный хариус, промахнувшись, выпрыгивает высоко из воды, и, блеснув в лучах заходящего солнца пунцовым боком, с шумом плюхается обратно. Я тоже в восхищении подпрыгиваю, взмахнув руками, но красивой рыбки след простыл, как будто её и не было, и всё начинается заново, с надеждой, что какой-нибудь хариус прихватит нашу приманку.

А день незаметно потухает, румяное солнце лениво клонится к западу, и мы бредём с отцом по пояс в шелковистой траве, не говоря друг другу ни слова, и думаем о том, как хорошо сейчас, наверное, хариусу в его родной стихии, и мы даже немножко рады тому, что он остался на свободе, в тихо струящейся чистой реке...

- Ну, удружил денёк, - еле слышно произносит отец. – До чего всё хорошо было!

И я тоже тихо радуюсь этому обыкновенному счастью нахождения у реки, в малиновом тёплом вечеру, каждой клеточкой тела проникаясь раскинувшимся повсюду роскошным июлем, и чувствую себя необыкновенно счастливым...

А бывает, отец натаскает за утро полное ведро серебристых харюсков!.. Когда успел? Я ещё и не проснулся – он уже несёт с реки драгоценный улов. Харюса уже издали источают тонкий огуречный аромат, кажется, даже ещё более свежий, чем когда их только вытаскиваешь на берег, до такой степени они изящны, чисты, и выглядят всегда необыкновенно, ни как другие

рыбины – подлещики или голавли. Харюза имеют какой-то, присущий только им свет, исходящий изнутри, нежную серебристость, и, конечно, запах. Он очаровывает этой своей тонкостью и чистотой, не хочется ни жарить рыбу, ни солить, лишь любоваться на стройные плотненькие тела, нежно прижавшиеся в ведре друг к другу. Когда отец вываливает их в траву, под навесом, они ненадолго оживают, но ни как окуньки – подпрыгивая и переворачиваясь с боку на бок, а с лентой, тотчас замирая. Хариус, в отличие от других рыб, представляется почему-то более вольным, всегда нацеленным в самую стремнину реки, но на берегу эта его свобода быстро иссякает, и присев на корточки у рыбин, я осторожно дотрагиваюсь их нежных сиреневых боков, и не могу отвести взгляд. Бабушка скоро соберёт их и нажарит к завтраку, и харюса будут издавать уже совсем иной, не менее притягательный аромат...

Ещё мне очень нравилось удить с отцом по весне юркую рыбку уклею, или – «щеклею», как её называли знатные рыболовы. В Чёрных озёрах, неподалёку от города, она водилась в большом количестве. В солнечную погоду всегда хорошо было видно, как эти серебристые рыбки снуют на небольшой глубине, посверкивая изящными телами, что на ощупь всегда казались шелковистыми. Длиною в ладошку, рыбки эти были необычайно жирны, но более всего захватывало их ужение, когда они клевали бесперебойно, одна за одной, и если вам по нраву такая добычливая рыбалка, то редко случается, чтобы она вам скоро наскучила: уклея не даёт крючку с наживкой опуститься на дно, мгновенно схватывает добычу, и ... оказывается в ваших руках...

Одно удовольствие удить эту вездесущую весёлую рыбку, что охотно берёт на бубя, налетая на приманку с разбега и, в мгновение, утаскивая поплавок под воду. Клёв её молниеносен, и нужно не зевать подсекать стремительную уклею, с такою же быстротою извлекая рыбку на поверхность, где она вёртко извивается на крючке, посверкивая своей серебристой спинкой. Чудо, а не рыбка, что необыкновенно приятна в вяленом виде!

Запомнилась ещё ловля лещей на донку с плотов. Плоты, связанные меж собой, загнали в залив, чтобы тянуть потом длинной кишкой по реке, и рыбаки сразу облюбовали их. Заберёшься подальше от берега, перепрыгивая с одного бревна на другое, где уже большая глубина, отыщешь в них окошечко, и рыбачь...

Поначалу было боязно, что плоты разойдутся, я провалюсь с головой под воду, и плоты надо мной сомкнутся, а потому ходил по ним осторожно,

стараясь не оступиться. Даже про лещей забыл. Но потом, глядя на отца, обвыкся, и вскоре, когда у лещей начался клёв, а вокруг зазвенели колокольчики, и вовсе оправился...

Обычное удилище при такой рыбалке тут ни к чему, достаточно коротенькой донки с колокольчиком. Немного повыше крючка с насаженным на него червяком, на лесе подвязывается поводок с пружинкой, в неё заминается каша для приманки, и опускается на дно. Лещ, почуяв запах каши, замечает извивающегося червяка и заглатывает его, колокольчик тотчас даёт знать об этом, и остаётся только подсечь неповоротливого обитателя речных глубин...

... На плотках рыбкой пахнет, этим самым лещом: раздольно, свежо, ударяя в голову... И кажется, что и смола от брёвен отдаёт рыбьим вкусом, и вода, ровно уха, только холодная, не разогретая, но крепкая своей весенней ядрённостью. Нюхаешь, вдыхаешь воздух у реки, и голова идёт кругом: до того хорошо, - не знаешь, за что взяться!

Отец, знай, налаживает донки, улыбается про себя, а я сижу рядом с ним, на корточках, и наблюдаю, как он наминает кашу для прикормки леща. Свет только занимается над рекой, отец зачерпывает пригоршней холодную воду, и брызгает себе в лицо... Я тоже умываюсь, сна ни в одном глазу, сейчас начнётся рыбалка!..

Дышит река, мерно покачиваются на ней плоты, хлюпает под ними вода, и где-то там, в прохладной темноте, «пасутся» у дна толстобокые лещи... Светятся, наверное, тусклым серебром, ведут на самой глубине неведомую жизнь... Рыба своё знает, а отец знает рыбы повадки лучше всех!

Обычно увесистый лещ ведёт себя смирно, когда ты постепенно вытягиваешь его, будто там никого и нет, но у самой поверхности лещ, что есть мочи, начинает изворачиваться и вилять серебристым боком, а когда оказывается наверху, принимается плясать на брёвнах, да такой широченный – с лопату, так что его и не прихватишь. И всё норовит поближе к окошечкам в плоту подобраться, чувствует воду, вот-вот удерёт!

Жалко, конечно, упустить такого весового леща, и я прыгаю за ним по плотам как лягушка, пытаюсь прихватить за скользкие бока... Но лещ не даёт, замрёт на какое-то время, будто последних сил лишился, но как только к нему подберёшься, опять начинает изворачиваться с боку на бок, ни за что его не ухватишь! Да это и не мудрено, если он таким большущим вымахал: посмотреть на него, когда лещ спокойно лежит, так всё равно, что бабушкина сковорода, а встречаются, говорят, и ещё больше, чуть ли не с

самовар! Его-то уж точно не удержишь, как ни старайся, да мне бы хоть с этим справиться...

Наконец я леща одолеваю, упав на него и прижав к брёвнам, так что ему некуда деваться, но даже подо мной он тяжело вздыхает, упираясь мне в грудь, а потом затихает, но когда я выпускаю леща в садок, то он опять начинает метаться, жадно шевеля толстыми губами... Вот какой живучий!

Широкая округлая фигура леща отличает его от других речных обитателей. Дедушка рассказывал нам с отцом, что в старину попадались лещи длиной в аршин и весом в полтора десятка фунтов. Трудно вообразить себе такого экземпляра серовато-серебристого цвета, с толстой тёмной спиной, с белёсыми глазами, имеющими чёрные зрачки, скорее, представляющего нечто уродливое, чем привлекательное, да и водятся ли сейчас подобные чудища?! Чаще попадаются лещи в полдюжину кило, но и те большая редкость, а более всего – так называемые подлещики...

Охотнее всего, заверял отец, лещ берёт на навозного червя, или на распаренный горох, преимущественно в тихих и глубоких заводях и заливах, и ловля лещей с плотов наиболее удобна для их вываживания. Очень крупные берут редко, но вот средних можно выуживать в изобилии, за утро – несколько десятков... Причём, лещ хватает всегда наживку без церемоний, но бороться долго не в силах, и в скорости утомляется, всплывает покорно, и его лишь необходимо ловко подхватить у самой поверхности сачком... Весенний клёв лещей, поутру, бывает очень обилен, и нередко скоро даже приедается, если рыба не сопротивляется и выходит послушно...

Но на наших лещей я не мог нарадоваться, совершенно потеряв голову от весёлого перезвона колокольцев, запаха рыбы, выпученных глаз оказавшихся наверху горбылей, наверное, недоумевающих: чего это с ними произошло? Конечно, в сравнении с другими рыбами лещ достаточно костлив, попадаетея рыбка и послаще, отменным на вкус считается он только в вяленом виде, либо – в ухе, и всё же необыкновенно приятно вытягивать здоровенных рыбин, восхищаясь их ошеломляющей доступностью. И таких ломовых лещей мы тогда с отцом наловили целую дюжину, еле до дому донесли, а по дороге домой даже подумалось, что я теперь уже не маленький!

Х

Х

Х

Всё в детстве кажется нам каким-то первозданным, раз и навсегда устоявшимся... И окружающие тебя дома, улицы, парки, даже – люди, всё это как будто существовало испокон веков, и вот теперь и ты имеешь

возможность лицезреть это укоренившееся, кажется, с незапамятных времён жизнеустройство. Исследуя его, оно представляется твоему воображению загадочным, но удивительно разумным, каким оно, наверное, и должно быть, и ты не спешишь озадачивать взрослых бесчисленными вопросами, желая достичь понимания того, что тебя окружает, самому. Этот мир так богат, что каждый день он с невероятной быстротой ширится, разрастается, и вскоре оказывается, что у него нет границ, вразумительного ответа о бесконечности его ты для себя не находишь, но от этого интерес к нему не иссякает...

В начале жизни хочется до всего дойти своим путём. Взрослые при этом не то, что не помогают, а даже мешают, их понимание мира часто выходит несогласным с твоим, да и знают они об этом свете, как ты сразу убеждаешься, далеко не всё, и тебе приходится действовать на свой страх и риск. Утоляя собственную жажду в ответах, ты не страшишься на этом пути преград, и с нетерпением ждёшь: когда же ты уже повзрослеешь, чтобы охватить весь этот огромный таинственный мир, сделав его по-настоящему своим?.. Ты готов наполнить себя несметным разнообразием чудесных впечатлений и загадок, устремляясь к тому, что пока заслоняет от тебя первоначальная пора твоей жизни – неповторимое детство, хотя и побуждающее к напряжённой работе над изучением мира, но и просто радостной от предвкушения незабываемых открытий...

Ведь ребёнок жаждет знать о себе и мире как можно больше, его не удовлетворяет безропотное принятие жизни такой, какая она есть, а влекут её тайны, они приковывают к себе всё его внутреннее существо, которое именно в детстве побуждает нас относиться более внимательно к другим, чем к себе. Разлад в жизни человека возникает, когда он отделяет себя от этого устремления, не веря в свою внутреннюю силу, тогда как ему изначально дана свобода выбора, позволяющая использовать свободную волю для выявления причин своего пребывания на земле.

Задумайтесь: как легко ребёнок принимает на себя ответственность за все свои решения и действия, кажущиеся взрослым незначительными, не пытаясь при этом обвинять других людей за свои неудачи и разочарования?! Он обладает всем для того, чтобы принимать именно активное участие в жизни, а не быть посредственным, ни к чему не стремящимся наблюдателем. Ребёнок, может быть, ещё и не понимает, но непременно чувствует – зачем он здесь находится, и нахождение это значительно. Он не зря сызмала обнаруживает в себе чудесные божественные черты, даже не помышляя создавать какие-либо ограничения на пути самопознания, а наоборот – делает всё для собственного развития, желая быть тем, кто он есть, и если

обнаруживает в себе какую-то только свою истину, то необыкновенно радуется ей.

Находясь один на один с собой, ребёнок не испытывает одиночества, а постоянно разговаривает со своей душой, с тем божественным, что находит в глубине себя, и при этом, конечно, очень любит жизнь. Душа заигрывает с ребёнком, словно поощряя его непременно двигаться дальше, ненавязчиво подсказывая ему, как это интересно, и ребёнок, конечно, принимает эту увлекательную игру, узнавая сердцем своего самого большого друга – самого себя, которого никак нельзя подвести, тем более – предать, и он с удовольствием проявляет собственную свободную волю, невозможную без развития, призванного познавать и открывать, не испытывая никакого разочарования... Расширять своё сознание – вот что самое главное, и угадывая в себе это стремление, маленький человек устремляется к постижению огромного мира, радостно играя с ним и любя.

Х Х Х

Во всей последующей жизни, как и в детстве, я не утрачивал в себе потребность жить интересно, имея полное право быть счастливым, и был им. Должно быть, вы не раз задумывались над тем – как обрести счастье? И к какому выводу вы пришли?

Позвольте добрый совет: если в ваше сердце проникнет желание, как в детстве, творить – создайте что-нибудь настоящее, не поленитесь, и вы почувствуете себя на вершине блаженства!

Х Х Х

Вспомнишь ли из детства свой первый бой? И то, устоял ли ты в нём, или был повергнут, пока не выдержав испытания, потому что огонь веры ещё не успел разгореться в твоём сердце?

Скорее всего, был потерян для себя самого, проникнут стыдом перед собственной слабостью, и лишь просил Господа послать тебе силы ничего не бояться, по крупице обретая в душе будущую несгибаемую отвагу...

Х Х Х

Трагедия человека в том, что он всё чувствует, имея в себе огонёк божественного сознания, но постигать ничего не желает, а потому пути своего не знает... А ведь в детстве желал, верил непоколебимо в безоблачное

счастье по всей земле, в том числе – и в своё собственное, и тем был прекрасен, чувствуя, что Вселенная – живая. Ребёнок не перестаёт тонко ощущать жизнь, частью которой является, и стремится заполнить её не вещами, как взрослые, а неизгладимыми впечатлениями. Детство ежесекундно подсказывает нам: учитесь брать в дорогу лучшее из того, что у вас есть, и будьте счастливы.

X X X

Порой случается так, что даже в детстве тебе становится скучно... Папа – на работе, мама гладит бельё на кухне, бабушка не приезжает, потому что болеет, а на улице – с утра зарядил дождик. Все игры порядком надоели, и кажется, что ничего уже невозможно придумать. Пробираешь заняться рисованием, но, как ни стараешься, всё-таки опрокинешь стаканчик с краскою, и вымажешь в ней все пальцы, после чего нет никакого интереса продолжать начатое дело... Скучно!

Очень ловко было бы сейчас погонять по двору на самокате, но на улицу не пускают... Если только опять рассмотреть картинки в папиной книжке про животных, читаю я ещё плохо, потому что только пошёл в первый класс, и вытащив тяжёлую книгу из шкафа, усаживаюсь с ней на диван. Бой настенных часов отвлекает моё внимание, и я начинаю считать им в такт, позабыв про чтение. Воображение незаметно уносит меня в прошедшее лето, когда я гостил в деревне у бабушки, и мы с папой ловили в пруду, под мельницей, юрких пескариков. Но и об этом думать уже не интересно, потому что лето не вернуть, на дворе – осень. Чем бы заняться?

Может быть, пойти к окну, и, забравшись на подоконник, посмотреть – что делается на улице? Дождик, оказывается, кончился, и крупные капли, сорвавшись с крыши, гулко расшибаются о железные карнизы. В такую слякотную погоду и без дождика носа из дому не высунешь.

Минуту я стою на коленях, прижав лоб к холодному стеклу, и разглядываю, как наш сосед дядя Костя, что живёт этажом ниже, возится на балконе с цветочными горшками. Дядя Костя очень строгий, он – военный, и я встречал его всегда в форме со звёздами и в начищенных до блеска сапогах, а тут он – в полосатой пижаме, на голове у него, оказывается, лысина, сверху всё очень хорошо видно, и мне вдруг становится весело. И вот, я замечаю на нашем балконе трёхлитровую банку с чернилами...

Отношения с этими чернилами у меня сразу как-то не заладились... То на уроке правописания, как бы я ни старался, заведу в тетрадке обидную до

слёз кляксу, то сосед по парте, известный в классе задира, на перемене запустит в меня тряпкой, предназначенной стирать с доски написанное мелом, и она, вырвавшись у него из рук, угодит прямым на мою чернильницу, чего я впопыхах не замечаю и швыряю обратно, в стену, отмывая её потом в течение двух оставшихся уроков от огромного чернильного пятна, да ещё родителей вызывают в школу...

Но заметив на балконе банку с чернилами, всё худое, что было связано у меня с ними, куда-то улетучивается, и я вдруг представляю, как будет здорово опрокинуть их ... на лысину своего соседа! Чего только не придёт в голову семилетнему сорванцу, не терпящему скуки, а то, что может случиться после – пустяки, главное – захватывающее дух действие! Ведь дети не смотрят на то, что подумают о них взрослые, и учиняют всё на собственный, по их разумению, неповторимый лад. Я даже почувствовал в себе гордость от задуманного, и мне стало смешно: скуки как не бывало!

Смех смехом, а дело делом, хоть оно и чёрное, да разве в детстве без задора обойтись? Тихонько отворив скрипучие двери, чтобы не слышала мама, я оказываюсь на балконе, и взглядываю через перила: лысина дяди Кости светится прямо у меня под носом так притягательно, что сразу захотелось сотворить с ней что-нибудь этакое, и банка с чернилами, которую припасли мне родители на весь учебный год, самое подходящее для потехи средство... В молодую голову даже не приходит, что может последовать за тем, как окрещу я своего соседа чернильной жидкостью, да только сорвиголова не живёт спустя рукава: никому спуска не даёт! Ведь не мог я, неугомонный мальчишка, поддаваться скуке, когда душа игры требует, а она у меня тогда взаправду пошла. Но бывает, что не только чернила пишут, пишет и горячая слеза...

И вот, обхватив банку обеими руками, как ни как – три литра!/, нацеливаюсь я на злополучную лысину дяди Кости, и опрокидываю на неё всю эту черноту, так что самого жуть берёт: и смех и горе! «Парень растёт озорником, ну, да молод ещё, - заверяла всех потом моя бабушка. – Лучше слыть озорником, чем непроходимым дурнем!» Внизу же на какое-то время воцаряется тишина, но вскоре весь подъезд приходит в движение: исчернил-таки, оголец, соседа перед людьми! Что-то будет?!

Как потом оказалось, очень не просто жить так, чтобы не выходило чепухи. Это, быть может, и не трудно, если всё у тебя в жизни складывается хорошо и правдиво. Но вот когда ты ещё не в силах отказаться от своего недовольства или неудовлетворённости, чаще всего и приключается какая-нибудь несообразность, словом, ерунда, и нужно, как раз, научиться

принимать любой поворот событий и радоваться простым, самым обыденным вещам, получая от их существования именно удовольствие, и никак иначе, потому что простое Бог любит, а худое не исправишь уже никакими словами, и оно на всю жизнь остаётся с тобой... Помните об этом!

Х Х Х

Отчего я в детстве помню только солнце, а о том, как отрешённо взмахивают ветвями облетевшие берёзы и рябины даже не помышляю?! Вероятно, виною тому – огромная жажда жизни, заложенная с рождения в каждом из нас, и от того яркое солнце воспринимается самым главным, затмевающим своим светом малейшую серость, потому, наверное, хочется светить и тебе, ничего кроме радостного солнечного существа не видеть, и всё пить его сияние, пить, нисколько не уставая... С любовью всматриваешься в дорогое, очень близкое твоей душе солнце, и именно поэтому толпятся в голове только солнечные мысли. Что же может быть его лучше?!

Х Х Х

Хоть наши леса порядком и повывели, но Хранитель Чащи, я чувствую, не теряет со мной связи, не покидает меня ни на миг, даже когда я нахожусь дома – в городе ли, в деревне, напоминая о Себе своим невидимым присутствием. Как я об этом знаю?

Подобную взаимосвязь невозможно не ощутить, если заложил душу лесу ещё смолоду, даже – в детские годы, для чего требовалось просто полюбить лес, однажды войдя под его полог.

Х Х Х

Где-то в самой глубине памяти осталось у меня отрывочное воспоминание о том, как я лет в семь напросился к отцу на утиную охоту, летом. А запомнилось из всего этого дня на всю жизнь только одно: моё до крайности худое самочувствие из-за ужасной боли в животе, я даже, помнится, потерял тогда сознание...

По-видимому, оставить меня было не с кем, и отцу, как ему этого и не хотелось, пришлось-таки взять на себя присмотр за мной. Обузу эту он

взвалил на свои плечи в полной мере, ибо вместо стрельбы по уткам, был вынужден ухаживать за непутёвым сыном, напившимся из болота воды...

Августовский день, надо сказать, выдался жарким, солнце с самого утра пекло как в июле, и я изо всех сил пытался бороться с жаждой, не решаясь своей просьбой побеспокоить отца, дабы, не дай Бог, не расстроить его, отвлекая от выслеживания дичи. Вся вода осталась на стане, в машине, мы не рассчитывали, что день так разгорится, и вместо того, чтобы наслаждаться происходящим, находясь в ожидании прилёта уток в шалаше, ещё загодя сооружённом отцом из камышей, я терпел, думая лишь об одном: как бы поскорее напиться! Чувствуя, что со мной что-то происходит, отец, нахмутив брови, строго посматривал на меня, затем опять устремляя всё своё внимание к небу... По всему видать, ему очень хотелось поохотиться на уток, а моё надоедливое присутствие вовсе не входило в его планы. Я чувствовал, что отцу от этого очень досадно, и он ничего не может поделать: не бросать же всё, отправляясь назад, к стану!

Припоминаю с трудом, как я всё-таки решился потихоньку покинуть шалаш, пока отец выцеливал очередную утку... Когда мы шли утром по пружинящей под ногами моховине, и от её зыбкости замирало сердце, я всё-таки заметил, что тут и там нет-нет да появляются дыры-окна, словно накрытые чёрным стеклом, и я подумал вернуться к одной из них. Подойти к краю такого «окна» было страшно: а вдруг моховой ковёр закачается, прогнётся под ногами, и ты сорвёшься в эту тёмную болотную бездну? Оступишься в какой-то миг, и всё будет кончено... Но пить так хотелось, что я, осторожно подобравшись к такой дыре, лёг на живот, растопырил широко руки и ноги, и пополз, а когда подобрался к самому краю и заглянул в эту черноту, то даже голова закружилась, и день сразу померк... Что-то там, внизу?!

Быстро, как козлёночек, прильнул к вяжущей пахучей воде, стал жадно глотать эту тёплую неведомую жидкость, и вроде бы, поначалу, полегчало... Чёрное водяное окно, так мне показалось, становится всё уже, ладони у самого края моховины легко провалились в воду, и я отпрянул от околдовывающего трясинного окошка, через мгновение опять почувствовав жажду. В желудке что-то заурчало, клокнуло, и потянуло поскорее возвратиться в шалаш, к отцу. Ещё, помнится, пронзила мысль: а если отец узнает – куда и зачем я ходил? Будет тогда дело... И, между тем, где-то в глубине души, не давал покоя чёрный мир таинственного болота: кто обитает на его дне, и есть ли оно вообще?!

В шалаше нестерпимо парило, летали мухи, и уже через полчаса живот схватило так, что выступили слёзы, пот ручьём лился со лба, а тела я не чувствовал. Резь пронзила его с макушки до пят, к горлу подкатилась тошнота, солнечный радостный свет затмила невесть откуда взявшаяся немочь: одна голова на плечах, да и та на ниточке!

Отец склонился надо мной, потрогал лоб, и нахмурился:

- Было бы болото, а черти будут, - еле слышно произнёс он. – Обколотят они нам с тобой, сынок, уши...

В таком отрешённом беспамятстве оказался я в этот жаркий августовский день, что поначалу намечался в воображении только радостным, непременно приносящим открытия, а вот как всё обернулось... И это в детстве, в семь лет, когда слово «забывчивость» не существует, потому как каждый миг воспринимается с восторгом, и всё же вертятся в голове неясные воспоминания, отчего-то не дают тебе покою даже сейчас, в зрелом возрасте, и ты понимаешь, что правды, пронизывающей всю нашу жизнь, позабыть невозможно. А правда была заключена в том, как любил меня, несмотря ни на что, отец, заботился, и в заботе этой забывал, конечно, самого себя, свои маленькие радости, что были для него, наверное, очень важны. А он отдавал себя мне, но плохо жить без забот, худо без доброго слова...

До сих пор неловко мне перед отцом за испорченную для него охоту, и хотя отца уже давно нет в живых, это ощущение вины никак не проходит: я словно вновь оказываюсь в том августовском дне, сидя под палящими лучами солнца в камышах, с пересохшим ртом, и чувствую, как мешаю ему. А ещё мне видится, как отец несёт меня на руках, уже совсем осоловевшего, с жаром во всём теле, и я почти ничего не чувствую и не слышу. Угадываются лишь его крепкие руки, лица касаются тёплые листья какой-то неведомой травы, в голову ударяет тяжёлый болотный дух, и уже почти потерявшего сознание, отец бережно укладывает меня на заднее сиденье газика...

- Ну и влетит тебе, Михалыч, от Маргариты Борисовны, - с доброй усмешкой замечает Сергей Иванович.

Отец же только горько улыбается, а я про себя, как в тумане, всё же сгораю от стыда. Прости меня, дорогой мой отец, за принесённую тебе неудачу!..

Х

Х

Х

Больше всего помню из детства красное лето, затем – дружную весну, и во всю свою сказочную силу захватывает мой дух зимушка-зима, но вовсе не могу вспомнить осень, будто этого времени года и не бывало. Куда же оно делось?

Когда приходил час уйти раздольной летней поре, всё моё существо, наверное, просто не готово было принять осень, даже если она выдавалась тёплая и золотая, без надоедливых дождей, и я как-то сразу ожидал новогоднюю ёлку с крутящимися на ней мандаринами, краснощёкого Деда Мороза с его вьюгами и метелями, да весёлый скрип салазок под окнами, что необыкновенно будоражил мою молодую душу задорными мечтами, которым хотелось отдаться целиком, радостно щурясь от ярко сияющего солнца, что каждый день притягивает к себе таким же здоровым весельем, с непременным желанием лететь туда, в выстуженное морозом небо, позабыв о благодном летнем довольстве и умиротворённой осенней поре...

X X X

В детстве хорошо помню то время, когда я любил играть в солдатики... Очень хотелось иметь оловянных, облачённых в разноцветную форму, с оружием в руках, но их сложно было достать, и я использовал шахматные фигуры: слоны и ладьи олицетворяли собой офицеров, кони – их боевых лошадок, а пешки – обыкновенных солдатиков. Ферзи в моей игре являлись главнокомандующими, и, соответственно, короли – верховными правителями. Сам же я в этом занимательном занятии, всё чаще, а происходило это как-то непроизвольно, представлял нечто ещё более высшее – кто всем правит...

И вот что интересно: постепенно мне необычайно нравилось именно верховодить всей игрой, ощущая себя при этом чуть ли не богом. Правда, я не называл себя им, даже не помышлял серьёзно о существовании какой-то великой силы, но, тем не менее, с глубоким удовлетворением двигал фигурками, как мне хотелось, кого-то круша, других же возводя на олимп... Приятно было это осознавать, применяя собственное всемогущество на деле, и в подобном стремлении, скорее всего, проявлялось переживание некоей значимости своей персоны, твоего внутреннего, глубоко скрытого от тебя «я», незаметно уводя от совсем ещё глупого детства...

Почему это было так важно? Вероятно, по причине неожиданного взросления, когда в один миг вчерашние игры уже не доставляют былого удовольствия. Тебе вдруг, хоть ты был ещё и мальчишка, хотелось ощущать

себя уже более зрелым. Может быть, ответственным за чужие жизни, скорее даже – за свою судьбу, и часто, устав от этой игры, я не мог не чувствовать, что ищу нечто ещё не обретённое, и его очень хотелось в себе отгадать.

Х Х Х

Разве передать матовый блеск битых кусочков сосуллек, сорвавшихся по весне с крыши, что сияли на солнце всеми переливами радуги, рассыпавшись по ледяной дорожке? Их вид, как ничто, радовал сердце в детстве, сосульки эти представляли из себя волшебные камни, и всеми ими ты мысленно владел, никому об этом не рассказывая... Даже – бабушке.

Х Х Х

Всё мне в детстве так нравилось, всё внутри себя было так живо, что я мечтал каждую вечернюю и ночную минуточку только о том, чтобы поскорее наступило утро, и можно было опять играть с жуками, бутылочными стёклышками и со своими друзьями, надеясь на то, что день этот никогда не кончится...

Х Х Х

Как это чудесно – проснуться с новой мыслью, что сегодня тебя будут провожать в школу, в первый класс... Мечта об этом полностью захватывает всю твою душу. Взрослые намечают осуществить эти проводы прямо в детском саду, ты – выпускник старшей группы, пока, но после того, как будут вручены подарки, ты уже не детсадовская мелюзга, а ученик первого класса!

Открывающиеся по этому поводу неизведанные радости начинаются с самого утра, когда бабушка готовит для тебя новый вельветовый костюмчик, блестящие ботиночки и белоснежную сорочку: все дети должны появиться в детском саду в той одежде, в какой завтра отправятся в школу. Иметь собственные книжки, цветные карандаши и краски с кисточками, пенал, - твоя прямая и радостная обязанность, всё это должны преподнести тебе сегодня. А ещё – поскрипывающий, пахнущий кожей и будущими познавательными уроками ранец, в него будут сложены и пенал, и краски с карандашами, и букварь, по которому ты вскоре выучишься читать, начнёшь

вырисовывать красивые буквы и цифры, почувствуешь себя взрослым... Разве это не удивительно!

Только открыв глаза, ты уже предвкушаешь, каким восторженным выдастся этот день! Сердце твоё бьётся радостно, оно говорит тебе, что лучшего счастья, чем отправиться в школу, не сыскать... Конечно, в школу берут, когда исполняется семь лет, и, наверное, ничего страшного нет в том, если твой день рождения приходится на октябрь, тебе не достаёт каких-то полтора месяца – никто и не обратит внимания на такую малость... Ах, как хорошо, прямо с утра, облачиться в тёмно-коричневый новенький костюмчик!

Но прежде, чем выйти на улицу, нужно помчаться в гостиную, полюбоваться на себя в большое бабушкино зеркало, блестящими от волнения глазами вглядываясь в своё отображение. Нет, непременно день выдастся прекрасным! Поскорей бы уже оказаться на этом торжественном празднике, навсегда прощаясь с наскучившим детским садом. Радость со смешанным нетерпением переполняет всего тебя, кажется, точно так же волнуется и бабушка. И вот мы, взявшись с ней за руки, идём на долгожданное торжество по усыпанной кленовыми листьями дорожке!

По пути в садик, ты то и дело приплясываешь и звонко вскрикиваешь, так что воробьи весёлыми стайками бросаются в стороны, голуби же возбуждённо воркуют, кособоко перебегая под ногами, и бабушка, совсем не сердито, а ласково замечает:

- Перестань, голубь, будет...

Ты же только радостно подпрыгиваешь и изо всей силы ударяешь обеими ногами в асфальт:

- Не перестану!

- Полно, родной, - улыбается бабушка. – У меня для тебя сегодня тоже есть подарок...

На мгновение ты забываешь о предстоящем празднике, он уже не кажется тебе таким замечательным, и ты пронзительно вглядываешься в лицо бабушки, но она будто не замечает тебя.

- Потом, - успокоено заверяет она. – Вот как вручат тетрадки с учебниками, будет тебе отрада, а моя услада – в тебе, милый... В один день и по две радости, оказывается, живут!

В садике тебя сразу окружают такие же нарядные дети: девочки – в белых передничках, мальчики – в костюмчиках, радостней этого дня, кажется, и не бывало. Все малыши невероятно довольны тем, что им предстоит: мудрёному знанию учиться страсть как хочется!

Не передать, как билось сердце в предвкушении того, о чём мечталось всё последнее время... Тоже самое, наверное, переживали и остальные ребята: они были такие восторженные и милые, всем хотелось поскорее получить долгожданные подарки, чтобы, наконец, отправиться с ними в школу, аккуратно разложить на партах сладко пахнущие типографской краской книжки, отточенные карандаши, жадно ловя каждое слово своего первого в жизни учителя. Как чудесно, наверное, узнавать неизведанное, тянуться к тому, что так увлекательно и завораживает открывающейся новой жизнью... Какой она может быть захватывающей, стоит только отворить двери школы!

С нетерпением ожидал я того момента, когда свет знаний откроется и для меня. Надежды мои представлялись безоблачными, в этом не оставалось никаких сомнений, и разве мог я предположить, что самое радостное событие детства будет омрачено участливым обращением нашей воспитательницы к тем малышам, кому ещё не исполнилось семь лет: им предстоит сесть за парты только на будущий год!

От этой пронзившей сердце неожиданности я замер, в голове помутилось, и лёгкие, кажется, сдавило от недостатка воздуха, так что откуда-то из глубины всего моего существа уже готовы были вырваться нестерпимые рыдания, но когда я взглянул на свою соседку – близорукую девочку Ларису Капельникову, то сознание моё несколько прояснилось... У неё день рождения приходился даже на сентябрь, а её всё равно не взяли, и хотя мы крепились, но выглядели из всей группы, должно быть, самой сиротливой парочкой, трогательно прижавшись друг к другу в уголке: невозможно было выразить всех наших переживаний! Это был совершенно неожиданный удар для маленьких детских сердец, могли ли мы удовлетвориться таким невыносимым выбором взрослых, попытавшихся загладить свою вину лишь двумя коробочками пластилина?!

Переболевали мы своё горе отчаянно, понутив головы, и я только сжал рукой ладошку подруги по несчастью, словно пытаюсь вернуться к заветной мечте, что так завораживающе пленяла нас весь этот день... Можно ли было найти слова, чтобы успокоить наши растревоженные души?! Совсем недавно теплящаяся в них надежда иметь собственный ранец с красочными книжками, пеналом и тетрадками в мгновение разрушилась, и это представлялось непереносимым, особенно – в детстве...

Сердце подсказывало мне, что у всех на глазах совершается великая несправедливость: нас с Ларисой незаслуженно лишают счастья! Но тут надо

мною склонилась бабушка, она никогда не баловала меня, и твёрдо произнесла:

- Ну, хорошо ли это, милый мой, что ты этак разнюнился?! Подумаешь – ранец не вручили, а я его тебе на будущий год сама подарю, со всеми принадлежностями!

- Ты только сейчас так говоришь...

- И сейчас, и потом скажу... Раз решено, значит, так и надо сделать. А пока мы с тобой будем учиться грамоте, чтобы ты от товарищей своих не отставал...

- Правда?

- Отче наш, иже еси на небеси, не иначе!

- И как читать покажешь?

- Непременно покажу. Вот завтра и начнём, ежели пожелаешь...

- Поскорее бы завтра, бабушка!

- Мы с тобой придумаем отличную игру: я буду твоей дорогой учительницей, а ты – моим любимым учеником...

Сердце бабушки, в угоду мне, неудержимо рвалось в детство, глаза её, поверх очков, светились весёлыми огоньками, и я понял, что никто, кроме меня самого, не утолит моей душевной боли, благо, у меня ещё есть любимая бабушка, и я решил ни в коем случае не сдаваться. Да и слёз уже не хватало ни у меня, ни у моей подружки, - так глубоко мы отдались своему детскому горю, с которым не сравнится, наверное, ни одно горе взрослого человека. К тому же, бабушка в этот день преподнесла мне чудесный перочинный ножик с пятью лезвиями, и всё опять вернулось к нашей обыденной жизни, что представлялась, конечно, по-прежнему необыкновенной, и слава Богу!

Х

Х

Х

Я люблю малышей, люблю наблюдать за их светлыми лицами и глазами, когда они увлечённо заняты своей игрой, кажется, ничего не замечая вокруг, и вот тогда, неожиданно для себя, вдруг открываю, что и неведомое пока для них Существование тоже приглядывается к этим чудным маленьким людям, ласково окружая их своей невидимой заботой... Разве вы этого не замечали?!

Существованием позволено нам делать всё, что заблагорассудится, с самого детства, но при этом сознание когда-нибудь должно достигнуть достаточно высокого уровня, и только поэтому, постоянно развивая его, мы здесь и находимся: повышать степень своего сознания, обретая при этом

опыт Космоса, всей Вселенной, Самого Бога, создавшего Единое Сознание. Свобода волеизъявления очень важна, без неё невозможно развитие, и эта свобода заложена в нас изначально, с детства. Сначала – только как потенциал, который, затем, непременно должен быть разбужен, востребован каждым человеком для его же пользы, чтобы жизнь стала ещё более прекрасной, и в ней открылось всё самое потаённое, созданное когда-то именно во имя человека, всей Божественной Вселенной...

X X X

В детстве, порой, жизнь бывает так хороша, что совсем не хочется приниматься за приготовление скучных уроков!..

- Как много ты знаешь! – бывало, замечу я бабушке. – Как тебе удалось всё это отгадать?

- Какой ты забавный, голубь, - ласково ответит бабушка – Ведь это не мои фантазии, а чудесная жизнь!

- Тогда скажи, что тебе в ней больше всего нравится?

- Глазки твои ненаглядные, носик, и вихор... Тербила бы тебя за него весь день!

- Разве это может нравиться? Ты придумай что-нибудь поважнее...

- Ну, если совсем серьёзно, то прижимать тебя к груди люблю... Ах, если бы ты знал, милый, как я тебя люблю!..

- Больше всех?

- Одинаково... Как и твою маму, и папу, и свою сестру бабу Женю, но тебя, глупый мой, пожалуй, пуще других... Счастье, что мы друг у друга есть!

А про себя я думаю: действительно, какое счастье быть рядом с бабушкой, лежать, прижавшись к ней, и слушать, как она выводит из какой-нибудь занимательной книжки удивительных героев, каким захочется стать и тебе, и ты уже представляешь, что совершаешь замечательный подвиг, конечно, ради своей любимой бабушки, и от этого жизнь становится ещё более прекрасной...

X X X

Чем-то неведомым раскидывается перед тобой в детстве будущее, - огромное, необозримое как весь мир, и сердце от этой его неведомой необозримости заходит в сладостном помутнении: как там всё будет, никто

тебя в этом неизведанном будущем не обидит? Нет, ты не боишься ничего, конечно, даже не представляешь пока эту его необозримость, обходясь в достатке уже тем, что имеешь, и только порой в тебе вдруг всплывает нечто неизведанное, называемое взрослыми «будущим», тотчас приобретающее образ бескрайнего неба, и ещё моря с его нескончаемыми далями, и тем, что лежит за ним...

Иногда очень трудно доискаться в жизни чего-то дорогого, о чём даже неловко пока думать, но вот неясно представляющееся в жизненном пространстве «будущее» оказывалось в детстве прекрасным только потому, что ты не мог воображать его иным, и по этой причине оно струилось над землёй, вместе с солнечными лучами, нескончаемым жизнеутверждающим потоком. Ты почему-то знал, что это чудесное будущее тебя не минует, оно непременно озарит твою судьбу не сравнимой ни с чем добротой и вниманием, с любовью заключив в свои многообещающие объятия. Разве мог ты допустить, что не насладишься им в полной мере?

Нет, это неведомое будущее исподволь чутко отзывалось в сердце на все твои душевные устремления, пока ты был занят своими неотложными ребячьими играми, и терпеливо ожидало твоего появления...

- Что такое будущее? – спросил я однажды у бабушки, и она, не задумываясь, ответила:

- Всё, что ждёт тебя впереди, только – твоё, каким ты его пожелаешь видеть...

Х

Х

Х

Музыкальная школа... О-о-ох! Учительница Бронислава Александровна желает, чтобы мои пальцы летали по клавишам, а они – еле перебиваются, и требовательный педагог, не на шутку сердясь, что у её ученика никак не выходит того, чего она требует, изредка постукивает меня по рукам пластмассовой палочкой. Поначалу я даже ничего не чувствую, но уже через минуту руки начинают гореть от нестерпимого покалывания, уши заливают краска, и я готов тоже сгореть от стыда, что из меня не складывается пианист, как того желает мама, моя учительница Бронислава Александровна, и, наверное, даже бабушка. Уж больно тягостно мне находиться в этой глухой, кажется, навечно отрывающей от необозримого мира радостей комнате, где только пианино, две банкетки, да такое же глухое окно в две рамы, из-за которого с улицы не доносится ни звука...

А там сейчас – любимые, горящие на солнце клёны, цветущие под ними бордовые флоксы, чуть овеванные сентябрьским ветерком, радостные возгласы мальчишек на футбольной площадке, задорно гоняющие порядком разбитый за лето кожаный мяч, и ещё – запах маслянистых пирожков, что бойко продаются толстой тёткой на углу, у самой школы, весёлое позвякивание трамваев и зазывные гудки автомобилей... В стенах же школы слышится лишь размеренное звучание музыкальных инструментов. Взвизгивающие завывания скрипок перемежаются с заунывными возгласами виолончелей, разухабисто рассыпающийся своими неустанными переливами баян, оказывается, вполне соседствует с монотонным заучиванием взбирающихся куда-то, в недостигаемую высоту, фортепьянных гамм, а тут тебе ещё не сдающаяся им всем флейта, будто взбесившаяся от всего этого гама душераздирающая балалайка, стремящийся казаться очень серьёзным, выражающий какой-то церковный и строгий настрой фагот, впрочем, кажется, даже пугающийся проявляемой им смелостью... Есть отчего пойти кругом голове и неокрепшим душевным порывам. И всё бы ничего, если бы не участвовал во всей этой музыкальной какофонии ты сам, в свои восемь лет!

Но более всего повергало своей околдовывающей непостижимостью сольфеджио, вокальные упражнения без слов для развития слуха и приобретения навыка читать ноты, когда произносятся их слоговые названия... Лучше бы меня колотила по пальцам Борнислава Александровна! По-видимому, не был я предрасположен к освоению премудростей музыки, в частности – обучению игры на фортепьяно, хотя и обладал недурным слухом, и уже в старших классах мог на память воспроизвести все «Времена года» Петра Ильича Чайковского, не говоря уже о «Лунной сонате» Бетховена, которую привелось даже представлять на студенческой весне, учась в университете... Но что же я мог тогда, в семь – восемь лет противопоставить искреннему устремлению мамы, всю свою жизнь посвятившую преподаванию музыки детям, и, конечно, не представляющую своего сына без любимого инструмента? В своих мечтаниях она, наверное, воображала, как из соседней комнаты разносятся по всему дому и двору серьёзные пьесы из-под рук её сына, быть может, даже вальсы Штрауса, которыми она была готова наслаждаться без конца, тогда как меня в семь лет привлекал только футбол, и я ничего не мог с этим поделать...

Беспечность моих восьми лет не давала мне возможности думать о другом, и, желая освободить себя хотя бы на день от выматывающего душу музицирования, я приноровился прогуливать музыкальную школу,

научившись подделывать отметки в дневнике, подтверждающие моё «нахождение» в музыкальной школе... Это, естественно, вполне устраивало маму, тем более, оценки я свои не завышал, ограничиваясь «троечками» и «четвёрочками», не позволяя себе пятёрки, ибо это вызвало бы подозрение. И вот, отправляясь, якобы, на «музыку», я засовывал папку с нотами в щель между гаражами, и с чистой совестью всецело отдавался любимой игре, или шёл в кино, если мальчишки во двор не выходили, а то пойду в зоопарк, забывая среди зверей обо всём, хотя бы они и находились в клетках...

Но не суждено было оставаться не раскрытым моему обману, и Бронислава Александровна, заметив частое отсутствие своего ученика, конечно, позвонила маме, после чего продолжилось моё музыкальное образование, в котором я овладевал искусством достижения стройных и согласных сочетаний звуков, наверное, незаметно для себя обретая в душе гармонию. И я по-прежнему ходил в школу, помимо ранца за плечами, таская в руках ещё и большую папку с нотами, участвовал в хоровом пении, играл в четыре руки с сероглазой девочкой Наташей, что не могу забыть до сих пор, и Бронислава Александровна, неизменно, в запальчивости от моего неумения или худого старания восклицала: «Ты разве по нотам играешь эту музыку, написанную для тебя вот этими знаками?! – Она раздражённо тыкала пальцем в нотную грамоту, так что та съезжала на пол, и я, пыхтя, лез её поднимать, натываясь на истёртые металлические педали... - Фор - те - пья - но – не только громко, но ещё и пи - ано, мягко!...»

Легко людей учить, коли сам грамоту освоил, думаю я, а ежели она мудрёная, как тогда быть? Нет, видать, права Бронислава Александровна, когда говорит, что умный любит учиться, а дурак – учит. И всё же, я учился, но больше терпению, нежели музыке, так у нас с моей учительницей выходило, и я теперь благодарен, в первую очередь, её выдержке, что отданного в ученье мальчишку, не имеющего особого призвания, она стоически терпела, и кое-что он всё-таки в игре на пианино уразумел...

- Нам ученье ничего, - устало улыбаясь, сообщила Бронислава Александровна моей маме, - только очень тяжело! Покуда терпим долг наш ученический, - и она снисходительно взглядывала на меня, отечески поглаживая по голове. - Да не знаю – надолго ли нас хватит?!

Я же, понурившись, смущённо улыбался при этом, и лишь позже, через много лет, понял, что ученье лучше любого богатства, тем более – на фортепьяно! Брониславы Александровны давно нет в живых, но я всегда вспоминаю её с благодарной улыбкой, и совсем не держу обиды за то, что

она иногда постукивала по моим пальцам своей волшебной палочкой: иначе до нас разве достучишься?!

Х Х Х

В детстве, иногда такое случается, хочется наполнить не совсем весёлую и не всегда интересную жизнь своим богатым воображением, и сердце при этом заходится от счастья, непременно подсказывая какое-нибудь замечательное решение, отчего жизнь опять становится интересной и захватывающей, и ты уже не веришь в то, что она может быть иной...

Х Х Х

Таящийся в ребёнке таинственный волшебный мир непременно должен стать не менее прекрасной явью... Взрослые обязаны помочь в этом маленькому человеку, помните об этом, родители. Это - ваш долг, не допустите, чтобы ребенок почувствовал себя однажды в этом мире одиноким и никому не нужным. Существование внимательно наблюдает за вами, за тем, чтобы радостные надежды и ожидания вашего малыша обязательно сбылись, отчего и вас после этого будет ожидать только хорошее, доброе грядущее, и вы, как в детстве, с младенческой ясностью переживёте восторженное слияние с бесконечной Вселенной, и ваше сердце будет биться в такт её божественного ритма... Молитесь на своего ребёнка, и верьте в него!

Х Х Х

... Неслышно плывут по небу моего детства большие перистые облака, как лебеди, а я смотрю на них, сидя в бабушкином саду, на лавочке, и, обхватив колени, ни о чём не думаю. Просто смотрю, и душа моя просится лететь вместе с ними, в дальние дали, неизвестно зачем, с каким-то сладостным томлением предвкушая прекрасную встречу с чем-то неизведанным, но таким манящим, что я ничего не могу с собой поделаться, совершенно отдавшись своим мечтам, тоже, как белые лебеди, уплывающие в далёкую неизвестность. Что-то ожидает меня там?.. Хорошо бы - огромные неизведанные силы: они непременно ждут меня, я знаю, чтобы, верно, наполнить настоящей красивой жизнью!

Вам, конечно, приходилось наблюдать, как беспечно улыбается в своей кроватке младенец, ему от роду шесть-семь месяцев, он ещё ничего не ведаёт о жизни, об её непросто́м устройстве, но, тем не менее, счастливо улыбается. Благодаря чему в себе он это делает? Почему так счастливо и радостно расположен ко всему, что его окружает? Что вынуждает ничего не ведающего о существовании маленького человека воспринимать этот мир в гармонии с ним, благо́стно?!

Всё прекрасно и волшебно на свете для него потому, что в ребёнке тлеет божественный огонёк, связывающий его с бесконечной Вселенной. Ему в ней всё удивительным образом нравится, и так он должен относиться к божественному Существованию до конца своих дней, до самого последнего мига, воспринимая окружающую его действительность как в детстве, с улыбкой, несмотря ни на какие перипетии жизни, чего бы в ней у него не случилось. В этом - его наиважнейший долг и смысл, незаменимое ничем божественное присутствие, когда ты сохраняешь своё чистое детство не тронутым, незамутнённым, именно – божественным.

Вы спросите: как этого достигнуть? Как научиться ожидать от жизни только милых неожиданностей и сюрпризов? А вы просто попробуйте быть счастливым, вернее, станьте им, только и всего! И тогда, вот что удивительно, уверяю вас: жизнь по какому-то чудесному мановению волшебной палочки непременно в изобилии рассыплет перед вами все блага и радости...

А то ещё лучше – влюбитесь... Да, именно полюбите какого-либо хорошего человека, посвятив ему все наилучшие устремления своей души. Почувствовав привязанность к избранному вами человеку, вы вскоре обязательно переживёте и благодарность к нему за возникшие в вас ощущения, в корне изменившие ваше восприятие жизни: оно, несомненно, претерпит самые неожиданные перемены. Каждое утро вы будете встречать с радостью, это станет вашей привычной чертой, а все прохожие на улице начнут казаться вам чудесными людьми, - как вы этого не замечали раньше? Признайтесь, вы ведь даже не представляли, что подобное возможно?! То есть – постоянное переживание неопи́сываемого счастья, когда решительно всё в вашей жизни обстоит на удивление хорошо. Чувство влюблённости принесёт вам непередаваемое ощущение смысла, так что вы позабудете о том, что совсем недавно доставляло какую-либо неудовлетворённость.

Словом, вы превратитесь в иного, несомненно – счастливого человека. Как же вы могли ранее обходиться без любви, без заботы о любимом человеке, и разве не счастливчик вы, что именно так обернулась ваша жизнь? И всё благодаря любви, любви к другому человеку, о существовании которого, совсем недавно, вы даже не подозревали...

Что и говорить: любовь – великое чувство, вы на него решились, и вот, теперь, счастливы, и радость переполняет каждый ваш день. И вас, конечно, нет-нет да посещает недоумение: отчего вы не влюблялись раньше, не понесли в сердце ответственность за любимого, отдавая ему себя полностью, как в детстве, с неизменным чувством преданности и любви?!

Х Х Х

В детстве я мечтал прочесть все книги, какие имеются на свете, а когда прочёл очень многое, правда, уже будучи взрослым, то стало немножко грустно, что всё это интересное чтение закончилось, и больше уже никогда не повторится, но я не унываю, как в детстве, потому что не все книги прочитал, и на мой век ещё, слава богу, хватит!

Х Х Х

Знаете, и ребёнку порой становится отчего-то до отчаяния грустно, сердечком своим трогательным он уже чувствует жизненную несправедливость, не решаясь ей противостоять, потому, как пока не в силах уразуметь и принять присущее жизни неустройство, и грустит в одиночестве, на которое его обрекают взрослые, и не у кого ему попросить совета...

Вот и я, сижу узником в детской, выходить из неё мамой не велено, а ещё вернее – стою в углу, уставившись в стену. Со мною - мечты об освобождении, о том, что будет, когда наказание, наконец, с меня снимут, и я опять, со всей радости, побегу во двор, к мальчишкам... А потом, весёлой ватагой, мы подадимся на речку, через лес и кладбище, где в родительскую субботу православные люди оставляют на могилах родственников шанежки и конфетки, святое приношение, и мы им иногда с удовольствием пробавляемся... Единственное, что нельзя отнять у меня, даже взрослым, это – мои мечтательные мысли... Чего мне ещё остаётся?

В этих чудесных видениях, находясь в «заточении», присутствовало всё, что превращало жизнь в праздник: воздушные змеи, ими мы состязались, по очереди, в небесной вышине, «чикая» за верёвочки, привязанные к гайке,

так змеем было удобнее управлять; футбольные баталии, когда за гаражами, на небольшой полянке, без усталости гоняли разбитый кожаный мяч; упоительные купания, с головокружительными прыжками прямо с обрыва, в желанную водную бездонность; походы в лес, в самую чащу, где непременно сооружали шалаш и жгли костры, тайком покуривая закрученную в «козьи ножки» сладкую махорку... Табачок казался именно сладким, приятно дурманящим наши буйные головы. Околдовывающая воля ещё не испробованного, того, чего только хотелось испытать, расстилалась перед нами, и разве можно было осилить в сознании эту безграничную свободу, а вместе с ней – душевную боль за причинённую по отношению к тебе несправедливость, когда лишали самого главного для мальчишки, и во имя чего? Ради какого-то несущественного проступка, когда ты забывал сходить в магазин, за молоком, или приносил из школы худую отметку?!

В эти скучные, какие-то обездоленные часы стояния в углу, в одиночестве, время текло мучительно долго, так что и настенные часы, кажется, тоже замедлялись, маятник как будто нарочно застывал на мгновение, и словно тяжело вздохнув, возвращался в прежнее положение. За окном проглядывали копошащиеся на лёгком ветру свежие листочки, но и они воспринимались какими-то неживыми, подверженными, вместе со мной, неизъяснимой грусти... Нет моих забав, их у меня незаслуженно отняли, и когда же, наконец, наступит тот волшебный час прощения, после чего необычное и радостное вернётся в мою жизнь, повсюду заиграют солнечные краски, и всё вокруг станет другим, каким оно было и раньше, если бы меня не наказывали попусту взрослые, желая таким образом достичь для себя, якобы, не достающего им покоя?!

А там, на улице, так чудесно пахнет распускающейся черёмухой и сиренью, и весь этот животворящий дух врывается в распахнутую форточку, единственную мою связь с волей. Видать, родители нарочно оставили её раскрытой, чтобы сильнее помучить, но за что мне это наказание, ведь уж который час стою я, воззрившись на голую стену? Горько на душе, кажется, все тебя забыли-покинули, никому нет дела до твоих мучений, ей-богу!

Но ничего, придёт время, и всё самое весёлое окажется со мной, - не без торжествующего внутреннего удовлетворения размышляю я. И время тоже обернётся не застывшим, еле тянущимся, как патока, существованием, прокрадываясь будто исподтишка, по чьему-то несправедливому разумению, а раскроется чудесным цветком, преобразившись в радость. Так будет, я знаю, и на душе отчего-то становится хорошо, покойно, и сердце уже не донимает так остро обида, и слёзы незаметно высыхают. Они обязательно

запомнятся, навсегда, но не для того, чтобы с упоением нести в себе несправедливо причинённое тебе огорчение, хотя бы и самым родным человеком, а чтобы благодаря пережитому накопить в себе осознание: не оставляй на краю жизненной дороги своё детство, чего бы в нём ни случилось, ибо потом, когда-нибудь, ты обязательно отыщешь в жизни всё самое ценное...

И я тихонечко, еле слышно произношу:

- Ма - ма...

Х Х Х

В сказку про горох, что дорастает до неба, я в детстве верил. Очень явственно представлял себе, как завиваются его стебельки и листочки по нашему шкафу и стенам, пронизывая своими зелёными щупальцами потолок, вылезают на чердак, вскоре преодолевая и крышу, а там уж и до неба недалеко... Где-то в глубине себя, несмотря на возраст, отчётливо понималось, что на самом деле дорасти до неба горох не сможет, но сказочная сила в нём живёт необыкновенная, способная на что угодно, и вот здесь, в бабушкиной комнате, я этот необыкновенный горох очень хорошо видел. Горох заполнял собой всё домашнее пространство, и я был поражён его жизненной мощью, не ведающей преград, сам бы хотел вот так же неудержимо струиться туда, куда захочу, и мне было приятно верить в сказки, верить в то, что доберусь по этому гороху выше самых высоких небес, и буду всё лезть, лезть, лезть, пока не попаду к Богу... А потом – ещё дальше, в бесконечную космическую необозримость, что до сих пор воображается мне прекрасной.

Х Х Х

Необыкновенно тепло становится на душе, когда думаю о милой бабушке, и тогда милыми становятся все времена года, наша улица, где мы с ней гуляли, утро и вечер, каждый божий день, и даже неизъяснимо далёкие и загадочные светила в ночном небе, что я верю, когда-нибудь достигну...

Х Х Х

Далеко не всякий человек знает, что в нём горит святой божественный огонёк, и хорошо почувствовать его с самого детства, бережно неся в себе всю жизнь, и разжигая большой, настоящий огонь...

Х Х Х

Заповедовала мне бабушка в детстве иконку, Богоматерь Казанскую, что стояла у неё в божнице, в красном углу, спокон веков: вся чёрная от времени, кажется, даже закопченная свечным тревожным пламенем, облизанная бабушкиной заботой и нескончаемым вниманием. Кто только не предлагал ей уступить эту иконку, однажды даже один попик позарился на Матушку Богородицу, да во время одумался. Всем бабушка отказывала.

«На церкву только уступлю, - говорила бабушка, - ведь это – Милосердие Господне, разве им сторгуешь?! Вот разве что Борюшке завещаю, внучку своему, ангельской душе...»

А Богородица, хоть и не ясная ликом от времени, толком не разглядеть, была ухоженная теми, кто ей долгие годы владел... Оклад на ней почищен, лампадки по бокам на шёлковой тесьме, и подлампадки, хоть и старого литья, а как новенькие, с херувимчиками... Сама иконка – на голубом подбое, в золотых крестиках, и от всего этого заботливого и ненадоедливого бабушкиного надзора Богородица будто даже светится, взирает покойно и блаженно, так что на сердце становится также покойно и благостно, хорошо. Вроде бы, и не богатая, а дороже не сыскать, несёт в себе божественное исстари настроение, таких уж сейчас не отливают, да и не пишут: ни за что нигде не встретишь. Тихо сияет тёплым золотом, смотрит на всех ласково, как может только Она, Пресвятая Богородица, несущая радость и божественную любовь, завещанная мне родимой бабушкой...

Х Х Х

Люди, читая мои книги, получают радость, а я не могу ей с ними не делиться. И я не согласен с тем, что книги ничему не учат... Благодаря настоящим книгам, что хочется перечитывать, люди обретают уверенность в себе, такие книги пробуждают в них решимость жить по-настоящему, становясь самими собой, постоянно повышая своё сознание, - единственное, что действительно связывает нас с Богом, и как хорошо, когда начинаешь эту работу над собой с раннего детства!

Х

Х

Х

Я – смелый человек, до отчаяния смелый, и понял я это ещё в детстве, когда маленьким мальчишкой бросился с обрыва в реку, следуя за старшими ребятами... Бросился - и пошёл ко дну, даже не помышляя при этом, что они могли бы издеваться потом надо мной из-за проявленного неумения, и уж тем более о том, что могу утонуть, а скорее переживая в душе желание, ничего не страшась, познавать открывающийся повсюду мир, к которому испытывал неопишемую любовь и радость.

Но погружение в жизнь, как я понял позже, ещё круче, чем погружение на глубину, потому что Вселенная бездонна в своём бесконечном, никогда не повторяющемся развитии. Я совершал и совершаю это погружение всегда, твёрдо зная: не прекращающееся обновление, дарованное Существованием, ведёт всех нас к неизвестной, но благословенной возможности постигать и себя, и прекрасный мир, и нашего невидимого, но глубоко чувствуемого Господа...

Х

Х

Х

Помню, отец впервые взял меня в лес, постоять на тяге вечернюю зорьку... Отцу отчего-то вздумалось показать мне, как тянет по весне над лесом вальдшнеп – птица с длинным носом, и ещё как токует высоко в небе маленький куличок-бекас. Токует как-то необычно, рассказывал он, подобно тому, как блеет барашек, и мне очень хотелось увидеть этого неведомого «барашка», и услышать, как он «блеет»... Ни о чём ином я уже и думать не мог.

Поначалу отец только обещал мне, что возьмёт с собой в весенний лес, весна в ту пору во всю размахнулась по земле, и я с нетерпением ожидал это событие, каждый день спрашивая отца:

- Сегодня поедем в лес?

Когда я думал о том дне, что мы с отцом отправимся в лес, мысли о нём затмевали всё остальное, и становилось так, будто мне совершенно нечем жить, кроме этого самого леса. Только бы побыстрее настал час встречи с природой, где, мне казалось, не может быть ничего худого или скучного, а всегда пребывает глубокий смысл и интерес к жизни, отсутствует глупость и непонимание, как это происходит между людей. Я верил, что увижу маленькую птичку бекаса, и отгадаю, почему он «блеет барашком», как рассказывал отец. Думы о лесе почему-то очень обогащали меня... Думая

о нём, мечтая почаще там бывать, я словно запасался добрым настроением на всю жизнь.

Вот, скажем, весна... Каждый день её несёт нечто неповторимое, чего ещё не было, тем она и прекрасна. Всё удивительно радостно в её нетронутой девственной природе, куда нестерпимо влечёт и свежая зелень берёз, сотканная из тоненьких клейких листочков, и тепло открывающейся земли, ударяющее со всего маху прямо в лицо, и оглушительные запахи молодых трав, а приходится отправляться в школу, затем – учить уроки и возиться дома со всякими неинтересными и ненужными делами. Вот бы стать свободным, как молодой весенний ветер!

Мысли о лесе вызывали во мне какое-то душевное успокоение, было очень приятно представлять своё лесное уединение, даже – лесной уют, хотя я ещё ни разу и не бывал в лесу, но всё же обладал необъяснимым для себя внутренним знанием о нём... В этом восприятии леса куда-то улетучивались все мои мальчишеские огорчения, забывалось нечто неприятное, то, что беспокоило, а благодаря растекающейся повсюду весне обострялись все чувства и запахи, они как никогда будоражили воображение: одно яркое видение сменяло другое, да и ощущения, кажется, становились глубже... Как это было заманчиво: ожидать поездки в весенний лес, на охоту, впервые в жизни!

И вот, наконец, у нашего дома притормаживает газик, затянутый в выцветший брезент, сладко пахнущий бензином и пылью, именно – лесная машина! У отца уже собрано ружьё и ягдташ, он стоит передо мной в болотных сапогах, шляпа лихо заломлена на затылке. А все мои мысли уже давно – в лесу, где синевато-мглистая дымка мягко стелется над дышащей сыростью землёй, весне в лесу тепло и уютно, и повсюду возникает какой-то неведомый шум. Я почти слышу его, до такой степени возбуждают меня мечты об охоте, о загадочном куличке бекасе, о его ещё не слышимой мной песенке в небесах, а не на земле. Скоро мы приедем в лес, остановимся на какой-нибудь укромной полянке, и весь прозрачный, насыщенный влагой воздух над ней будут пронизывать трели дроздов, зябликов, пеночек и синиц... Разве задумаешься тут о чём-либо ином, чем о пробуждении природы, где невероятно много всего, и хочется видеть ещё больше, отправляясь за знаниями о лесе всё дальше и дальше...

И действительно, между пушистых ёлочек выплывают какие-то прозрачные видения, мох под ногами цветастый и мягкий, словно бабушкино одеяло, он расшит бордовыми огоньками прошлогодней клюквы и брусники, а сырые пни кружат голову ароматом только что освободившейся от снега

древесины. Ясен весенний свет, поднимающийся над расправившей плечи землёй! Течёт весеннее тепло по лесу, а я его впитываю полной грудью, и отчего-то за всё благодарю. Радостно сердцу видеть и чувствовать происходящее вокруг, и ничего при этом, что я маленький: ничто не скроется в лесу от моего внимания, всюду я увижу ум природы и её силу!

Всё в лесу кажется чудесным, даже – игрушечным, как на новогодней ёлке... Капельки на ветвях деревьев представляются светящимися фонариками, а влажные коренья и пни издают аромат, что дурманит голову слаще мандаринов. Перелетающие же повсюду птички – словно праздничные украшения. До чего же хорошо в весеннем лесу: весной обязательно увидишь в нём что-нибудь новое!

Вокруг меня, уже на самом деле, призывно пощёлкивают дрозды, любопытные гаички забавно надувают щёки, неумолчно насвистывают, снуют с ветки на ветку, так что не сразу их и разглядишь, бойкие зарянки не в силах сдержать своего растревоженного весной сердца и восторженно заливаются на вершинках ёлочек, задористо запрокинув головки. Обо всём забываешь, увлечшись безудержным перепархиванием чудесных птах... Вот бы и мне так попробовать, живя в диком лесу и наслаждаясь весной!

Отец стал рассказывать мне про всех этих птиц... Вот горихвостки, они называются так потому, что вспархивая и подёргивая в полёте хвостиком, обозначают под ним огненные перышки, алыми шапочками красуются вездесущие и шумливые щеглы, кругленькие желтовато-пегие овсяночки, будто обсыпанные спелыми зёрнышками, тоненько посвистывают в свои невидимые дудочки, ловко перелетают по обочинам раскисших дорог... Красота! Про многоголосых весёлых жаворонков я и не говорю: задрав головы, мы с отцом вглядываемся в их головокружительное парение в вышине, не в силах оторвать взгляд.

Чем выше солнце, тем больше птиц в весеннем лесу, веселее и восторженнее вокруг, и восхищённые жаворонки, кажется, поддерживают на ниточках своих трелей всю просыпающуюся землю. Но вечером, когда затаившийся поблизости овраг наполняется ещё большей тайной, и птичья музыка потихоньку замолкает, на небо, неведомо откуда, взбирается крохотный куличок – бекас. Его не сразу и заметишь там, в подёрнутой радостной дымкой вышине, и не услышишь за ещё задорными возгласами дроздов и утробным постаныванием вальдшнепа, обозначившего своим появлением начало знаменитой тяги, но он уже нашёптывает лесу какие-то свои, особенные слова восторга от всего происходящего, и постепенно эти еле улавливаемые слова складываются в своеобразную песню...

Откуда-то сверху, действительно, как будто кричит «барашек»: какой он? Я пытаюсь рассмотреть в бездонном весеннем небе хоть что-то, но тщётно. Отец склоняется ко мне, обнимая за плечи, и увлечённо шепчет на ухо, другой рукой указывая туда, в вышину:

- Видишь?!

Поначалу я ничего не могу разглядеть, от роящейся над землёй пахучей дымки слезятся глаза, а песенка невидимой птички с каждой минутой становится всё сильнее, чаще. Отец только улыбается, присаживаясь на пенёк на краю оврага.

Я же ничего не слышу и не вижу, весь подавшись туда, в небо, угадывая сердцем мелодию всеобщей любви. Маленький, в свои семь лет, я уже понимал красоту жизни, чувствуя и воспринимая её, как и собственную, словно это был нескончаемый праздник. Праздник совершался и вокруг, весенний лес пленил моё детское сердце, что билось в груди так же трепетно, как и махонький куличок-бекас в бездонном апрельском небе. До него не дотянуться, я это понимал, но и отказать себе в возможности вознестись туда душой – я был не в силах... Какое-то безграничное счастье охватило всего меня, будто я уже жил однажды весенним лесом, наслаждаясь его многообразием, желанием, никого не удивляя, просто быть, и я восхитился всем происходящим, чего ещё, вроде бы, не видел в своей короткой жизни, но почувствовал и принял мгновенно.

Оказавшись в весеннем лесу, сердце твоё непременно встрепенётся, как птица, всего тебя обдаст весёлая свежесть, и ещё более любо станет жить. Будто от тебя давно скрывали эту чудесную жизнь, сберегая как подарок, а однажды взяли и подарили: какое счастье!

Погода – славная, всё тебе с радушием в лесу открыто, лесные обитатели словно только и ждали твоего приезда, готовились, и теперь всеуслышание превозносят торжество жизни, разливая его повсюду и делаясь с тобой своим восторгом. Вольно, не как в городе, дышит грудь, бодро чувствует себя всё тело, и ты крепнешь вместе с живительным дыханием весны!

Воздух напоён ароматом только что оттаявшей земли, медовым запахом распустившихся барашков на вербе, свежей горечью коры и мокрых лозин. Мириады алмазных капелек блестят и алеют на солнце, что восторженно осматривает напоследок свои владения, радуется всему, что происходит вокруг. Голова кружится от избытка благоуханий, чувствуется близость какого-то удивительного праздника, и ему, ты об этом откуда-то

уже знаешь, не будет конца. Боже, как весело сверкает всё вокруг, как чудесен чистый апрельский вечер!

Ничто не мешает человеку быть в нём счастливым, сливаясь душою со всякой трогательной былинкой, и сегодня я узнаю – кто такой вальдшнеп, и что это за бесстрашный куличок, реющий в небесной вышине и разносящий повсюду волшебные звуки, напоминающие бляение барашка. Несмотря на вечер, ясен становится воздух, он будто торжествует, прежде чем вскоре потухнуть и скатиться в глухие лога, тогда как вальдшнеп только намечает свой завораживающий полёт, а куличок-бекас взбирается на ещё сияющую небесную вершинку, провозглашая свою быстротечную весеннюю любовь. Весной невозможно не быть счастливым, тем более, если тебе, всего лишь, восемь лет!

Чудесен и незабываем вечер в весеннем лесу... Радостно струятся по нему говорливые ручейки, дороги оттаяли, но стоят ещё сырые, не отошедшие от недавней снежной мягкости, резко ударяющей в нос, почки на деревьях надулись и вот-вот полопаются, наполняя воздух неясным шёпотом. На славу потрудившееся за день солнце, тем не менее, норовит заглянуть в самые укромные уголки леса: безудержно растекается по всей земле весна, ширится её жизнеутверждающее начало...

Утомившись от ходьбы, мы присаживаемся на пенёк. Всё в освободившейся от снега природе просто, кажется, что и все тайны сейчас точно также легко и просто откроются перед нами, и лес примет нас как своих давних знакомых...

- Сейчас отыщем место где-нибудь подле опушки, чтобы непременно – полянка с мелким березнячком и ёлочками, и осмотримся, - с затаенным духом произносит отец. – Будем ждать, пока вальдшнеп не потянет. Для нас, охотников, особенную прелесть имеет этот незабываемый час заката, когда самец устремляется за самкой. Летит неслышно над самыми берёзками, только по голосу его и угадаешь...

- Какому?

- Хор-хор, цвиг-цвиг, хор-хор, цвиг-цвиг, - отец попытался изобразить песню неведомого для меня вальдшнепа.

Облюбовав небольшую полянку на краю укромного ложка, отец неспешно обошёл её и остановился у опушки. Место показалось ему удобным, и он, восторженно оглядев лес, в удовлетворении произнёс:

- Хорошо?!

Неугомонные дрозды с утробным квохтаньем перелетали с дерева на дерево. Они словно купались в напитанном душистой прохладой воздухе, не

в силах утолить своей жажды к жизни. Где-то далеко за лесом прокатился отдалённый гром, воздух чуть тронулся, всколыхнулся, и будто окончательно пробудился...

Здрав голову к небу, отец что-то долго разглядывал в нём, и затем, вдруг с какой-то сдержанной радостью, тихо промолвил:

- Вот и Венера объявилась... Видишь – самая яркая звёздочка?!

Венера, теперь я это знал, красивым белым зёрнышком ещё ярче вспыхнула где-то в вышине, и вокруг стало как-то уютнее, теплее... Дрозды по-прежнему посвистывали в свои невидимые дудочки, глухо постанывали в болотистой низинке лягушки, и небо будто поднялось и выгнулось над лесом, так, что от земли потянуло промозглой прохладой...

Истомившись в ожидании, когда появятся вальдшнепы, я всё не решался спросить об этом у отца, а он только улыбался чему-то про себя, меня же знобило от нетерпения: когда же, наконец, появятся эти чудесные длинноносые птицы, или покажется в небе ещё неизвестный мне маленький бекас?!

Не в силах усидеть, я подымаюсь, весь напрягшись, и вслушиваюсь во внутреннюю тишину леса... Впрочем, она наполнена нескончаемым лепетом птиц, он сливается со струящимся влажным воздухом, румяное небо подёрнуто синеватой дымкой, и тёплая сырость незаметно забирается в рукава моего старенького пальтишки... Берёзки с ёлочками, кажется, засыпают, а их верхушки быстро тускнеют на фоне зеленеющего неба, но в лесу ещё много жизни, хотя птицы тоже незаметно примолкают, посвистывая уже как бы для порядка, сонливо. У меня сна – ни в одном глазу, ведь отец впервые взял меня на тягу, и сердце моё томится ожиданием... Когда же появится над опушкой длинноносый вальдшнеп, ловко выпорхнет из-за тёмного леса на своих проворных крылах, и отец ударит по нему хлёстким выстрелом из ружья? Мне очень хочется увидеть подбитого отцом вальдшнепа, подержать его в руках, и, может быть, если повезёт, услышать маленького бекаса, бесстрашно забирающегося высоко в небо. Весна, будто отпущенная кем-то на волю, обнаруживает особое видение жизни, доселе мне неизвестное...

- Вальдшнеп летит, обычно, как бы с потяжкой, - вкрадчиво объясняет отец. – Слово ему что-то мешает набрать в полёте полную силу, и этим пользуется наш брат-охотник: смотри, не медли!

И я смотрю, с трепетом вслушиваюсь в пение неутомонных дроздов, чьё возбуждённое квохтанье разносится повсюду. Где-то поблизости

слышится чьё-то монотонное постанывание, и околдованный этими звуками, я вопрошающе взглядываю на отца...

- Дикий голубь, витютень, воркует! - пока чем-то неизведанным для меня восторгается отец. Но мне и самому отчего-то становится радостно.

- Чуфы-ы, чуфы-ы, чуфы-ы, - уже из-за леса доносится до нас приглушённое бормотание, и я опять в удивлении вскидываю брови...

- Тетерев-косач вечернюю зорьку провожает, - улыбается отец.

«Сколько же неизведанного кроется в лесу!» - в восхищении думаю я, и с замиранием сердца вслушиваюсь и всматриваюсь в проистекающую вокруг жизнь. Что-то шуршит, попискивает под ногами, и я вдруг замечаю под корнями пенька робко высунувшуюся лесную мышь. Не объять всего, что происходит в весеннем лесу, но всё более сгущается подступающая тишина...

Уже по-вечернему тихо и прохладно становится под деревьями, а от земли в лицо ударяет пряная сырость. И вот, нарушая наступившую тишину и утробно похоркивая, обласканный последними лучами закатного солнца, появляется над нашими головами первый вальдшнеп... Он и вправду, на секунду как бы приостанавливается в воздухе, а затем медленно тянет над сиреневыми верхушками берёз. Отец, не стреляя, даёт мне посмотреть на его полёт: ещё никогда не доводилось мне видеть такую необычную птицу!

Длинноносые вальдшнепы один за другим непрерывно тянут над лесом, страстно хоркают и цвиркают, некоторые из них неожиданно сваливаются на землю, но их уже не видно, потому как снизу, из оврагов, поднимается синий туман, скрывая любовную игру загадочных птиц. Про любовь мне ещё ничего неизвестно, но страсть, с какой птицы бросаются друг к другу, и во мне вызывает необъяснимое чувство восторга от происходящего вокруг, того, что представляется важнее всего: неудержимое стремление жить.

Тяга же всё более разгорается, хотя лес уже тёмн, и только небо по-прежнему светлеет багряным выпуклым стеклом, отчего ещё хорошо заметны на нём хоркающие и цвиркающие птицы, сначала вводящие, а потом выводящие из сладостного оцепенения. Очередной вальдшнеп неожиданно налетел на нас так близко, что отец мгновенно ударил по нему, и птица бухнулась прямо нам под ноги, уткнувшись длинным носом в пожухлую траву. Я держал в руках его пепельно-рыжую тушку, ещё тёплую, трепетную, не в силах сдержать гулкового сердцебиения...

И тут же мы увидели, как мелко подрагивая крыльями, вдоль опушки, где мы стояли, совсем низко летит другой вальдшнеп, затем – ещё один,

третий, и почти над ухом полыхнул сноп огня во тьме, а вальдшнеп резко вывернул в сторону, и в следующее мгновение скрылся за лесом. Отец радостно рассмеялся, в волнении переломил ружьё, и из ствола потянулся сизый дымок, приятно щекочущий ноздри стрелянным порохом, отчего всё моё существо охватывает дикий восторг. Наконец-то и ко мне пришла настоящая охотничья весна!

- Слышишь, играет? – вдруг опять встрепенулся отец.

Я оцепенело вслушивался в неясные звуки, пронизывающие настоянный на травах и кореньях воздух, но от волнения песенку бекаса разобрать не мог. Мы слышали звучание ручьёв, голоса просыпающейся земли, безудержные переливы птиц, и весь этот восхитительный мир, впервые открывшийся передо мной, совершенно меня пленил. Жизнь великодушно одаривала нас невообразимым счастьем!

- Заметить бекаса не просто, - говорит отец. – Он – мал: даже самая мелкая дробь при охоте на него прозвана меж охотников не иначе, как «бекасиная». Бекаса выделяют только длинные ножки и нос, и это позволяет куличку быть неуязвимым. Но, не отличаясь ярким окрасом и внушительными размерами, он очень живой: маленький, почти не видимый с земли, бекас в полёте храбро распушает свой крохотный хвост и перья, так что им невозможно не залюбоваться. Все весной, даже самые маленькие, хотят петь и быть неотразимыми!

Отец восторженно вглядывался в небо, придерживая рукой шляпу.

- Бекас чуток, наверное, потому, что именно маленький, а малого, как известно, всяк может обидеть... Вот он и забирается повыше в небеса. Видишь его?

И тут я разглядел, как бекас с трепетом проваливается в небесной вышине, и по всей пробуждающейся от зимнего сна округе рассыпается тонюсенькое звучание от его взбудораженного весной полёта, так ощутимо угадываемое обострённым слухом: весь я был – воплощённое внимание, ни один звук не мог миновать моего вкрадчивого интереса. А лес был налит какой-то невероятной силой, предвечерний свет в нём показался мне особенным, он не был похож на тот, что зарождается утром: сквозь вечерний воздух в природе проглядывало что-то, присущее именно весне...

- Заметил, что летает он как бы зигзагом?

- Почему?

- Бекас по весне не отъевшийся, как осенью, и потому – лёгкий, и так же легко он бросается то в одну, то в другую сторону. Его часто можно увидеть в наклонённом положении, когда он несётся вниз, повёртываясь с

боку на бок, - так он, по-видимому, играет, то есть – токует, и подстрелить его охотнику бывает очень не просто. Бекаса не назовёшь смирным: его, как раз, отличает неуловимость, даже, скорее, непредсказуемость в поведении, и это поведение хорошо выражается в чудном полёте проворной птицы.

- Если бы не песенка, его и не заметишь, - замечая я.

- Этот бекас, вроде бы, ничего из себя не представляет, он – самый крохотный из куличков, и об этой птице мало кто знает. Только охотники, да и то не все... Обычно бекас играет невысоко, но вот завидев охотника или зверя – тотчас устремляется ввысь. Эта способность возноситься в недостижимую для многих птиц высоту - заметно отличает бекаса от них, подчёркивая в нём какое-то свободолобие, чуть ли не отчаянную игривость. В этом – своеобразии бекаса.

- И что он делает потом?

- Наигравшись в вышине, под облаками, бекас обыкновенно спускается на землю, присаживается на кочку или какую-нибудь отдельно стоящую сушину, и продолжает свой ток криком: «таку-таку, таку-таку, таку-таку-у...» И верно, разглядеть бекаса, даже на земле, можно лишь заслышав его песню, что чаще всего напоминает бляение барашка.

Бывало, бредёшь ночной порой на глухариный ток, запинаясь о невидимые кочки, окружающая парная темень жарко дышит в лицо, и в этой липкой темноте задумаешься о чём-нибудь, а крик вот такого бекаса над самой головой вдруг выведет из охватившего забытья, заставит остановиться и неожиданно отвлечёт от разных дум.

- А почему бекас кричит как барашек?

- Куличок стремительно падает в необозримой вышине, невидимые перышки на его крыльях вибрируют о воздух, и кажется, будто совсем рядом блеет барашек. Но своё «бляение» бекас производит не только перьями на крыльях, но и хвостом. Подобные звуки издают ягнята – молодые барашки, когда по весне крестьяне выводили их в поле на выгон. Кто-то из них, наверное, однажды услышал, что издаваемые животными звуки напоминают порхание бекаса в небе, и с тех пор повелось такое поверье, что бекас «блеет» как барашек...

А ещё бекас не любит дождик и ветер, ему по душе покойный закат и тихий вечер, когда солнце скатывается за чернеющий лес, и бекас, кажется, ещё более страстно принимается превозносить весну и свою любовь...

Мне всегда нравилось солнце, особенно – в детстве... И тогда, весной, когда мы отправились с отцом на вечернюю охоту, солнце как-то ласково касалось и травы, и ветвей, и потом – верхушек деревьев... Быстро опускаясь всё ниже, оно, тем не менее, было радостным, как будто благословляя землю, а земля в ответ дышала сладкими запахами, хотя ещё казалась оголённой. Прозрачный воздух, благодаря солнцу, преображал и землю, и лес, словно расширяя их, и от этого хотелось исследовать жизнь, каждый день открывая для себя что-то новое...

Вот и лес: налился сотнями птичьих голосов, тысячи живых существ в нём просыпаются от спячки, и я вглядываюсь в раскрывшееся от этой проснувшейся жизни небо, пытаюсь увидеть в нём маленького, казалось бы, никому не нужного куличка-бекаса... Но впитывая всё, что происходит вокруг, мне представляется, что я вырастаю, становлюсь сильнее, хотя – всё такой же, маленький, и тем не менее, я начинаю ощущать в себе силу, ранее неведомую, и замечая это в себе – становлюсь взрослее...

Пристально всматриваясь в призрачное небо, какое-то время я стою в приятной растерянности, вслушиваюсь в весеннее многоголосье, и ощущаю только удары разгорячённого от всего происходящего сердца. Такой же крохотной птичкой, как и бекас, бьётся оно в груди, будто трепещет невидимыми крылышками, а я ещё и не ведаю, что незаметно, благодаря этому маленькому бекасу, во мне пробуждается и радость, и неиссякаемый интерес к жизни.

В этот весенний вечер во мне что-то ровно открылось, занялось новым существованием, так что я потом несколько дней пребывал в радости, вспоминая и прозрачный лес, и оттаивающую землю, и многоголосье птиц, и крохотного куличка в высоком небе. Я всё-таки увидел его, почувствовал сердцем в этой бескрайней весенней необъятности, а куличок пел так самозабвенно, что казалось – может истратить на песню всю свою маленькую душу, и упасть замертво, но песня бы не кончалась.

В детстве всегда думается о возможности достижения чего-либо лучшего, чем то, что существует, и этого предполагаемого лучшего так много, что оно нескончаемо возникает перед тобой каждый день. Я чувствовал себя у порога раскрытия каких-то важных тайн, и жил с ещё большим наслаждением. Я был благодарен весеннему дню, что улыбнулся мне таким маленьким, но замечательным счастьем: я увидел и услышал небесного «барашка»!

X

X

X

Люди с самого детства имеют склонность к созиданию, наверное, только оттого, что неся в своём сердце божественный огонёк сознания, пытаются воспроизвести творческий процесс Бога, надеясь приблизиться к Нему максимально. Кому удаётся это осуществить – переживает неизбывную радость, его даже называют великим, и приносят ему почести, тогда как он стремился, хотя бы отчасти, всего лишь отобразить божественную красоту мира, но как неискоренимо прекрасно это неуёмное желание...

Х Х Х

Тихий, еле видимый ласковый свет излучают розоватые яблоньки, в саду как-то потаённо и как будто немножко свято, и я принимаюсь рассматривать сквозь маленькое стёклышко голубое утреннее небо... В доме ещё все спят, только бабушка повела козочек на выгон, а я один сижу под зацветающей яблонькой, в шелковистой траве, и думаю о чём-то хорошем, сам не знаю – о чём... Вокруг просыпаются бабочки и пчёлы, кузнечики, ещё робко, заводят свою ненадоедливую трескотню, - какое благолепие во всём и чистота... Цветы, привставая на цыпочки, тянут головки вверх, кажется, издавая свою, какую-то еле угадываемую мелодию, и я слушаю её, и понимаю... В саду как будто происходит благостное моление, и вместе с птицами, цветами, бабочками невольно произвожу его и я, и меня заливают всеобъемлющей радостью, и хочется в это утро чего-то ещё более чудесного, что уже тихонечко поёт во мне, но я его пока ещё не могу угадать...

Х Х Х

В детстве нам не надо дорожить тем, что у нас есть, потому что его много, и оно всегда рядом...

Чистили мы как-то с отцом крышу и дровяник от снега, в старом бабушкином доме, и стояла весна. День выдался пасмурный, влажный, то и дело над садом улаживался какой-то беспутный тягостный ветер, замирал ненадолго, а потом, будто проснувшись, взмывал в вышину, и начинал без удержу носиться, не находя нигде покою. Снег весь сжался, как высохшая соль, в грязных подтёках, порядком уже оплывший, и прихватывать его деревянной лопаточкой было не просто. В душе от всего этого весеннего неустройства тоже возникала какая-то неизъяснимая тягость.

Бревенчатые стены дома будто разбухли от влаги, потемнели, голые деревья стояли сырые, и пахли резко, расплывчато, отчего на глазах выступали едкие слёзы. Всё вокруг было серое, насыщенное пробуждающимися запахами, звуки же вязли в разлившейся повсюду сырости, как мушка в мёде, и не в силах выбраться, тонули. Тяжело дышать, тяжело думать, и вот - увесистый ком снега неожиданно свалился с крыши, и будто что-то пробудилось в душе. Ведь идёт весна, хотя и кажется, что больше – крадётся, но всё равно её уже не миновать, скоро растормошит всех томительное и такое восхитительное жизнеистечение!

С сорвавшимся снежным комом деревья ожили, отчего-то разволновавшись – замахали ветвями, но тяжёлые сиреневые облака обхватили их верхушки, и будто успокоили. Взглянув на небо, я вдруг увидел, как в облаках замелькали весёлые чёрные точки, они то кружились над домом, то взлетали ввысь, так что их невозможно было разглядеть, и приходилось долго стоять, задрав голову, пока не начинало рябить в глазах. Несомненно, это были какие-то птицы, не существующие в зимнюю пору, но откуда взялись они в этом сыром неприятном воздухе, где толкуются меж собой одни тёмные тучи?

- Грачи, - с каким-то облегчением, тихо произносит отец. – Возвращаются к своим разоренным гнёздам...

- А почему их раньше не было видно?

- Герасим-грачевник грачей пригнал... Весна!

И в самом деле, как я мог раньше не заметить, что весна зиму почти поборола, тёплый ветер давно подъедает обессиливающие снега, а под забором в саду оголились дымящиеся жирные пятна. В воздухе пахнет талым духом, витающим даже в доме, дверь в сенях неожиданно разбухла, её нелегко сразу отворить, и уже к обеду неудержимо тянет ко сну.

А грачи шумно играют в вышине, оглашая своим гарканьем всю округу, так что перехватывает дыхание от их волнующих пируэтов...

- Любить тяжело, коли любовь захватит тебя к вешним водам, - замечает за обеденным столом бабушка. – А не любить – тяжелее того...

И я чувствую, как бьётся в груди сердце, деревья за окном тревожно шумят, и льётся с крыш тёплая капель: точно что-то должно произойти, а что – не понять...

Всё вокруг перестаёт быть понятным, сам себе ты начинаешь казаться незнакомым, другим, и, тем не менее, обуреваемый любопытством, ты тянешься к посвистывающему над домом ветру, к мокрым деревьям и неумолчным грачам. Переживая в душе неопишуемую радость от

наступления всесокрушающей весны, желаешь только одного – чтобы над землёй чаще вставало солнце, и бабушка не болела... Господи, велика твоя милость!

Х Х Х

На дворе – чёрная бархатная ночь, зазвистиво мерцают в вышине звёзды, и бабушка, незаметно устроившись в кресле-качалке, вяжет мне носочки. А я сижу у окошка, облокотившись на подоконник, и высматриваю сквозь эту волшебную темноту свой свет, ту весёлую звёздочку, что поведёт меня по жизни, становясь то золотой, то красной, а может быть – голубой или зелёной, но обязательно близкой и родной. Иногда даже кажется, что протянешь руку - и достанешь её, твою хранительницу, царицу небесную, и захочется обнять эту звёздочку, как бабушку, ласково прижавшись к ней, и сделается на сердце так, будто это счастье никогда не кончится...

... Хорошо, ласково умеет молчать звёздное небо, покойны и сладостны сны под бархатным пологом этой бесконечно прекрасной страны... «Спи, дружок мой, крепко... Господь тебя милует», - еле слышно шепчет надо мной бабушка, и я погружаюсь в густой, как перина, сон, и улыбаюсь. Что-то уготовит мне ясное утро?!

Х Х Х

Люблю состояние свежести поутру, когда хочется работать... Его не заменит никакое поднятие духа, совершаемое через усилие. Только лёгкость и доступность во взаимоотношении с Существованием, переполняющая тебя радость от слияния с Ним позволяют быть энергетически независимым, с открытым сердцем, не спеша, управляя собственной жизнью. Вот как это было в детстве, когда ты не был обуян гордыней или жадностью, а чувствовал себя свободным от каких-либо земных уз. Ты был чист и счастлив в утро своего пребывания на этом свете...

Х Х Х

У берёзоньки по весне появляются нежные листочки, словно крохотные сердечки, и дедушка говорит, что глухари по лесам перестают в эту пору токовать, а мне только начинает во всём чудиться нечто таинственное, сладко пахнет выходящими из земли травами, зацветающими

яблонями, в их розовато-снежных бутонах усердно копошатся мохнатые пчёлы, и запах этот представляется священным... По простому, весело источает аромат первая травка, бабушка приносит в корзине из лесу свежие листочки молодого хвоща, и все в доме с нетерпением ожидают её стряпню – пирожки с пестиками, от них тоже повсюду разносится сладкий дух, и мне кажется, что весна будет длиться вечно...

Х

Х

Х

Жить надо так, чтобы не стремиться возвратиться в своё детство, находя в нём успокоение от не совершённого, что могло осуществиться в жизни, но по причине нашего слабоволия, отсутствия решимости и терпения не случилось... Учитесь проявлять это терпение и выдержку с ранних лет, не бойтесь быть смелым, порой – до отчаяния, ибо это – в ваших силах. В каждом нашем воплощении присутствует свобода выбора, дарованная Всевышними Силами, и мы все в состоянии распорядиться этой свободой достойно: свою судьбу люди слагают сами, какой бы смысл заключался в том, если бы жизнь наша была predetermined?

Нет, настоящее и будущее человека зависит от самого человека, от его внутренних устремлений, и они должны пребывать в гармонии с божественным сознанием, заключённом в каждом. Если кто-то видит себя счастливым и радостным – он обязательно достигнет такого состояния, а тот, кто не верит в себя – погрязнет в болезнях и страхе. Совершите же достойный выбор, укрепните благодаря собственному решительному опыту, и без боязни двигайтесь дальше. Страх появляется тогда, когда человек отделяет себя от своей духовной силы. В согласии с этой силой мы способны противостоять слабостям нашего характера, смело взяв на себя ответственность за дарованные нам жизни, и здесь важны даже не события, с помощью которых нас проверяют, а наша реакция на них. Причём, проявляемая с самого детства...

«Крепиться» - очень хорошее слово, и я в детстве, бывало, очень часто именно «крепился», чтобы уже, будучи взрослым человеком, не растратив свои силы понапрасну, выявлять чудеса стойкости. Я как-то сразу и совершенно очевидно для себя уяснил, что терпение – суть жизни, и если ты с малых лет научился преодолевать в душе какие-то очень трогательные для себя переживания, снося при этом несправедливость взрослых, в тоже время, нуждаясь в их поддержке, то Бог тебя никогда не оставит.

Кто непонимание людей одолевает, - говорила бабушка, - тот крепок бывает, в итоге добиваясь правды, и смиряться перед какой-либо преградой, конечно, не стоит, оставаясь терпеливым к неприятию тебя и твоего поведения, пусть это даже твои родители. Лучше просто видеть в любом человеке или событии доброе начало, не позволяя себе быть обескураженным им. Дать себе с самого детства клятву быть выше любой несправедливости – удивительно закаляет, и дух твой становится не сгибаем, независимо от возраста. Понимает человек, так понимает, а не понимает, так как знает. Молодому крепиться, впредь пригодится!

И действительно, терпение, что порой проявляет ребёнок, просто завораживает... Не упрямство обескураживает в его поведении, когда малыш не соглашается со мнением взрослых, не каприз, с каким он артачится по воле складывающейся не в его пользу ситуации, а поражает именно то, с какой выдержкой он всё претерпевает. И вспоминается случай, когда отец решил взять меня с собой в прогулку по Каме на катере, настоящем, большом, что представлялся для меня чуть ли не кораблём. Одно это слово – «катер», уносило меня в поднебесные выси, обещая необозримые просторы родной реки, рыбалку, связанные с ней приключения, и много ещё всего, о чём я даже не догадывался. Какое счастье!

Ребёнок на то и ребёнок, что может проявить негибкую волю в самом неожиданном случае, и подобное поведение, как раз, и отмечает выгодно его своеобразие, обнаруживая в нём удивительные свойства: уникальную чистоту и неповторимость! Отрешённо вглядываясь в раскинувшееся предо мной речное пространство, будто угадывая в нём своё морское будущее, и совершенно поверженный увиденным, я невольно ухватился правой рукой за косяк растворённой в рубке двери, тогда как отец, двигаясь со стороны носовой части, вдоль борта, не увидел меня и с силой оттолкнул загородившую ему проход тяжёлую дверь, намертво зажав ей мой большой палец... Поначалу я даже ничего не понял, как во сне взирая на всё произошедшее, и, вроде бы, ничего при этом не ощущая: дверь просто захлопнулась, оставив палец внутри... Надо понимать при этом – какой она толщины на подобных речных и морских судах, и с какой плотностью встаёт на место в своём проёме, когда её закрывают!

Словом, такое дело вокруг пальца было сразу не обмотать: оставалось – терпеть, и я терпел, каким-то чудом сдерживая себя, и молчаливо, без укоризны, глядел на отца, смотря и на свою боль как будто сквозь пальцы, ибо дай ей волю, она всю руку отберёт. Отец же обмер при виде того, что совершил, не мог какое-то время постичь – как я выдерживая эту пытку, и

спохватившись, наконец, отворил дверь... Но я, кажется, не почувствовал никакого облегчения, палец мой ровно исчез, отсоединился от меня, хоть суй его опять в эти клещи, зажимая дверь ещё пуще! Вроде бы, мальчик совсем стал с пальчик, всю свою суть и боль сосредоточив только в него, а пальца-то нет, их на руках осталось девять! Что называется, загни для памяти палец, и я его не только загнул, но и чуть ли не расплющил, завязал, что называется, случившееся на узелок, а развязал, получается, лишь сейчас, написав об этом воспоминании маленький рассказ... Отчего же Бог тогда не уравнил на моих руках пальцев?!

Не клади, как говорится, мальцу пальца в рот, он его – откусит, и я будто действительно прикусил этим случаем отцу рот. Он перестал с тех пор покрикивать на меня, не проявляя должного, более пристального внимания, и только однажды, в присутствии меня, рассказал об этом своим товарищам, не в силах постичь – как его маленький сын терпел происходящее, не произнося ни звука, то и дело добавляя при этом: «Смотрю на Борьку, а у него ни одна мышца на лице не дрогнет, и только слеза стекает по щеке...» Отец был так поражён моей выдержкой, что стал относиться ко мне с нескрываемым уважением, даже – с опаской, наверное, не зная и не понимая – чего от меня ждать. Я же, кажется, только закрепил в себе с того момента веру в то, что смогу преодолеть любую боль, какой бы страшной она ни была, что терпение исподволь своё всё равно возьмёт, в нём проявляется сила и величие духа, и лучше самому терпеть, чем других обижать.

Х

Х

Х

Ребёнок ни на минуту не сомневается, он просто уверен, что жизнь влюблена в него, и разве возможно не поверить в это? Ему кажется, что он может делать всё, что захочет, и всюду его ждёт успех. Разве застанешь ребёнка за бездельем, или придёт ему в голову ничего не делать, когда некуда себя девать? Разумеется, такое невозможно, потому как ему всегда есть забота: ребёнок добр до самых славных занятий, он не любит и не принимает нищету духа, когда кто-то не ищет для себя интересную забаву, не стремится заглянуть в притягивающие тайны. А сколько их вокруг? Как же тут не распорядиться жизнью с настроением, так, чтобы на душе всегда было очень весело?!

Нет, ребёнку до всего имеется негибемый интерес, хочется ему обустроить в этом и без того чудесном мире всё ещё более восторженно, по-своему, чтобы стало даже лучше! Любить он готов весь свет, не подозревая,

что этот самый свет любит его не меньше, ласково примечая все малышовы забавы и неприметно оберегая, ребёнок же только светит, излучая желанную до всего живого доброту, и улыбается: сладостно ему нахождение на этой сказочной земле, играет он во что-то своё, и ничего ему, кажется, больше не надо... А чудная улыбка малыша так хороша, будто лучи солнышка играют в хрустальной чистоте ручья, весело переливаются, как и его небесные глаза, так что заглядишься невольно на светлое детское личико, и возрадуешься, словно пред тобой предстал образ Божий...

Х Х Х

Помните, как радостно и ярко светит в детстве летнее солнце, благостный свет его приятно слепит глаза, и ты прикладываешь кулачок к глазам, будто это подзорная труба, и от удовольствия шуришься, пытаешься рассмотреть все укромные уголки сада, лес за околицей и речку, и эта раскрывающаяся пред тобой воля заполняет твоё маленькое сердце, и оно становится ещё более живым и восприимчивым... Всем на счастье посылает Господь и волю, и солнце, и зеленеющий сад, и поющих птиц с лесными дарами, - послал и мне!

Х Х Х

Отчего-то чтение под одеялом, с фонариком, выходило в детстве, особенно – в начальных классах, наиболее занимательным занятием, чем бы ты осуществлял это при дневном свете, сидя в удобном кресле или за письменным столом. Родители не запрещали мне подобной забавы, наверное, просто потому, что не заставляли за ней, а то бы отец непременно сделал выговор, либо каким-нибудь образом наказал, скорее всего – выпорол. Но, к счастью своему, я не был застигнут за своим излюбленным развлечением, что и позволяло мне благополучно и с удовольствием всё это проделывать. Я был точно как помешанный: подобное потаённое чтение совершенно захватывало меня, и я ничего не мог с собой поделать, в нетерпении ожидая – когда же, наконец, наступит вечер, и можно будет пораньше улечься спать, чтобы насладиться очередной страшной историей, ловко раскручиваемой неведомым мне писателем Конан Дойлем. Интереснее всего было читать именно его жуткие рассказы, что с наступлением темноты, в моём сокровенном укрытии, воспринимались ещё более ужасными...

Только отняв у меня книжку, возможно, наверное, было прекратить это помешательство, положив конец моему исступлённому чтению. Но каким сладостным представлялось такое завораживающее забвение, оно оказывалось одним из самых ярких в детстве переживаний, и кажется, я незаметно для себя самого одолел, вот таким сокровенным способом, чуть ли не всё собрание сочинений этого замечательного английского писателя! Все книжки при этом я прочёл с диким восторгом, в детском уме моём произошёл совершенный переворот, и для меня ровно открылся иной, абсолютно новый мир, откуда я узнал о неизведанном ранее свойстве предметов, душевных устремлениях людей и их способностях. Многие явления в окружающей жизни, на которые я смотрел бессмысленно, хотя и не без любопытства, обрели для меня смысл, и стали ещё занимательнее. Человеческие характеры, с их превращениями, самым необыкновенным образом овладели всем моим вниманием, я искренне сочувствовал каждому персонажу, получая небывалое ранее удовлетворение. Теперь обо всём этом думается так: а испытывал бы я то же наслаждение и эффект, проделывая подобное при дневном свете, не под одеялом, да ещё без фонаря?!

Разве могла без этаких выдумок стать краше жизнь, только с ними, как раз, обнаруживая себя совершенно по-иному, гораздо увлекательнее? Нет, именно благодаря бесхитростной детской причуде, мир вокруг приобретал ещё более впечатляющий колорит, ты начинал заглядывать в него глубже, внимательнее... Что, казалось бы, могло принести обыкновенное просиживание под одеялом с книжкой?! Хотя бы даже со Стивенсоном или Штильмарком? Но фантазия маленького человека именно при этом забавном условии становилась безграничной, ты сам, до нельзя сужая своё нахождение в привычных для себя домашних условиях, в тоже время – расширял его необыкновенно и просто... А всего-то – скрытое ото всех чтение любимой книги, и от этой потаённости оно воспринималось как какое-то чудесное священнодействие, без таких приключений жизнь, ты уже понимал, оказывается скучна, и в силах ли перенести подобную скуку хоть и маленькое, но пытлиное сердце? Нет, никак не обойтись ему без тайны, пусть и незатейливой, зато обязательно счастливо захватывающей своей притягательной загадочностью: ведь кто ничего не знает, то тайна для него одним своим существованием хороша, а уж в детстве без неё и вовсе не прожить!

Х

Х

Х

В детстве по-особенному воспринимаешь связь с родными: окажешься вдали от них – у бабушки в деревне или в пионерлагере, и будто и нет тебя, так сильна эта связь. И первое время, всегда, ты неутешно тоскуешь, словно и не живёшь вовсе, а так – неизвестно зачем существуешь, всё время думая: как там твои мать, отец и сестра, что с ними, и как ты теперь без них? Что, если сердце твоё с ними осталось, и ещё что-то необъяснимое, но очень важное, чего и не выскажешь?

И вот, наверное, это самое важное и необъяснимое больше всего и беспокоит, вынуждает переживать неотступно, и пока разберёшь через всё детство и юность, что это твоя неразрывная связь со всем Существованием, и единение с Ним не нарушаемо, то и тогда всё же не успокаиваешься, а всё мучаешься, бывает, долгие годы, пока не отойдёшь душой и не примешь такое обустройство Вселенной, где все мы душами слитны, и ежели, хотя бы на время, и теряем какую-то частичку этой связи, то непременно беспокоимся и переживаем в её отсутствие, как в детстве, не понимая, что она – с нами, неотделима от нашего восприятия жизни, и нужно непременно осознать эту неразрывность, потому как она – божественна...

И даже когда ближние уходят из твоей жизни, никого из них рядом с тобой не остаётся, необходимо и тогда помнить, как един этот мир, и все мы складываем в нём общую песню, начиная своё творчество ещё в детстве. Да пребудет радость, поглащающая собой любое временное забвение и неверие в свою божественную суть!

X X X

Разве задумаешься в детстве – что такое душа? Но, тем не менее, люди в эту чудесную пору отличаются тобой, ребёнком, именно по характеру, а он, видимо, и есть отражение человеческого существа. Есть души неприметные, тихие, смекаешь ты, наподобие робкого утреннего ветерка, чуть тронувшего ещё не пробудившуюся листву; встречаются души невзрачные, плоские, как будто бы они и не существуют; а то представляются благообразные, до того почтительные, что не сразу и разберёшь – кто за ней прячется; ну, и восторженные попадают, большие, как воздушный шар или облако, и всё норовят охватить собой весь мир и лететь куда-либо, чтобы не было скучно; но случаются и такие, что не уловишь умом, - уж больно мудрёные...

У моей бабушки душа была как звёздочка, что ласково сверкает в бархатном небе, трепетно дрожа, и будто бы тихонечко напевает задушевную мелодию, ласково переливаясь серебряным колокольчиком, незаметно

возносясь ещё выше, в неведомую вселенскую глубину. Туда всегда хотелось вознестись и мне, насладившись там вместе с бабушкой одной, всеохватной для всех радостью.

Х Х Х

Людей всегда привлекали храбрые сердца, но они никогда не решались стать ими. В этом – великое упущение человечества, погрязшего в неверии в собственные силы, в неприятии в себе Господа. А ведь в детстве мы все грезили о подвигах, и мечтали быть настоящими... Так почему же вы не осуществили свои мечты?!

Х Х Х

Главное, что должен уяснить каждый родитель: детское в его ребёнке никогда не должно умирать.

Х Х Х

Ошибка многих людей в том, что они стремятся сделать отношения целью, а не средством развития любви, и неминуемо терпят разочарование, когда жаждут новых отношений, вновь переживая затем очередную потерю... И всё выпрашивают у Бога подарить им ещё одного человека, надеясь с ним-то, наконец, обрести любовь, но любовь должна вынашиваться в собственном сердце, также как и терпение, и мужество, и милосердие. Нет на земле ничего, что можно поставить превыше чувства любви, и это так очевидно проявляется в детстве, когда не любить, кажется, невозможно, и любовь эта необыкновенно чиста, она совершенно безусловна. Если вы будете преисполнены желанием любить, отдавая своё чувство Мирозданию безвозмездно, ответная любовь не заставит себя ждать...

Х Х Х

В какие-то редкие дни, поутру, сад у бабушки как будто вздрагивал, и, расправив зелёные крылья, готов был лететь вверх, в небо, растворившись в нём ароматным облачком, но почему-то, всё-таки, не улетал, щедро, но ненавязчиво украшая землю...

Что меня, помнится, поражало более всего в своём детстве, так это способность и желание бросать опасности вызов, когда рассчитывать на победу, вроде бы, и не стоит, надеяться, кажется, и вовсе не на что, а ты, между тем, бросаешься с головой в рискованное приключение, и судьба тебя не подводит. Разве это не было каким-то важным напоминанием о своём предназначении? И разве Существование не заботилось уже тогда обо мне, подготавливая к нему? Конечно, да, и в этом – прелесть нашей жизни, неотделимой от ритма всей Вселенной, что подготавливая нам интересное, даже – в полной мере захватывающее существование, предупреждает об этом, и мы должны быть благодарны Всевышним Силам за всё, чем они нас одаривают, не оставляя на произвол судьбы.

Настоящее счастье мы обретаем, когда отправляемся на поиски того, что нам дороже всего. А что для тебя дороже всего с самого детства? Конечно, радость от переживаемых приключений, что охватывают твою душу сразу, как только ты представляешь себя моряком в дальних странствиях, или первооткрывателем неизведанных северных земель... Во всё задуманное искренне верилось, воображение рисовало самые захватывающие картинки, все игры были нацелены на преодоление невероятных препятствий, иначе – зачем жить? Жить, не ведая душевного восторга от переживаемого, и разве мог я избежать встречи с неизведанным уже в детстве, когда, как ни в какую иную пору, хочется открытий и совершения незабываемых подвигов?! Детство, по своей счастливой природе, предполагало только бесстрашие и отвагу, это знал каждый мальчишка, в противном случае – не станешь настоящим!

А чтобы стать настоящим, думал я, нужно непременно совершить какой-нибудь отчаянный поступок, например, перепрыгнуть с одной крыши на другую. Или, скажем, пройти, не дрогнув, перед самым носом злющего соседского пса, и чтобы все мальчишки это увидели. Сигануть кувырком, через голову, с гаража в сугроб тоже не всякий решится. Но лучше всего было бы стать всамделишным героем, то есть произвести такой подвиг, который бы все долго не могли забыть... Но что это?

Разве что забраться на самое высокое в округе дерево, представляя себе, что это мачта корабля, раскачивающаяся посреди бушующих морских волн, вокруг не видно не зги, и ураганный ветер срывает с реи паруса, а ты неустрашимо стоишь на клотике, никакая буря тебе нипочём, и только щуришься, не мигая, от солёных брызг. И это при том, что я до цепящего

холода в душе боюсь высоты... Хорошо, конечно, жить ширью, да высью, а ну как рылом в землю!

Но однажды я всё же осуществил давнишнюю затею: представляя себя ловким неустрашимым матросом, ухитрился-таки вскарабкаться на высоченный тополь неподалёку от бабушкиного дома, и долго потом сидел у самой верхушки, обхватив ствол, не зная – как спуститься? Оказывается, для этого потребовалось ещё большее мужество, и прошёл, наверное, целый час, пока я решился ещё на один подвиг. Кажется, в груди не хватало воздуха... И всё-таки, я чувствовал, что даже такой отчаянный поступок не принесёт мне славы: ведь меня никто не видел!

И стал я опять думать о подвигах, вернее, о той самой храбрости, без которой в жизни, я уже точно знал, никак не обойтись. Тем более, если сам ты – маленький, а подвиг твой должен быть большой!

Храбрость – свойство смелого, решительного человека, отважно преодолевающего любую невзгду. Быть исполненным храбрости, значит, ничего не бояться, и если даже чего-то страшишься, то всё равно преодолеваешь свой страх, каким бы пугающим он ни казался, убеждал я себя. Храброго человека не зря все уважают, и даже – боятся... Главное, перебороть свой испуг, отвадить его от себя, чтобы не совершить какого-либо слабоволия, не дай бог – подлости, теряя при этом верных друзей, но терять своих товарищей мне не хотелось. Вот бы так всё обустроить, чтобы тобою гордились, приводя в пример, называя «бесстрашным», и тогда ты уж обязательно дознаешься правды, почувствовав себя смельчаком!

Я решил, что буду постепенно приучать себя к бесстрашию, вроде как всё мне нипочём, и норовил оказываться повсюду, где хотя бы отдалённо веяло присутствием страха. Стал нарочно лазить с мальчишками по чердакам и крышам, что само по себе было захватывающим делом, ходить по бревну, стараясь не смотреть вниз, чтобы, значит, если придётся переправляться через бурную реку, не спасовать. Словом, вырабатывал в себе характер, и когда старшие играли во дворе в футбол, и позволяли нам, малышне, лишь стоять на воротах, я смело бросался в ноги, не страшась ни синяков, ни ссадин. А подвиг, между тем, подстерегал меня, как это всегда случается, в самый неподходящий момент, когда его и не ждёшь...

Помнится, меня никто не учил плавать, и, будучи семилетним мальчишкой, я увязался за старшими на речку, хотя до этого ни разу не приходилось даже пробовать проплыть самому, без посторонней помощи, исключая купание с резиновым кругом на море, в Анапе, когда мне было пять лет. Идём через кладбище, затем – лесом, а я, не переставая, думаю:

ведь все эти мальчишки намного взрослее меня, они, наверняка, будут с разбегу плюхаться в воду, нырять, и как же я – неужто струшу? Сердце у меня готово было выскочить из груди, но вот уже и речка... На что опиралась моя стойкость, кто помогал мне в эти минуты?!

Вся моя короткая жизнь мигом промелькнула перед глазами: бабушка, наверное, с ума сойдёт, если со мной что-либо случится. Но, на кону – моя честь, и потому всё во мне должно быть накрепко завинчено, любой героический человек это знает, и именно этим чувством ответственности перед самим собой и была подпёрта моя вера в себя.

Всё, что ни произойдёт, к лучшему, лишь бы не струсить, а отступишь, я это понимал, пропадёшь! Разве тут воротишься назад? Страх, хоть и на тараканьих ножках держится, но попробуй-ка с ним совладать, вот и приходится свою удаль показывать...

Видя, как пацаны, на несколько лет старше меня, бесстрашно сигают с крутого бережка в воду, я, замешкавшись лишь на секунды, тоже разбежался и прыгнул... Прыгнул – и пошёл ко дну, а всё вокруг незнакомо, с каждым мигом темнеет, но в какой-то момент я остановился, взмахнул руками и легко устремился к поверхности, где сияло солнце, слышался смех ребят, и вместе с этим смехом в меня вдруг мгновенно вошла непоколебимая уверенность, что я никогда не утону, а вода – моя родная стихия. И я перестал думать о воде плохо, со страхом, в один вдох полюбил её, и потом уже всегда ждал с ней встречи. Вода околдовала меня, как волшебная музыка, она вошла в моё сердце непередаваемо чудесным звучанием, и я вдруг почувствовал в себе неодолимую силу этой великой стихии, что стала и мне послушна, отчего я страшно обрадовался. Порадуйтесь и вы!..

Х

Х

Х

Разве взрослый человек посмотрит на всё так, как ребёнок? Нет, он этого не сумеет. Сможет ли взрослый, умудрённый жизнью человек, быть в чудесной дружбе с самим собою? Тоже, как правило, нет. А ласково улыбаться, чтобы можно было любоваться этой чистой улыбкой? Вряд ли... Всё в зрелом человеке давно переросло волшебную детскую наивность и чистоту, словом, пропало, так что уж и не найти... Этого человека, кажется, ничто не забавляет, он стал неинтересен самому себе, а значит – и миру. Да и вообще, - способны ли вы вести себя порой как мальчишка? Что?! Даже не помышляли об этом? Печальная история, не находите?!

А вот я частенько обнаруживаю в себе потребность побыть беззаботным малышом, и с удовольствием это осуществляю... Меня, конечно, чаще всего не понимают, и что особенно досадно – близкие, но вскоре у меня опять появляется желание превратиться в неведомого мне самому мальчугана, и вы знаете, я испытываю при этом незабываемые переживания, словно преображаясь... И ещё я заметил, что мне хочется побыть малышом, когда какое-либо дело не ладится, или просто тебя перестало посещать везение, и, представляя себя мальчишкой, ты как будто попадаешь в детство, и все проблемы незаметно улечиваются. Тебе легко и радостно становится жить, ты не обременён эгоистическим восприятием действительности, присущего взрослым, и ощущение присутствия Бога в своём сердце, давно, оказывается, утерянное, вновь возвращается.

Чего же ты наделал, человек, со своим мировосприятием, что совершенно позабыл о нахождении в себе божественного? Ведь с ним так интересно и счастливо жить, а быть счастливым в этом мире означает с радостью отдавать всю любовь своего маленького сердца, как это незамысловато и просто делает ребёнок...

Х Х Х

Существование ребёнка схоже с человеком, поглощённым своим трудом: свободного времени ни у того, ни у другого быть просто не может!

Х Х Х

Когда поёшь хорошую песню, уже допеваешь её, не хочется расставаться с ней, с этой чудесной трогательной мелодией, и я также не хочу расставаться со своим пронизанным добром и солнцем детством, в котором был вихрастым чистым малышом, бескрайне радостным и счастливым, посвящающим каждый свой день только необыкновенной преданности жизни, глубоко веря, что проживу все свои дни достойно, как и поклялся себе однажды, ещё ничего не понимая, но, уже угадывая, что жизнь прекрасна и удивительна, и она никогда не кончится...

Х Х Х

Есть лишь одна абсолютная истина: этот мир имеет божественные качества, и ваше существование неотделимо от него. А значит – вы и есть эта

Наша классная руководительница – Галина Александровна, задаёт нам на дом, вроде бы, простую работу: нарисовать птицу. Птицу любую, какая тебе нравится, а нравились мне с самого раннего детства те, что приносил с охоты отец – глухари и тетерева, вальдшнепы и рябчики. Но рассматривая дома одну из его книг, я вдруг обратил внимание на большущего голландского петуха – белоснежного, с ярко-красным пышным гребнем и бравыми шпорами, и мне захотелось запечатлеть этого замечательного красавца. В петухе ощущалась завидная стать, что-то особенное, не присущее нашим разноцветным кочетам, какая-то достойная горделивость и сила...

Я положил перед собой лист бумаги, прислонил раскрытую книгу к стене, и стал осторожно, не отрывая карандаша, вести линию, очерчивающую птицу, будто боясь, что нарушу в себе какой-то важное душевное состояние, соединяющее меня с изображением петуха на картинке, образ которого меня захватил и уже не отпускал, пока я не вернулся к той точке, где начал свой рисунок... Мой настрой, по-видимому, оказался невероятно удачным, скорее даже – гармоничным, когда я на мгновение пережил слитность с понравившейся мне птицей, отчего петух и получился таким же, как в книге. То, что соединило меня с возможностью безукоризненно отобразить задуманное – необыкновенно обрадовало, но и понимание того, что подобное умение может не повториться, немножко огорчило. Оставалось раскрасить красавца-петуха, и от переживаемой радости я уже воображал, какое впечатление произведёт на всех мой рисунок, почувствовав себя при этом настоящим художником...

На следующее утро староста класса собрала рисунки и отнесла их в учительскую, а ещё через день Галина Александровна объявила все оценки, продемонстрировав лучшие, по её мнению, работы, но меня почему-то не упомянула. Сначала прозвучали имена тех, кто получил пятёрки, затем – четвёрки, пожурила учительница и учеников, что не совсем справились с заданием: птицы у них, на забаву всему классу, вышли какими-то непутёвыми, даже – смешными, но что уж написал, как говорится, пером, того не вырубишь и топором! Только где же моя заслуженная отметка, взволнованно думаю я, еле сдерживая своё нетерпение, отчего Галина Александровна не показывает и не обсуждает меня?! Не было сомнений в том, что рисунок мой получился замечательным, я это чувствовал, и не покидала досада от того, что его никак не признали... Что же происходит?!

Тяну руку, дыхание даже перехватило от волнения, а Галина Александровна, взглянув мельком на меня, вдруг перед всем классом заявляет:

- Я сейчас, ребята, о вашем однокласснике скажу такую правду, что хуже всякой лжи!

Краска тотчас заливает моё лицо, но я, всё же, в свою защиту произношу:

- В моём рисунке нет ни капельки лжи! Я нарисовал его сам...

- А как же объяснить такую точность линий в твоём рисунке? Ты, наверное, наложил на изображение птицы кальку – и аккуратно скопировал её. Признайся?! Разве возможно так точно нарисовать самому петуха, он у тебя – как живой!

- Не обводил я ничего, - упрямо заявляю я. – Это у меня так получилось. Мне просто очень хотелось изобразить петуха настоящим, как на картинке, и я очень старался. Честное слово!

Слёзы готовы были брызнуть из глаз, ведь я так гордился своим рисунком, ожидая от учительницы похвалы, и вот... По правде, оказывается, не выходит одна справедливость, и жить с ней не так уж легко. Как же это?!

- Ты должен себе усвоить, - вкрадчиво произносит учительница, - что люди, отличающиеся склонностью ко лжи, не могут иметь непоколебимую волю и мужественный характер.

- Ней ... пой, ней-пой-койлебимую, волю? – еле выговариваю я, чудом сдерживая предательски подступающий к горлу комок обиды.

- Именно. А уклоняясь от честного исполнения порученного тебе задания, ты даже не заслуживаешь постыдного слова! Как ты объяснишь товарищам свой проступок?

По правде сказать, я не знал – чем мне ответить на эти несправедливые слова, и, обводя взглядом всех ребят, подумал: «Правда сама себя очистит, на то она и правда, и если сделал доброе дело, то и живи смело. Чего мне бояться?»

- Как же мне доказать свою правоту? – обращаюсь я ко всему классу. – Я себя ни в чём виноватым не считаю.

А Галина Александровна, будто не слыша мои слова, торжествующе вопрошает:

- Ну, что, дети, послушаем нашего правдолюбца? Посмотрим, какой он на самом деле художник? Выходи к доске, бери мел, и нарисуй нам такого же красивого петушка!

Класс одобрительно загудел, загозил, словно только и ждал, чтобы надо мной поиздеваться, но меня это ещё пуще разбирает: разве можно быть противным истине? Нет, терпеть такое непонимание никак нельзя!

перед самим собой и Богом, но надобно расти, и потому составляй свою жизнь правильно, не привязывая душу ни к чему, даже к детству, а люби только Господа Бога своего, и это единственное, что навсегда верно. Обустрой всё так, чтобы Всевышний приметил в необозримой Вселенной и твой крохотный огонёк сердца, и порадовался за него, произнося для тебя певучие, не сказанные никем слова. Тогда и ты обрадуешься душой, и станет тебе понятно, чем стоит и нужно жить до глубокой старости, уповая лишь на свои силы, но любя, в первую голову, Господа нашего, Отца Всемогущего, дарующего всем Божественную Любовь.

X X X

Поутру солнце касается земли, будто по ней проводит ладонью Господь... Следя за этими сокровенными прикосновениями, невольно и тебе хочется прикоснуться взглядом к трепещущей на ветерке листве, даже не пытаясь дотянуться до неё рукой. Что может быть лучше, если ценишь в необозримо прекрасной жизни даже самое малое, и это присуще именно детству. Оттого, наверное, полевые цветы склоняются перед детьми в поклоне, когда ступни играющих на полянке малышей, утопая в травах, кружат над ней, присаживаясь на нежные лепестки невесомыми бабочками, и это босоногое детство, несмотря на свою хрупкую воздушность, твёрдо в непреклонном устремлении непременно лететь... Это восторженное намерение, во чтобы ни стало, вознестись схоже с тем состоянием, когда ребёнок не помышляет – как и почему он дышит, но дыхание с восторгом переполняет всё его существо. Ребёнок никогда ни о чём не молит небо: ведь оно для него всегда необыкновенно доверчиво и открыто, и потому трогательность малышей не беззащитна, её хранит сам Господь...

X X X

Только в детстве и заметишь, что у вороны чёрная головушка словно маслом намазана, серое брюшко гладенькое, и сама она совсем не дерзкая, и не важная, а смешная...

X X X

Порой записывать появившиеся в тебе слова становится скучно, и хочется, как в детстве, ни о чём не думать, а только радоваться.

Х

Х

Х

В детстве и небо, и солнце, и облака пахнут яблоками, их неизбывной свежестью, что первозданна, как земля и воздух, сама вечность...

Ребёнок несёт это тайное чутьё о жизни в себе самом, трепетно его почитая, но всегда готов им делиться...

Такую несказанную силу имеет детство, пора нестигаемой веры в Жизнь, почитание ещё неведомого, но сильно ощущаемого Бога...

И от Бога, и от ребёнка веет не сравнимой ни с чем внутренней чистотой...

Хорошо, радостно быть чистым... Какое счастье!

Х

Х

Х

Бога я недолго искал, Он Сам сразу меня нашёл, как только я отправился в дальнюю дорогу, и вот уже, почитай, не один десяток лет по ней иду, а конца-края не видно, что и хорошо, ибо неподвижность – бессилие, следует же, не уставая, движение духовное провозглашать: сегодняшний день дан – и это отрадно, а что будет завтра, от тебя зависит. Не стой на месте, растворяй чудеса своей души миру, и в этом будет заключено твоё счастье, и ты ещё более поднимешь в людях веру в божественное. Это ли не единственно верный путь следования по жизни, когда её не предаёшь, а только превозносишь?! И главное – себя блюдёшь, о Боге не забывая.

Вот и самая быстрая птица на свете – молитва крылатая, устремлённая с благодарностью к нашему Господу, всегда Его небесного трона достигнет, в единый миг, не сомневайтесь, если в ней ничего не просить, а лишь благодарить Бога за подаренную возможность познавать себя и окружающий мир. И потому не тратьте времени зря, и поклоняясь Богу – возноситесь вместе с молитвой к Божьему престолу, вас там с радушием встретят, непременно возрадовавшись. Но ещё проще понимать Бога как необъятную божественную энергию, присутствующую повсюду, и обрести душой крепкую силу можно и там, где ты находишься, никуда и ни от чего не убегая: знай, любовь небесную в душе неси, не расстраивайся сердцем, и обязательно покой в нём обретёшь. Господь, заложенная во всём божественная энергия, тебя всегда выслушает, умиление на душу положит, и станет всё вокруг опять красиво, как в детстве, ты этого просто не замечал!

Все мы одинаковы своими общими корнями, но различны подходом к жизни, к самому себе, в конечном итоге – уровнем сознания, зависящего только от нашей работы над собой, и очень важно, если именно с детства ты склонен к постижению мира, - это так естественно для начинающейся жизни...

С ранних лет мне нравилось находиться рядом с водой, нырять в тёмно-зелёную глубину деревенского пруда, и, раскрыв глаза, вглядываться в неизведанный мир, стараясь обнаружить там такое же неведомое мне существование того, о чём я даже не подозревал, но верил, что оно непременно есть. Нужно только не побояться заглянуть в это таинственное подводное царство, что почему-то не казалось чужим, и ничего странного в подобном желании я тоже не видел, а только хотелось всматриваться в то, что невероятно притягивало, возбуждало неподдельный интерес, и нисколько не пугало. Мне нравилось думать о неизведанном, особенно, если оно было связано с водой, и если выдавалась такая возможность, я проводил на берегу пруда или речки целый день...

В подводном царстве всё не так, как на том же берегу, вблизи пруда или озера, и тем более – в лесу. В нём чувствуешь себя невесомым, и потому можно летать, не ощущая своего тела. Маленькие рыбки и раковинки в воде становятся большими, вместо неба там – прозрачное зелёное стекло, за которым облака превращаются в гигантских рыб, а вместо земли – разноцветные камешки и волнистый песок. Солнечные зайчики на нём такие же неуловимые, как и наверху, но прохладные, схожие на ощупь с колышущимися лиловыми водорослями... Ничто под водой не отбрасывает тени, всё призрачно, таинственно, и отчего-то очень близко, даже дорого, так что даже не хочется всплывать туда, где ласково припекает солнце.

Удивлённые твоим появлением рыбки останавливаются напротив, и, так и не разобрав в тебе своего, мгновенно юркают в таинственную холодную темноту. Мысленно сразу стремишься проникнуть туда за ними, а вода мягко укачивает тебя на своих невидимых волнах, постепенно упруго сжимает тело, и ты, несмотря на нехватку воздуха, восторженно понимаешь, как приятно находиться в объятиях воды. У поверхности она тёплая, радостно поблескивает в отражающихся от неё солнечных лучах, и даже резкий запах тины у камышей тоже сладок. Таинственно и маняще водное царство, и разве минует оно внимания любознательного мальчишки?!

Когда я только первый раз нырнул и открыл глаза под водой, оказалось, что это совсем не страшно, мне вдруг захотелось вглядываться в этот мир бесконечно, узнавать о нём всё больше и больше, запоминая каждую мелочь. Неизвестное всегда страшит, хотя, как убеждаешься впоследствии, в нём нет ничего пугающего: человек и подводную темноту наделяет тем, чего она не содержит. На деле нас влечёт в неизведанное неразгаданная тайна, желание, чтобы мир оставался неиссякаем для интересных и захватывающих событий...

Тебе, вроде бы, уже всё знакомо на родном деревенском пруду, с его затопленными колодами, прибрежными корягами, зарослями осоки и камыша, загадочными чёрными елями, склонившимися над его покойной водой, островками изумрудных водорослей, но всё же что-то самое главное, чего ещё не видел, будоражит твоё воображение, и ты ожидаешь с ним встречи. Очень может быть, что именно сегодня, на этом лесном берегу, я зайду в воду, погружусь туда с головой, и тайное неожиданно откроется мне, и я не испугаюсь, а обрету какое-то важное знание. Как это просто и радостно – ничего не бояться, стремиться всё узнать!

После того, как родители подарили мне маску и дыхательную трубку, подводный мир открылся предо мной уже во всей своей красе! Стройные рыбки, со светящимися серебряными боками, словно ласточки в июльском небе кружат вокруг, близко подплывать остерегаются, но при всяком удобном случае так и норовят рассмотреть меня получше, будто ненароком оказываются перед самой маской, а затем бросаются врассыпную... Вода сильно увеличивает предметы, и сквозь толстое стекло они представляются совсем в ином виде: неказистые пескаррики вдруг превращаются в изящных и загадочных обитателей пруда, а подвернувшийся однажды у самого берега извивающийся уж так напугал меня своими размерами, что я выпрыгнул из воды!

Совсем неприметные раньше мальки через стекло маски и вовсе вырастают в гигантов, и когда они дружной стайкой устремляются навстречу, кажется, что на тебя надвигается какое-то мохнатое чудовище... Красавец-окунь в сравнении с ними – настоящий великан, нацелил свои страшные спинные иголки в подводную пустоту, и все сразу расступаются перед ним. Только зубастая щука, наверное, не боится бравого окуня, - вот бы её увидеть!

Даже обыкновенные раковинки-перловицы, в обилии устилающие озёрные и речные плёсы, здесь, под водой, становились величиной с кулачок, так что хотелось завладеть каждой, заглянув вовнутрь: а вдруг там прячется

драгоценная горошинка? Полдюжины таких тусклых жемчужин уже хранились у меня на подоконнике, в спичечном коробке, и на солнечном свете они преображались, вспоминая, наверное, речную прохладу, струящийся жирный песок и ярко-зелёные водоросли. Всегда приятно было проплывать над ними, чуть прикасаясь к их покатым, бледновато-серым бокам, но они никогда не казались при этом скучными...

В солнечный день под водой даже весело! Зелёные водоросли на мелководье колышутся в такт мерно набегающей волне, будто играют в какую-то свою, понятную только им игру, пытаюсь ухватить меня за запястья и щиколотки, отчего становится щекотно... Из холодной сумрачной глубины выбираются на волнистый песок грязновато-карминные раки – принять солнечную ванну, и замирают там, пока солнышко не переместится к береговым камышам: тогда они недовольно начинают шевелить усами, не зная – куда себя деть. Рак – не рыба, ему спешить некуда, и начинает он тогда пятиться обратно в глубину, там ему, видимо, спокойнее.

А ещё под водой происходит удивительная игра света... Стоит только солнцу выглянуть из-за облаков, - розовые, золотые, кремевые лучи, необычно преломляясь при проникновении в воду, устраивают между собой весёлую толкотню: кажется, тронь их – и они тоненько и радостно зазвучат. Этот удивительный перезвон под водой представляется очень ласковым, он укачивает и навевает приятные тёплые думы. Ты – и не на небе, и не на земле, а среди того, что прекрасно и неведомо, необычайно притягательно, где забываешь о самом родном, и живёшь только тем неизведанным, что таится в глубине.

Отчего-то притягивала к себе именно неясная и непонятная темень, которой бы следовало остерегаться, даже – страшиться, как это происходило со многими деревенскими жителями, искренне верящими в существование водяных и русалок, но меня неудержимо влекло туда, в холодную глубь, и пусть её нельзя было сравнить с морской пучиной, но незримая бездна обыкновенного деревенского пруда манила меня не меньше... В глубине души я знал, что там, на самом деле, не страшно, и всё скрытое обязательно откроется когда-нибудь необъятной радостью. «Тиха вода в пруду, да омуты глубоки», - поучала меня бабушка, но я ничего не мог с собой поделаться: здорово было бы заглянуть и туда!

Только занимается над лесом ласковая июньская заря, а я уже с маской и трубкой бегу на пруд, где у берега, в привольной солнечной тиши, паук-бокоплав ловко скользит по глади воды на своих невидимых ходулях, тоже радуется жизни... Под растопыренной корягой бойко снуют головастики,

солнце щедро распахнуло свои объятия надо всей деревней, и восторгу моему не уместиться во взбудораженном всем происходящим сердце. Мир и благодать там, где есть солнце и вода, её чудесное прохладное таинство, бросающее от счастья сопричастности с ним в дрожь, и как не принять его, не восхищаться им?!

Как вообще можно жить без радости? – думалось всегда возле воды, в зарослях камышей, на краю полянки, обрывающейся высоким берегом к тихо струящейся реке. Если есть вода, чудный берег, поросший осокой, потаённые заводи с кувшинками и краснопёрыми окунями, то это всегда так хорошо, свободно и радостно. И эту радость могут переживать и другие люди, все, у кого при одном виде синеющей водной поверхности, туманной дымки над ней, - замирает сердце. Как возможно себе представить жизнь без лесного озера, уютного пруда под деревенской мельницей, свежего ветерка с воды, поутру, что приносит только доброе настроение?! С детства был я захвачен миром воды необыкновенно, а мир этот отвечал мне своею любовью...

X X X

Жалость к себе и одиночество, с которыми так любят носиться взрослые, привычны для них, но абсолютно не присущи детям, сопереживающим всему живому. Оказываясь в одиночестве, дети не тяготятся им, а наслаждаются, чутко дотягиваясь в этом состоянии того понимания, что обладают чудесными глубинными возможностями стать самими собой, не нарушая своей многогранности, и это возможно, лишь оставаясь одному...

Взрослым необходимо понять, что быть одиноким в своём одиночестве, значит, принять в себе Бога, то есть – любовь, как не боится принимать и переживать её ребёнок, для которого дороже жизни – именно радостная отдача себя миру, и он искренне являет всем своим отношением к существованию то, что невозможно жить на земле без любви, и стоит отдать за неё всего себя... В этом заключена суть истинной человечности, когда не думаешь о себе, и воспринимаешь мир только благостным, как это было в детстве, когда будучи чистым ребёнком, ты любил его совершенно бескорыстно, и был уверен, что и он, этот волшебный мир, точно также любит тебя.

Если ты един с миром, то это твоё восприятие реальности не останется для него незамеченным, ничто в нём не будет сопротивляться твоим желаниям, и он обратит всю свою красоту и мощь на благо тебе. Чутко

откликаясь сердцем на ежесекундное пребывание рядом божественного Существования, как это происходит у ребёнка, ты повышаешь его любовь к себе, сопротивляясь же душой происходящему – оказываешься в его власти, обрекая себя лишь на несчастья. Когда находишься в согласии с настоящим, ты неотделим от жизни, что только ждёт верного к ней отношения, желая помогать тебе во всём, складываясь благоприятно. Не воображая себе заоблачные счастливые дали, а живя здесь и сейчас, с тем, что уже есть, ты пребываешь в согласии с этим волшебным миром, как в детстве, когда не держишь в уме – что ждёт тебя впереди, а живёшь настоящим мигом, который всегда чудесен и неповторим. Настоящее – всё, что у тебя есть, отнесись к нему с любовью.

Х Х Х

Ребёнок растёт незаметно, как деревце летом, когда роскошною порой сердце увлечено лишь всеобщим цветением и радостью появления чудесных плодов, а по весне потом, глядь – распахнуло свои объятия для всех!

Х Х Х

Дыхание неба... Во всём чувствуется его присутствие, и днём, и ночью, и зимой, и летом, и осенью, и весной, всегда, и так было и так будет, для утверждения во всём, а главное – в человеке, божественного духа, духа истинной Жизни... Нет ничего священнее этой высокой формы, и когда человек её достигнет, он коснётся неба – Невидимого Вместилища Всего. А пока он – дивный ребёнок, только вознамерившийся заглянуть в Тайну Неведомого, он ещё очень мал, но всё-таки уже очарован этим Неведомым Вместилищем Всего, Его нескончаемой, он уверен, прекрасной глубиной... Крохотная душа ребёнка – это Душа Космоса, и он чутко ощущает свою неразрывную взаимосвязь с Чудесным...

Х Х Х

Для ребёнка нет вопроса, как бы отыскать в жизни то, что стоит в ней
незыблемо, превыше всего, он лишь восхищается всяким, встреченным им
предметом жизни, оставаясь необыкновенно довольным... Будто достал со
дна неведомых морей своё заветное волшебное колечко...

Х Х Х

Не помню, чтобы в детстве весна накрывала с головой, как лето, но вот
однажды, поутру, сердце проснулось будто заново, перевернулось в груди, и
застучало в такт барабаниющей за окном капли, словно боялось куда-то не
успеть, не ухватить своего счастья... И захотелось выскочить на улицу,
навстречу солнцу, в одной рубашке, чтобы всей душой обнять это лазоревое
весёлое светило, как любимую бабушку, прижать его к груди, и уж не
отпускать более до самого лета, когда спадёт это необыкновенное волнение,
после чего не знаешь – куда деваться, и уж, кажется, не будешь никогда
таким восторженным и счастливым. Ах, весна, должно быть я взрослею!..

Х Х Х

Смирение – не покорность, а умение принимать неприятную для тебя
ситуацию, никого не осуждая и не переставая проявлять любовь в первую
очередь к Богу. Всё происходящее в жизни нужно принимать как данное
Богом, каким бы неприемлемым, на первый взгляд, оно не выглядело, и тогда
вас допустят дальше в понимании себя и Вселенной.

Как тут не вспомнить ребёнка, трогательно, без осуждения,
принимающего наказание от взрослых, даже если оно было несправедливо?!
Ребёнок как будто чувствует, что любовь хотя и рождается на небе, но
разлита повсюду, и она никогда не оставит его, чтобы ни случилось, и он ещё
не раз ощутит себя поистине счастливым. Особенно в детстве мы понимаем,
что родник радости неиссякаем.

Х Х Х

В детстве ты принимаешь всё существующее, не стремясь непременно
выделить в нём нечто особенное, в нём всё тебя удивительным образом
привлекает, и уже только от этого в душе рождается ощущение чуда. Всё
оказывается прекрасным в чудесном мире, и это чудо мгновенно передаётся
тебе, тотчас отражая и твою чудесную суть, и восприятие мира от этого
обостряется, легко открывая его завесы, и ты начинаешь видеть предметы

такими, какие они есть, на что способны среди людей, наверное, лишь мудрецы и дети...

И действительно, только ребёнок, да мудрец могут знать – кем они на самом деле являются, пребывая в этом мире, и их истинная суть проявляется сама собой, становясь ясной для всех. В этом – счастье детства, и привилегия мудрости. Но как их соединить?

Сделать себя счастливыми, а значит – сохраняющими невинность при достижении осознания себя и высших духовных истин, люди смогут только сами, в результате постоянной работы над собой, ты же, уже переполненный любовью к жизни, лишь способен подарить им радость. Радость, возможно, разожжёт в их сердцах огонёк сознания, а разгоревшееся сознание обратит душу к любви, чтобы от этой любви кому-нибудь стало хорошо. Ведь перед тем, как получить счастье, необходимо доказать свою готовность к нему, и отдавая, ты рано или поздно обретаешь благо. Ну, как в детстве, когда стремление отдавать пребывало в тебе совершенно естественно, этому не нужно было долгое время учиться, и между тобой и Существованием не существовало никаких преград.

Х Х Х

Религия нацелена на понимание человеком себя и мира, она призвана формировать его душу, имеющую неразрывную связь с Богом, и кто как не ребёнок более всего религиозен, с рождения радостно устремляясь к постижению? Ну, как им не восхищаться и не любить, так что и самому захочется оставить нелюбимое занятие, всю оставшуюся силу своей души, наконец, направив к настоящему, чего тебе всегда втайне не доставало, переживая при этом непередаваемое счастье!

Х Х Х

В детстве тебя всегда посещает искреннее желание совершить в жизни нечто своё, никем ещё не созданное, чтобы это новое удивило и обрадовало людей, принесло в их жизни успокоение и силу, и когда такие добрые дела находятся, на сердце к тебе приходит радость от сотворяемого таинства, глубокое удовлетворение и счастливый покой. Тогда становится не страшно оставаться наедине с самим собой, и ты стремишься прикоснуться этим своим пониманием жизни к людям, пусть даже незнакомым, чтобы и они порадовались вместе с тобой открывшемуся в тебе знанию, и поблагодарили

Господа за возможность познавать и себя, и мир, осваивая новые, неведомые ранее горизонты. Человек должен знать, чего он хочет, иначе, зачем жить?

А сколько людей исполняют возложенные на них обязанности, не находя в них никакого смысла, не веря в то, что этот смысл вообще присутствует в жизни! Какими несчастными сразу представляются для тебя эти люди, и, конечно, захочется, чтобы всякий человек понимал свою жизнь, осознавая все происходящие в ней события, умел легко принимать любой расклад вещей, не возводя их в ранг мучительных неразрешимостей, способен был, в конце концов, управлять собственным существованием, всегда имея перед собой достойную цель, приносящую энтузиазм и радость... И уже никак не должен человек оставлять после себя печаль, а только ощущение своего внутреннего богатства, выражающегося в проявлении ко всему мудрой простоты и ничем не замути́нного счастья...

И тогда всё обстоит так, как и должно быть, ровно ты опять в детстве, но уже подлинный, и до чего же хорошо становится от переживания этого чудесного душевного состояния в самой глубине себя, что ничего не остаётся, как радостно лететь, охватывая душой всё вокруг, беспрепятственно проникая в каждую частицу Вселенной, в самую её суть. Всё теперь тебе нравится, всё приемлемо, потому что оно – настоящее, и ты его любишь, и не надо объясняться с самим собою, и что-либо кому-то объяснять. Знай только лети навстречу неизведанному и интересному, непременно – достойному, к чему никогда не иссякнет желание стремиться, да и нет уже каких-либо желаний, а есть уверенность в собственном внутреннем устремлении к любви в окружающем тебя божественном мире, и оттого, ничего не подвергая сомнению, ты лишь принимаешь...

X X X

В детстве я был наделён тонким чутьём ко всему, даже к тому, что, казалось бы, не представляло для меня какого-либо явного интереса. В начальных классах я совершенно не уделял времени домашним занятиям, потому как в точности улавливал всё, сказанное в школе учителем. Легче всего давалось правильно расставлять в словах ударение, говорить по-английски и красиво писать. Никто меня этому не учил, не подводило только чутьё, дарованное, по-видимому, от природы.

Был я очень восприимчив к музыке, обладая идеальным слухом: повторить, напевая или свистом любую мелодию – не составляло для меня никакого труда. Будто эта мелодия уже жила во мне, стоило только услышать

её, как она тотчас просыпалась в моей душе. Мама быстро углядела мою склонность чувствовать музыку, и вскоре отдала меня в музыкальную школу...

Играя с мальчишками в футбол, я заметил, что легко предугадываю уловки любого, даже самого изощрённого игрока, проявляя себя как удивительно надёжного защитника, и ни одному нападающему из команды соперников никогда не удавалось обыграть меня, то есть – прорваться к нашим воротам. Благодаря подобной способности мальчишки прозвали меня «железным» защитником, тем более, что бросаясь под ноги, и набивая тем самым неисчислимое количество ссадин и шишек, я не чувствовал боли, вернее – не боялся её, и даже если травмы оказывались серьёзными, - просто не обращал на них внимания.

Ко всему прочему, обладал я, оказывается, и отменной зрительной памятью... Отец однажды взял меня с собой на охоту, и как-то незаметно мы заплутали с ним в лесу. Это очень расстроило его, он даже растерялся, и я вызвался показать дорогу к нашему стану, прекрасно держа в памяти весь, проделанный за день путь, что совершенно поразило отца...

Никто из взрослых никогда не демонстрировал мне азы плавания... Но, тем не менее, увязавшись как-то за старшими мальчишками на реку, мне пришлось, стыдясь проявить свою трусость, прыгнуть в след за ними с высокого обрыва в воду, после чего я, к своему удивлению, поплыл, почувствовав с того мига искреннюю привязанность и любовь к водной стихии...

По каким-то необъяснимы признакам, я абсолютно верно отличал для себя очень достойных и интересных мальчиков, у которых стоило чему-либо поучиться, от непутёвых и хитрых, и так, чутко улавливая в своих сверстниках добрые качества, приобрёл я в детстве немало надёжных друзей, со многими из которых поддерживал отношения уже во взрослом возрасте...

Бывало, заведём мы с приятелями какую-нибудь увлекательную игру, где окажется в победителях тот, кто наперёд знает, как ему поступить, и в этом устремлении не было мне равных. Проще простого представлялось угадать верное поведение, проявляя себя находчивым, если того требовала игровая ситуация, либо – терпеливым, когда необходимо было затаиться и ждать. Игра всегда приносила мне радость именно своей непредсказуемостью, и доставляла огромное удовлетворение, возможность предвидеть события до того, как они случились...

Больше всего мне нравилось бороться, проявляя при этом чудеса изворотливости: в борцовских схватках я словно вытеснял из себя какую-то

излишнюю энергию, чему, кажется, невозможно было противиться. Приглашаю в гости какого-нибудь приятеля, заманивая его предложением посмотреть книжки или марки, и как только оказываемся у нас дома, тотчас предлагаю: «Давай бороться, кто кого сильнее?!» Не было случая, чтобы я проиграл, животным чутьём угадывая, какую надлежит избрать тактику против того или иного соперника. В этой борьбе я как будто даже стремился, скорее, не победить, а проверить что-то именно в самом себе – на что я способен, и после того, как укладывал противника на лопатки, мне уже требовалось одержать верх над кем-нибудь ещё. В моих действиях не присутствовало насилия: только желание честно одолеть другого. Так, незаметно, переборол я целый класс своих сверстников, и ещё – двор!

Тоже самое – с гимнастикой, только в ней я ни с кем не вступал в единоборство... В средних классах, на уроках физкультуры, преподаватель проводит с нами занятия на спортивных снарядах «конь» и «брусья», показывая исполнение элементарных упражнений, и вдруг я, когда до меня доходит очередь, заняв опорное положение на «брусьях», неожиданно для самого себя делаю мах ногами и встаю в вертикальную стойку, головой вниз, фиксирую тело, так что оно не шелохнётся, и на очередном махе ногами вперёд – возвращаюсь в прежнее положение... В зале – тишина, но чувствуя, как легко, без каких-либо особых усилий далось мне только что содеянное, проделываю подобный трюк ещё раз, и ещё...

Девочки – в шоке, смотрят на меня восхищёнными глазами, мне же на душу – улада, и я, заняв вертикальную стойку, уже отправляюсь по брусьям на руках, вниз головой, и дойдя до самого конца, лихо спрыгиваю на маты. Учитель после урока подходит ко мне, и, уважительно беря за руку, вопрошает: «Ты, парень, наверное, в секции спортивной занят?» Я же только в возбуждении от произошедшего, мотаю своей вихрастой головой, не в силах промолвить ни слова, потому как проделывал подобное впервые в жизни... Что это было?!

Или вот, учительница по русскому языку задаёт классу написать сочинение на свободную тему, и тут нет мне равных... Замечаю это без тени малейшего самодовольства, ей-богу! Наоборот, рисуя в своём воображении незаметно промелькнувшее лето, у бабушки в деревне, из-под пера моего выходит увлекательный рассказ, написанный почти без ошибок. Учительница отмечает его необычное изложение и язык, зачитывая перед учениками, как бы даже ставя в пример, я же обнаруживаю в происходящем только естественное истечение вещей, иного и не предполагая, и так – во всём...

Кому-то может быть покажется нескромным перечисление всех этих достоинств, неожиданно объявивших себя во мне в достаточно юные годы, причём, какие-то из них оказались мною вообще не упомянуты, но ведь рассказывая о себе, я должен оставаться искренним до конца... Скажем, меня невозможно было обмануть, поскольку я видел человека насквозь, уже при одном взгляде на него ясно осознавая – какое качество определяет его природу, о чём он сейчас думает, словом, для меня совершенно очевидным представлялись все внутренние мотивы его поведения, что побуждали человека поступить именно так, а не иначе. Чувствовал я себя при этом даже неловко, поскольку дело касалось взрослых людей, имеющих за плечами не сравнимый с моим жизненный опыт, и всё-таки – мне не составляло труда угадывать душевные устремления любого человека, то, что у него на уме... А взрослые, по-видимому, чувствовали это, и подобная проницательность мальчишки по отношению к себе их, конечно, неприятно задевала. Но я ничего не мог с собой поделать, иногда очень умело пользуясь таким положением вещей, особенно – в школе... Чего, как говорится, не знаешь, на то разве укажешь?!

Да только откуда взялось во мне всё это? То есть – проявление самых разнообразных качеств и способностей, для достижения которых требуются годы, и даже – целые жизни?! Конечно, приятно переживать в себе источник такого обилия талантов, что переполняют тебя в течение всего детства, но возникнуть из ничего они тоже не могли... Тогда каким образом все эти достоинства появились?

Об этом не сразу догадается и взрослый человек... Разве возможно осилить подобное ребёнку? И мне, помнится, лишь изредка открывалось понимание, что сердце моё бьётся не просто так, а в унисон с чем-то очень важным в самом себе, чего я пока не изведаль, но иногда угадываю его существование. Кто тот Всемогущий, что породил во мне и душу, и все дарования, приносящие порой неопишное удовлетворение? А может быть, это я сам незаметно копил в себе и интуицию, и ловкость с храбростью, и чуткое видение мира?!

В одной из жизней, мне это теперь доподлинно известно благодаря длительной работе над собой, я обучался в Школе Мистерий у мудрых древнеегипетских жрецов. Они преподавали мне сакральную геометрию, в цвете, открывая таинственные законы Вселенной, что усваивались на удивление легко и быстро, а потом испытывали на умение преодолевать свои страхи, оставляя в бассейне с крокодилами, в священном храме Ком Омбо, из

которого нужно было найти выход, под водой, на длительной задержке дыхания...

В другом воплощении, оказавшись в облике одинокого норвежского рыбака, мне приходилось надолго уходить в море, обретая в нём бесстрашие и волю в достижении задуманного... Однажды привелось быть даже женщиной-сиделкой, длительное время ухаживая за неизлечимо больными, по крупицам воспитывая в себе терпение. Ещё большая выдержка накапливалась в измученном пытками теле воина, находящегося в плену, вдали от родины, и это было, пожалуй, самое жестокое испытание для моей души, но его необходимо было преодолеть. Будучи же индийским мальчиком-служкой при храме богини Сарасвати, я учился незаметно развивать себя духовно, несмотря на своё хрупкое восприятие жизни...

Были, конечно, и другие существования, через которые я постепенно воспитывал сознание, оно всё более разгоралось, мужало, и, наконец, воплотилось в мою теперешнюю жизнь, где я очутился перед необходимостью подытожить пройденный путь в лице писателя, чтобы отправиться ещё дальше, пока в неведомые для меня миры, обладая недостающим ранее знанием и чутьём. Чутьё – моё истинное добро, и это добро, я уверен, должно принести мне в дальнейшей жизни ещё много радости, и оно никогда не обманет. Ведь если счастье своё видишь, смелее идёшь. Идёшь сам, уже без чьей-либо помощи, уповая только на Всевышние Силы: не отними, Господи, чуткого видения!

Х

Х

Х

Разве в детстве наваливалась на тебя тяжёлая, тёмная скука, обнимала твою душу мохнатыми лапами, терзала её и неделю, и месяц, и всю зиму? Нет? Тогда откуда она взялась, милый человек?!

Ответ прост: в детстве ты восхищался миром, а значит – Богом, создавшим его, когда же в последующем незаметно отрёкся от Него, поставив во главу угла только земное, ведущее, в итоге, к жадности и гордыне, в сердце закралась тоска, нежелание жить. Почувствуй в себе, как в детстве, Бога, и возлюби Его, человек, так, чтобы судьба твоя стала дорогой и Ему, тогда и обретёшь в душе вечную радость.

Х

Х

Х

Не умеет человек рассказывать о радостях своих, быть может, потому, что коротки они, не успевают он их на сердце утвердить, и только вспоминает иной раз детство – короткое время счастья, ниспосланное ему Господом. В нём всё божественно и родственно душе: и цветы со звёздами, и птицы небесные, и поля с лесами, и вся наша чудесная жизнь. Хочется жить в ней во благодати тихой и простой, чтобы ничего тебе не было надобно, лишь добрые волнения о нашей прекрасной земле и Боге умиротворяли бы твою душу, и чтобы красота Господня сливалась с красотой человеческой...

Всё божеское, и красота, и любовь – в нас, в этом наше богатство, а начинается всё с младенческой чистоты, когда двухмесячный ребёнок, ничего ещё о жизни не ведающий, лёжа в кроватке ... счастливо улыбается. Живи, человек, по воле своей, ищи радостное разрешение собственной жизни!

Х

Х

Х

К большой радости нужно заранее приуготовляться, ибо даётся она не сразу, и не каждому. И к радости, о которой хочу рассказать вам, я готовился с самого детства, ей-богу. А радость эта – любовь к жизни, её понимание.

Так вот, однажды, ещё в свои самые ранние годы, пришло мне на ум, что хорошо было бы никогда не унывать, чего бы это тебе не стоило. Одним словом, радоваться каждому мгновению, ценить жизнь во всяком её проявлении, любить всё, что у тебя есть.

И хоть говорят, что в один день по две радости не живут, а у меня приходило и по три, порой и не сосчитать вовсе... Случались дни, что я готов был зарыдать от охватившего всё моё существо восторга перед жизнью, - счастье как-то само приходило ко мне, кажется, я ничего для этого и не делал.

Бывало, с самого утра возмечтаешь о чём-то светлом, а оно вдруг возьмёт – и появится! Разве не чудо? Или отправишься, даже не позавтракав, в бабушкин сад, и этот сад сразу начинает представляться тебе волшебным. Вроде бы, ничего особенного, всё тебе в нём хорошо знакомо, но будто снисходит в него откуда-то необыкновенная сила, и хоть эта сила ненавязчива, а ты её всё равно почувствуешь, и неизвестно чему обрадуешься... В твоей маленькой груди ровно что-то повернётся, вернее, откроется, и тебе захочется обнять все кусты и деревья, даже пузатую бочку с водой под сиренью, проникаясь ощущением сопричастности ко всякой травинке, кузнечику или юркнувшей под ногами изумрудной ящерице, и ты

опять несказанно обрадуешься происходящему с тобой, хотя, действительно, ты ничего для этого и не делал: просто вышел в сад, и распахнул ему навстречу всю свою душу, а сад принял тебя, и тоже обрадовался.

Про душу ты ещё, конечно, ничего не знаешь, только чувствуешь, как в глубине тебя происходит какое-то неведомое торжествование, которому противиться и не думаешь, а вольно и легко принимаешь утверждающуюся в себе неопишущую радость, единение со всем, что окружает, и это необъяснимое счастье заливаешь тебя с головой. Вот и воздух в саду представляется волшебным, и ты летишь по нему, вмещая в себя и голубенькое небо, и умиротворяющую зелень садов, и бабушкин дом, и всё это невероятное богатство окрыляет тебя, зовёт лететь и дальше, принимая этот чудесный мир весь, целиком. Устремляясь в его глубину, ты желаешь, чтобы и радость, и любовь никогда не покидали твоего восприимчивого сердца, и узнавал бы ты и о себе, и обо всём Существовании ещё много удивительного и прекрасного, чего никогда не изведаешь, если не решишься совершить бросок, не полетишь, не будешь любить и радоваться, отдавая себя людям и Богу... Как это хорошо и благостно – любить жизнь, и понимать её, и этому счастью непременно стоит учиться...

Право, послушайте меня... И тогда встанет пред вашим взором далёкая светлая земля, и вы увидите себя в ней, не страшась подвижничества созидательного полёта, и уйдёт из вашего сердца навсегда грусть и тоска, и услышите вы необыкновенную, но простую и понятную песню, что уже не предадите никогда, а сами запоёте во весь свой чувственный и честный голос, и откроются вам божественные небеса, ваша судьба...

X X X

Прожив полную событий жизнь, порой задумаешься: чего ещё ждать от неё, ведь ничего нового, кажется, уже не увидишь? И приходят на ум такие мысли: а чего бы тебе хотелось, такого простого и чистого, красивого, как в детстве, чтобы приятно было жить этим радостным занятием, не изменяя своей душе, волею воображения преобразовывая скуку и безысходность жизни в покойную красоту, притягательную своим внутренним светом? Какое бы найти себе дело, не обременяющее однообразием, именно приятное и тихое, чтобы можно было заниматься им без душевного ущерба, с открытым и чистым сердцем?!

Ещё будучи ребёнком, я очень любил морские камушки, любил собирать их на берегу моря, отгадывая сердцем, садиться у самой кромки

воды, и разглядывать, представляя, что они живые... Эту любовь к ним я сохранил и в зрелые годы, работая под водой, и самым занимательным в часы отдыха, или когда на море поднимался шторм, были прогулки в одиночестве по пустынным берегам диких дальневосточных морей, и разве можно было не обратить внимания на разнообразие драгоценных для меня камней, тихо живущих по этим берегам?!

Вот и сейчас, думаю я, хорошо было бы набрать горсть таких чудесных морских камушков, и играть ими, пересыпая из ладони в ладонь, слушая, как они гулко вздрагивают, будто переговариваясь между собой, а ещё мягко крокочут в прибойной полосе, обтекаемые пенистыми ласковыми волнами... Только Бог, море и ты с камушками, и до того хорошо становится на душе, что не передать. Так бы сидел возле моря, смотрелся в него ... и больше ничего!

X X X

Какой поистине завораживающий момент происходит с тобой, когда Неизвестное выпускает тебя из своих объятий, и ты оказываешься на Земле, но ничего об этом не помнишь... Мало того, даже нахождение в утробе матери не оставляет в твоей памяти следа, и это не просто так. Видимо, ты ещё совсем маленький по понятиям Вселенной, и тебя не желают травмировать, по-матерински оберегая, но для чего?

Наверное, ты важен для Великого Существования, и от тебя ждут таких же великих свершений, именно по этой причине мудрое Существование заботится о твоей невредимости, но ты должен быть к ним готов...

Поскорей бы уже вырасти, и стать сильным, думаешь ты, чтобы помнить обо всём, что ты пережил, никогда ничего не забывая, и желать для себя ещё больше прекрасного в постижении этого незнакомого, но такого чудесного мира. Ты – свободен, живи полной жизнью, и тогда ты достигнешь самых высоких вершин, и действительно полетишь ещё дальше, не боясь никаких расстояний. Ведь ты исполняешь предназначенную тебе роль, совершая то дело, для которого рождён: прийти однажды к своему Отцу, а значит – и к самому себе, истинному, существующему только по божественным законам...

ЭПИЛОГ

Бог – Солнце для всего живого, и Его дети – это прекрасные цветы человечества, призванные принести красоту на всю Землю, они – солнечны по своей сути. Каждый из них, рождаясь, призван лишиться источник земного горя своей силы, а предоставить всю волю росту человеческого духа. Для этого детям необходимо дать время расти свободно, и тогда солнечные цветы озарят всех прекрасным огнём созидания. Они – необыкновенно живые цветы, с непрерывным цветением и утверждением красоты: надо понимать и ценить их силу, и то, что каждый цветок – по-своему мудрец.

Дети – цветы Бога, излучающие на Земле лучи радости. Радостно сознавать, что каждый день Существование дарит Земле всё новые и новые солнечные цветы – чудесных детей, и становится на ней так красиво, что не описать словами. Хочется только любоваться ими, понимая, что все цветы несут в себе что-то дорогое и хорошее, они дают душевный свет, и становится так счастливо, что повсюду чувствуется некое благостное настроение, порождающее в душе желание постигать, обнимать всю эту солнечную щедрость, никак не насыщаясь ею в досталь. Эти солнечные цветы необыкновенно хороши на прекрасной Земле, сотворённой Богом, и призваны украсить её, сообщая всем важную истину, а истина такова: Бог – представитель истины и блага, Он – правда, а цветочные дети Его – радостная надежда на продление божественного сияния по всей Земле, чтобы эта страна света жила вечно.

Вот и цветы в полях, убажжающие взгляд, под стать солнечным детям, несущим радость и надежду, что вот эти-то солнечные лучики, наконец, принесут гармонию на Землю, напитают её благостным светом, наполнят сердца людей нежностью и добротой. Души будут вырастать здоровыми и сильными, не привязываясь к земным благам, и не забывая о породившем их Боге, а понимая, как устроен мир и как к нему следует относиться, чтобы войти в завтрашний день здоровыми и мудрыми. Дети-цветы прекрасны в своей невинности и чистоте, они внушают уверенность, что другого пути, как созидательный, у них быть не может, кажется, вся природа этих детей выкована для счастья, иного просто не предполагается, и всё Божественное радостно льёт свои волшебные лучи на Землю для всеобщего торжества духа, утверждения на ней только божественных качеств, призванных ко всеобщей гармонии, что должна быть неизменна и вечна. Любить Бога больше всего могут лишь солнечные дети, не подверженные внутреннему разрушению, и

только они способны сделать этот мир по-настоящему красивым. Почувствовать разумность происходящего и не испортить её своим неверным отношением к себе и миру способны именно солнечные дети, цветы Божества, искренне отдающие свою красоту и радость во благо всей Вселенной.

Невозможно не отмечать в этих детях солнечное торжество, праздник солнечного света, и весь мир приветствует его и радуется, а это означает, что быть земным дням ясными, как глаза солнечных малышей, и так Бог, с помощью своих весёлых и чистых детей, освещает настоящую и грядущую жизнь.

Бог в своих детях многообразен и непредсказуем, Его возможностям, разлитых в этих цветах жизни, хочется внимать бесконечно. Как трогательны они и чутки, бесконечно прекрасны в своей способности и желании расти, хотя первый луч Солнца ещё дня не делает, и потому ребёнку-цветку надлежит без усталости развиваться. Не зря взрослые, любуясь на пришедших на Землю малышей, обожествляют пресветлое Солнце, нашего Господа...

Бог, принося на Землю своих солнечных детей, тем самым заботится о земном мире, Он многомилостив и праведен, ниспосылая людям благостный свет: всем одинаково раздаёт свои дары. Светит даже за тучами, а случающееся вдруг ненастье – не бесконечно. Дети Его – солнечные цветы, вмиг через любую хмарь проглянут и обрадуют сердце, всякий, живущий на Земле, может эту радость обнаружить, и живительным светом цветка Бога восхититься. Знай, только привечай золотого ребёнка, не оставляй его без внимания...

Не оставленный без внимания, цветок жизни предполагает только счастливую жизнь, даруя силы в благом стремлении к ликующему свету. Божественный цветок, попавший в добрые руки, может творить на Земле чудеса, радостно освещая всех своим внутренним светом, словно обнимая. Как это бывает удивительно хорошо, и у любого человека от присутствия солнечного ребёнка, открываются глаза и вырастают крылья!

Даже невозможно вообразить эту бескорыстную силу Отца-Солнца, способную только к возрождению! Самоотвержен его бесконечный путь во имя всеобщего света и будущей жизни, потому что Бог желает Земле добра, и надеется, что это добро обретёт желание жить в Его цветах – солнечных детях, что искренне чувствуя и переживая, станут честно бороться за самое важное в своей жизни, не забывая о своём Отце. И так будет продолжаться вечно.

Цветы Бога-Солнца прекрасны, но в глубине своей, ещё не успевшие расцвести по-настоящему, тем не менее, уже сильны необыкновенно, и взирая на ленивое равнодушие и печальное недоверие к собственным силам у отчаявшихся в жизни взрослых, незаметно, всё же, проникают в тайные глубины их души, привнося зёрна света, необходимые для её роста. Что же будет с этими цветами дальше, если они не потеряют связи с Первоисточником?

Непреложный закон Божественного Солнца гласит: чувство любви и чистоты неприкосновенно, и отказываться от него недопустимо, а потому дети изначально несут в себе любовь, превыше которой ничего не существует, и она есть лекарство ото всех болезней, возвышающее душу. И ведь это возвышающее чувство присутствует в нас уже с детства...

Посмотрите на малышей, загляните в глаза этих солнечных детей, и вы обнаружите там только трогательную чистоту, не подверженную никакой грязи. Грязь прилипает к душам людей, когда они отрекаются от породившего их Солнечного Источника, а солнечные дети – это новое человечество, призванное привести всех землян к осознанному существованию, воспринимая себя единым целым с Бытием, обретающем в своём неутомимом духовном труде так не достающее всем нам божественное равновесие...

X X X

Каждый день всходит над Землёй Солнце, и зажигает ярким огнём своих цветов солнечную надежду: посмотрите, люди, на моих детей, они невинны и чисты, и приносят вам праздник, так будьте и вы такими же чистыми, встречая новый день не похожим на все прожитые... Решитесь, наконец, на подвиг во имя Божественной Вселенной, привлеките к себе Её драгоценное внимание и силу. Не прозябайте во сне, ведь вам светит Божественное Солнце!

И действительно, во всём, что источает божественное светило – нежность, оно всем по сердцу, и дети его тоже необыкновенно хороши и ласковы: излучают всем своим существом свет, они – как маленькие солнышки. Смотрят на тебя ясными глазами и будто спрашивают: тебе чего от жизни хочется? Задумается тогда человек – чего ему от жизни ждать сейчас, какой такой радости?

А солнечное дитя не торопит, ласково улыбается, с ненавязчивой охотой заглядывая в глаза, и почувствуешь вдруг на душе какое-то тихое

облегчение, заметишь вокруг себя то, чего раньше не замечал: это ребёночек, рождённый от Солнца, тебя на путь праведный надоумил, отчего тоже хочется быть вдумчивым и хорошим. Такое оно – ослепительно любвеобильное солнечное существо: до всего ему есть дело, но более – до своих детей, цветов солнечных, неповторимых божественных созданий...

... Свободно и радостно волнуется сердце у солнечного ребёнка, оно преисполнено божественной волей, и стремится только восхищаться пред красотой Земли. Божественному Солнцу если и грустно порой смотреть на людей, но только не на своих малышей: оно трудится для них без усталости, с неохватной радостью, в надежде, что за эти цветы ему не придётся стыдиться. Превосходная доля – быть на Земле цветком Солнца!

Казалось бы, всё в твоей воле, с тобой и солнечный ребёнок, и Божественное Солнце, - о чём ещё мечтать? Бери жизнь в свои руки – и будь счастливым, всё у тебя есть для того, чтобы стать настоящим человеком. А Солнце светит, радуется и всё ярче улыбается той дороге, что открывается перед тобой: будто в сердце поют какие-то славные птицы... Как хорошо!

Да, есть такие чудные дети, что рождаются солнечными, ибо шли к этому состоянию долгие жизни. Воплощаясь в разных мирах, в том числе – и на Земле, они, сохраняя в сердце невинность и чистоту, преумножали в себе и мудрость, однажды становясь солнечными, а именно – наделёнными божественными качествами сопричастия всему живому, то есть – любовью. Они не могли предать в себе эту чистоту, оставаясь верными ей несмотря ни на что, и пусть подсознательно, но не теряли связи со своим истинным «я». Это «я» никогда не давало им покоя, и вот они-то, как раз – эти самые солнечные дети, и появляются на свет только для того, чтобы светить, а Божественное Солнце им улыбается.

От Бога-Солнца исходит энергия счастья, и если мы хотим получать её, то должны жить как цветы Солнца, его дети, усиливающие божественное влияние на Землю. Солнечный ребёнок всегда всё делает с радостью, потому как хочет приносить пользу, а радоваться, созидая, значит, дарить энергию Бога. Его дети искренне проникнуты этим желанием, и постоянно стремятся отдавать, быть бескорыстными и бескрайними на счастье. Счастье для них – быть частью Солнца, то есть – Бога.

Эти дети – последняя надежда Бога на то, что именно им суждено принести на Землю свет очищения. Принадлежать Солнцу, значит, быть изначально жизнеутверждающим, ясным, открытым, и так оно и есть: каждый солнечный ребёнок – цветочный лепесток, призванный зачаровывать и настоящую и будущую жизнь разноцветной усладой, цвести душевным

здоровьем, что зарабатывал стремлением светить на протяжении множества жизней, он – благодать Божья.

Являясь сыном Солнца, а значит – Бога, так сладостно жить, каждый миг ощущая на себе Его ласковые прикосновения... Лучи солнечной любви пронизывают тебя неопишуемой нежностью, распространяя её повсюду. И ты будто летишь вместе с этими провозвестниками нежности и любви, ощущая себя и божественным цветком, и лёгким ветерком, и самим собой. Как хорошо и ласково жить, когда ты осознал себя и своё пребывание во Вселенной, ты – сын Солнца!

X X X

Есть в человеке, хоть и осознавшем себя, что-то детское, но не беспомощное, а необыкновенно чистое и сильное в своей обретённой свободе, как если бы ему захотелось, как в детстве, тотчас осуществить захватившую его мечту, и она самым неожиданным образом осуществилась. А мечта, оказывается, заключала в себе следующее: просто быть, плыть в этом удивительном мире как на лодочке, ничего, вроде бы, не привнося в него и не меняя, лишь наслаждаясь покоем нахождения в нём... Имея в своём арсенале возможностей два всем хорошо известных инстинкта – продолжение рода и утоление голода, человек также обладает и третьим – тягой в божественные небеса, устремление к родному дому, но это устремление должно быть осознанным. Эта, третья сила, оказывается для человека определяющей, в её присутствии заключён весь смысл его существования, если только он следует этим, единственно достойным путём.

Так отправляйся, человек, по этому пути с самого детства, и пусть он приведёт тебя, через Бога, к самому себе, к переживанию нахождения в этом безбрежном мире чудес. В мире не жестоком, а лишь наполненном мощной правдой, призванной к созиданию чего-то нового и неповторимого, по-настоящему волшебного. Ты в нём – солнечный ребёнок, дитя Господа!

Солнечный ребёнок заметно отличается от своих сверстников... Будучи ещё совсем маленьким, в нём очевидно проявляется некая, не присущая другим малышам светоносность... Ему не нравится, например, то, что приходится по вкусу большинству, но при этом он очень выгодно отмечает самое простое в жизни, будто понимая, что оно – суть целого, которое составляют именно обычные мелочи.

Любой ребёнок любит мечтать о себе, ни у кого лучше, чем у него, это не получается, но вот солнечный ребёнок смотрит на мир ясно, ему не

требуется создавать пусть и прекрасные иллюзии, и он будто знает заранее – что ему надлежит делать в жизни. И он делает это просто, без каких-либо мечтательных затей, надёжно, так что и взрослый бы позавидовал этому его умению с младых лет быть настоящим в своей чистоте принимаемых решений. Задуманное тотчас осуществляется маленьким человеком, он не видит препятствий для скорейшего воплощения в жизнь своих светлых устремлений: малыша переполняет божественная энергия...

Душе взрослого человека от прикосновения солнечного ребёнка становится тепло, она будто отмякает и оживает, ей хочется прожить и этот, и следующий день со смыслом... Солнечный ребёнок дарит ему добрый настрой, отчего на сердце делается хорошо: солнечный ребёнок обогрел его своим теплом, тепло это незаметно перетекло в душу человека, пробудило в ней солнечное восхождение, и всё вокруг наполнилось каким-то замечательным и ласковым светом, отчего почувствуешь к Солнцу благодарность. Солнце – это радость, что входит в душу каждого человека, а его дети – напоминание человеку о том, как всё вокруг живо. Ты только впитывай эту жизнь, и сам свети, не в силах этого не делать.

Ещё солнечный ребёнок всегда необыкновенно добр, трогательно ухаживая за любым животным или каким-нибудь ничем непримечательным цветком, никогда вскоре не оставляя к нему своего заботливого отношения, как это бывает присуще многим обычным детям, когда они быстро теряют интерес к тому, что совсем недавно их занимало. Он вполне может оказывать самые искренние знаки внимания не детям своего круга, а людям, гораздо старше себя: с ними ему, по-видимому, интересней. При всём том, такой ребёнок не замечает за собой какие-либо отличия от других детей, не чувствует в себе некоей исключительности, и ему искренне нравится делиться игрушками, пусть и самыми дорогими для него, но, как правило, совершенно обыденными – старые охотничьи гильзы, пустые пузырьки или незатейливые бутылочные стёклышки, обкатанные водой. Он ни за что не станет хвастаться своей способностью замечать малейшие перемены в окружающей обстановке, и уж точно не объявит взрослым о том, как легко предугадывает их действия, выгодно используя это в собственных интересах. К тому же, у солнечного ребёнка – отменная память, он ничего не забывает, как это частенько случается с его матерью и даже отцом, ко всему прочему – он мастер придумывать занимательные истории, словом, в нём много необыкновенного!

Спросите: откуда у него все эти способности? И я отвечу: от Бога, Коего он хотя бы в последних жизнях почитал. Солнечный ребёнок всегда

чувствовал, что его жизнь неотделима от Всевышнего Отца, потому как Бог – повсюду, и ребёнок любит Его, и делает в жизни то, что ближе всего божественному сердцу: он играет и светит. Светит всё детство, не прерывая это богоугодное дело и в юности, а потом – в зрелом возрасте, к старости становясь настоящим мудрецом. И в каждом воплощении, неизменно, такой человек излучает любовь, как бы ни складывалась его судьба: по сути, он несёт в себе божественные качества, как и Вселенная, и во всех его поступках отражается его единство со всей жизнью, с Божественным Бытием...

X X X

В последнее время я часто задаю себе вопрос: а кто я на самом деле? Принадлежу ли я к детям Солнца, что проживают каждую свою жизнь не зря? Сумел ли я насытить окружающее себя пространство любовью? Ведь дети Солнца призваны именно насыщать Землю светом и радостью, наполняя сердца людей желанием жить и творить... Ласково раскрашивая лепестки своих цветов на разный лад, Солнце наделяет их способностью к разнообразному жизнетворчеству, чтобы каждый цветок проживал неповторимую и замечательную судьбу, и жизнь на Земле превращалась бы в чудесную сказку, как в детстве, что подобно божественному светилу озаряет всех радостным светом, вызывая во всяком живом существе восторг и великолепие, нескончаемую жажду созидания...

Чего не сыщешь в солнечном ребёнке, независимо от его возраста, так это рабского отношения к миру, как это часто бывает у взрослых, и при этом всегда присутствует ясное осознание своей огромной заинтересованности окружающей жизнью, великая любознательность ко всему, что находится рядом, желание его исследовать. В этом общении с миром ребёнок, несомненно, беседует и с Богом, не поклоняясь Ему, но уважая сердцем безмерно, чувствуя Его каждой клеточкой тела...

Так я и относился к жизни с малого детства, необыкновенно заглядывался на неё, восхищаясь красками и звуками, с радостью обдумывая всякую чудесную мелочь, всматривался и вслушивался, постоянно наслаждаясь её волшебным многообразием, с великим томлением не находя слов восторга от происходящего. Наверное, я всё-таки принадлежу к детям Солнца, что вознамерились просто и счастливо прожить на этом свете, ещё более украсив его...

Но кто я в действительности? – неизвестно. Истинная суть моя прикрита именем, по сути мне не принадлежащим, телом, что не раз менялось за неизвестное количество воплощений, различными судьбами, делами и людьми, так или иначе связанными со мной хотя бы в одной жизни: моя истинная природа сокрыта от меня непостижимой космической глубиной. Всё, что я представляю из себя на данный момент – какой-то очень поверхностный слой сиеминутной реальности, через мгновение уже изменившейся... Как ухватить хотя бы его, как проникнуть в глубины именно моего истинного «я» с присущим только мне характером и свойствами, неповторимыми чертами? В чём заключена моя связь с Источником всей жизни, из которого всё возникло, а ведь она существует? Как определить мне свой путь к Богу, прежде обнаружив самого себя? С помощью каких усилий ощутить в душе первородный трепет своего появления на свет, по сути – переживание чуда, того торжества духа, что открыто для нашего восприятия, но мы им не умеем пользоваться, и уж тем более – не желаем обнаружить и передать?!

Если всё, что я воспринимаю, переживаю, думаю и чувствую - не есть моё истинное «я», то тогда что оно? Отвергая все данные о себе, записанные в свидетельстве о рождении, своё имя и накопленный опыт, - как человеку прийти к себе, к тому, что ты на самом деле из себя представляешь? Получается, что всё перечисленное – иллюзия? Как же различить свет истинного сознания, если мысли и переживания появляются и исчезают, и всё происходящее, как не крути, составляет твою жизнь именно в этом мире?

Как не потеряться в собственных мыслях, как понять – кто ты есть истинный, по сути, вот в этот самый момент? Где моё «сознание», а где «мысль» о нём? Каким же образом человеку познать глубокую радость связи с Бытием, то есть – с Богом?! В силу чего можно обрести свободу от постоянных отождествлений себя с чем-то, что в конечном итоге не приносит удовлетворения, порождая лишь страх оказаться в жизни не у дел, быть никем? Как отыскать то, что непреходяще, а живо всегда?!

Присутствие в нас чего-то по-настоящему живого и неувядающего не перестаёт напоминать о себе в течение всей жизни... Это какой-то неведомый нам внутренний голос, что не позволяет заикливаться на наших мыслях о собственном теле, поле, его восприятии и нами, и другими людьми. Эта скрытая энергия, живя в нас, ненавязчиво напоминает, как мы внутренне сильны, если будем уделять ей достойное внимание. Нужно лишь осознать эту силу, и потом почувствовать внутреннюю жизнь в глубине себя, что благодаря вашему вниманию усилится, и вас охватит необъятное ощущение

жажды к жизни. Не отождествляя себя с физической формой, вы начнёте осознавать внутри себя огромную энергию, само Бытие, и это осознание глубоко скрытой жизни необыкновенно усилит ваши возможности, вы ощутите способность к самоисцелению и проникновению в тайны жизни.

Ведь бытийность существования – в нас и повсюду, и если мы не прикрываемся ненужными вещами, мыслями и словами, то жизненная свежесть возвращается к нам: сосредоточьтесь на ней, и освобождение от всего ненужного наступит! Не стоит попадать в плен даже красоты и мудрости, просто осознайте своё пребывание в себе самом, но не приравнивайте к собственной внутренней природе данное вам при рождении имя, мысли, служащие для обозначения вещей, ваш пол, расу, выбранное вами ремесло. А есть ещё окружающие вас люди, знания, любимые занятия, наделённые вашим самоощущением...

Но где же то, самое глубокое, чем обладаете только вы? Как добраться до истинного самовосприятия, почувствовав живую реальность? Возможно ли вообще достижение того состояния, когда вы осознаете – кто вы есть?! Вероятно, это главная проблема человеческого бытия.

Так как же, всё-таки, отделить собственные мыслеформы от истинной реальности? Как просочиться сознанию в свою настоящую природу? А может быть, и не стоит пытаться, лишь частично развивая историю именно своего неповторимого существования, как единственную и неподражаемую, уже оказавшись однажды в этом божественном мире и отбрасывая всё ненужное? Но разве это не тот самый драгоценный опыт, пережитый именно тобой?!

Лучше, наверное, выстроить жизнь именно таким образом, чтобы всё внешнее отпадало, а твоё истинное «я» приближалось к тебе в сознании, непременно развиваясь... Ведь оно, это истинное «я», всегда было с тобой и остаётся, лишь скрыто под беспокойным умом. Истинное непременно должно быть узнано, и при этом человеку необходимо осознать, что ему совершенно необязательно поддерживать в себе стремление «иметь своё лицо». Достаточно обрести осознание, в этом – ценность и полнота самоощущения, и если вы не ищите себя в окружающих вас вещах, а пытаетесь разглядеть собственное «я», то это уже шаг к божественной истине.

А истина означает, в первую очередь, осознание именно себя... Осознание – это установление нерушимого единства вашей внутренней природы со всей Вселенной, когда ваш ум перестаёт беспокоиться, вы не теряетесь в нескончаемых мыслях, и ваша способность к размышлениям

становится отточенным инструментом. Осознавая, вы каждую секунду находитесь в согласии с Бытием, это – ваш неотъемлемый опыт, и лучше его ничего быть не может. Осознавать – означает идти рука об руку с Богом, самому с радостью созидая...

Это естественное состояние каждого человека – нести свет в душе, чувствовать единство с Богом, и, конечно, не быть подверженным каким-либо ненужным страданиям, осознавая настоящий момент как радостный, дарованный Существованием только для созидания. В мире внутреннего покоя, вне бесконечных мысленных метаний, вы слитны с окружающим вас божественным пространством, являясь частицей безбрежного океана Вселенского Разума. Эта степень внутреннего божественного состояния постепенно увеличивает свет вашего сознания.

Но разве достаточно того, чтобы всегда чувствовать внутри себя покой? Нет, мне по нраву набирать высоту, и, сложив крылья, бросаться вниз, к бушующим волнам, а затем вновь стремиться забраться ещё выше, чтобы ринуться оттуда в захватывающую дух бездну... В этом я вижу настоящее проявление жизни, а не в покое, пусть и несущем в себе внутреннее пространство Бытия. Вольное парение, а не покой придаёт мне силу, и радость жизни от переживания его только крепче.

Когда оказываешься внизу, у самой грани бездны, ты, кажется, несчастлив, теряя ощущение броска и полёта, а когда набираешь высоту и отдаёшь себя свободному парению – ты счастлив. И вот эта переменчивость в настроении и есть, наверное, истинная жизнь, в которой ты и обретаешь великое счастье, но в тоже время понимаешь, что нельзя быть до такой степени счастливым, поскольку состояние это воцаряется ненадолго. Достаточно того, что переживаешь со всем Сущим единство, ни к чему не привязываясь.

Принимая жизнь такой, какая она есть, не судя в ней никого и ничего, и оставаясь свободным от каких-либо привязанностей, ты переживаешь в душе свет, и одновременно несёшь его миру. И счастье и несчастье скоротечны, и нужно принять эту премудрость жизни как данность, понимая в ней неизбежность перемен как неотъемлемое условие переживания радостей мира: они есть – и вы наслаждаетесь ими, но и не тревожитесь о будущем, когда их может не стать. Вы постигли внутреннее пространство Бытия, ощущая с ним и собственную внутреннюю слитность, вы – вне времени, и суть вашей природы – никем и ничем не обременяющая вечность, которую невозможно выразить, только с радостью переживая. Всё проходит в этом

мире, но если мы едины с Бытием, оно приобретает для нас абсолютную ценность.

Так вот, понимание того – кто ты есть, появляется с осознания, что все формы непостоянны, и ты воспринимаешь эту бесформенность внутри себя как единственно жизнеспособное состояние, неподвластное исчезновению, то измерение, что подразумевает вечную жизнь, и значит – вечную радость и любовь. Не привязывайся ни к чему, а будь свободен от обладания чего-либо, пусть это даже любимое дело или посаженные тобой деревья. Просто люби Существование, и делай то, что считаешь нужным, и оно обязательно приведёт тебя и к ответу на все вопросы, и к самому себе.

Ты только люби окружающий тебя мир, ни с чем себя в нём не отождествляя, может быть – лишь с любовью, и тогда почувствуешь, как всё в этом мире дорого твоему сердцу. Ты – сама любовь, вечное рождение истинного, когда не чувствуешь себя выше или ниже кого-то, а проявляешь чуткое, открытое внимание ко всему живому, и именно такое отношение являет всему Существованию поистине божественное чувство.

А ещё вы становитесь самим собой, в полной мере ощущая своё истинное «я», когда в вас начинает сиять безусловная любовь, и сияет она после этого вечно, без всякого хотения, лишь отдавая и радуясь при этом. Радуюсь потому, что в вас уже присутствует понимание, где ваше место, какова ваша жизненная цель, и именно по этой причине вы абсолютно ясно представляете себе – кто вы. Вы не знаете этого, но чувствуете, отчего и входите в состояние ясности и покоя, которое очень близко к тому, кто вы есть. Это начало свободы от надуманного, и верный путь к полному осознанию: дверца к самому себе оказывается приоткрытой, а следовательно – и к истинным отношениям, имеющим божественную природу бытия.

Обычно неуловимое счастье становится всё-таки реальным, когда вы перестаёте быть своими мыслями и эмоциями, и поворачиваетесь лицом к тому, что есть, вместо того, чтобы сочинять для себя какие-либо роли. Нужно понять, а это возможно лишь при обретении своего истинного «я», что в основе счастья лежит естественное состояние благополучия, а не уход от него с помощью беспокойного ума. Осознанность – единственный инструмент, приводящий вас к самому себе, когда вы ощущаете присутствие в вашей жизни Бога, и сами живёте по божественным законам, спокойно предоставляя для себя свободное пространство, в котором просто можете быть.

Открывающееся в вас чистое сознание, без навязчивых мыслеформ, есть отражение того, что вы есть на самом деле: оно проявляется, когда вы

избавляетесь от всяких отождествлений. Вы начинаете ощущать в себе мир, который оказывается превыше ума, и, переживая этот неопиcуемый вселенский покой, ваше сознание соприкасается с Божественным. Вы осознаёте своё сознание теперь в чистом виде, без примесей материального, чувствуя, что вы – сущий, без каких-либо ярлыков, и вы – часть божественного мира. Это и есть пробуждение, появление на свет солнечного ребёнка, когда перед вами открываются небывалые возможности, и вы сами – открыты жизни. Существование теперь с удовольствием помогает вам, у вас всё получается, и Бог на вашей стороне, если вы привносите в мир силу своей осознанности.

X X X

Все беды человека – от бессилия жить по-настоящему, вернее – от нежелания быть собой, когда он не примечает в себе Бога, а значит – не ведаёт своей исконной сути, содержащей великие возможности... Ему бы пробудиться ото сна, выйти из материнской утробы с жаждой охватить весь мир своей неистощимой любовью, и любить его, не прекращая, бесконечно переживая в себе только радость... Но не оставаться при этом восхищённым жизнью ребёнком, а становиться сильным и мудрым существом, сыном Господа, воспринимая каждый миг как возможность сотворения чего-то чудесного, ранее невиданного.

Все мы – дети Бога, призванные Им пробудиться, стать на ноги и расти. Бережно растить своё сознание, заложенное в нас Отцом, неутомимо разжигать его, не давая ему померкнуть, радовать нашего Прародителя устремлением в небеса, к божественной жизни, не забывая верно выстраивать её и на Земле.

Как хороша жизнь, когда, будучи ещё божественным ребёнком, человек уже чувствует и знает себя, пусть он совсем маленький в масштабах Вселенной, но рвущийся в захватывающую дух бесконечность, и как же она невыносима, когда ты не осознаёшь своей глубинной сути, не стремишься познать себя и окружающий мир, не принимаешь жизнь такой, какая она есть! Сделайте Существование своим другом, угадывая Его доброе расположение к себе ещё с детства, и Оно преобразит вашу жизнь.

В тоске по другой, более содержательной жизни люди даже не подозревают, что эта жизнь заключена в них самих. Нужно только послушать себя, свою тишину, и сразу станет ясно, что в глубине каждого человека заложено нечто удивительное, и если прислушиваться к нему чаще, то

обязательно откроешь в себе неведомое и чудесное пространство, где с каждым разом хочется находиться всё дольше и дольше. Неужели не пробовали?! Так вот, непременно следует окунуться в эту необыкновенную глубину, чтобы и самому стать глубже, и жить так, как единственно достойно: по божественным законам, как велит тебе твоя внутренняя природа, а не окружающая действительность.

И, тем не менее, тебе хочется чувствовать себя нужным на этой Земле. А чтобы быть нужным, ты обязан познать себя, свою внутреннюю цель, тогда и другим поможешь пробудиться, и лучше всего это делать, вглядываясь в свою внутреннюю суть, обращаясь к созиданию, нацеленному на всеобщее благо. Если уж осознанности и пробуждаться, так во всех!

Лишь Бог, вместе с созданным Им сознанием, полностью осознан и вечен, всем остальным эту осознанность следует обретать постепенно, улавливая в себе счастливые моменты просветления. К этому Бог готовил Вселенную бесконечно, желая выразить Себя в проявленных формах, а сознание оказывается в них, в каждом из нас, не проявленным, но глубоко взаимосвязанным с Богом. Задача человека – стать осознающим, привнеся в себе в мир форм не проявленное сознание, чтобы максимально раскрыть его: в этом его предназначение, и потому будьте честны с самим собой!

Тогда, рано или поздно, вы узнаете всё об этой жизни, и полетите ещё дальше, в неведомые миры, где жизнь продолжается, только в иных формах, но вы познаете и их, вам ничего не страшно, и главное – страшно хочется жить, жить интересно, не жалея сил, что, впрочем, не иссякают, а лишь прибавляются... Ведь жизнь есть нечто большее, чем обычно думают о ней люди.

Искусство жизни заключено в том, чтобы делая в ней то, что нужно, не привязаться ни к чему, и оставаясь самим собой, настраивать все свои устремления согласно с намерениями Целого. Тут не обойтись без солнечных детей, преображающих каждого, с кем они соприкасаются, потому как следуют достойным путём постижения и себя, и мира.

И всё же, приходит понимание, что живя на Земле, тебе всё равно не постичь до конца абсолютной истины – кто есть ты, даже если ты солнечен по своей сути... Но если ты не испытываешь при этом какого-либо ограничения и неудобства, и находишься в гармонии с собой и окружающим миром, то эта остающаяся для тебя тайна – и есть ты, твоё существование в Божественном, твоя самодостаточность. Она есть всегда, за гранью непознанного человеком собственного бытия, которое, конечно, преодолимо, когда ты честен с самим собой. Ты тот, кто ты есть, ты един уже с

Божественным Бытием, и потому смиренно принимаешь его чистую природу. Быть счастливым – значит, жить в согласии с реальностью, со всем, что есть сейчас, и если вы освободитесь от отождествления себя с беспокойным умом, то самое истинное в вас проявится само собой.

Да, трудно, кажется, совсем не осуществимо докопаться до того, кто ты есть на самом деле, именно до своего огонька сознания, у которого нет формы... Но есть его восприятие, и, угадывая его в себе, ощущая какой-то неведомой внутренней энергией это сокровенное, самое родное тебе измерение, ты и попадаешь в него, оказываясь полностью осознанным. Сознание – ты сам, а войдя в состояние осознанности – ты дома.

Не важно – где ты находишься... Главное, не быть поглощённым своими бесконечными мыслеформами, отвлекающими тебя от себя самого, от своей божественной сути. Позволь своему беспокойному уму затихнуть, и ты услышишь течение неповторимой жизни, что, оказывается, происходила и в тебе. Мир полон прекрасными моментами, не замечаемыми нами, но если ты придёшь к самому себе, то переживёшь всё заново, как в детстве. И ты можешь вернуться к нему в любой момент. Не утрей в себе это состояние чистоты, когда ты нежен, чуток и открыт тому, что есть.

А ещё очень трудно понимать людей, если не понял самого себя, и когда поймёшь – кто ты есть, то и мир открывается тебе легко, просторно, будто ты давно знал всё его восхитительное обустройство, но на время просто забыл. Вспомнить помогает именно внимательное отношение к собственной внутренней природе, отчего в душе начинается праздник.

Помни: это ты выражаешь жизнь, ты её удивительное продолжение, и в любой момент можешь отправиться в это путешествие, в необозримую бесконечность, вот здесь и сейчас, иначе, зачем ты живёшь?

Почувствуй суть дальней дороги, будь частью её, и крылья твои обретут неустанность, а сердце наполнится любовью к тем, кто даже не решаются на полёт, или только готовятся к нему. Отдавая, ты преодолеваешь огромные пространства, оставаясь верным себе и тем, кто ещё не осознал своего предназначения. Помоги им, ты в силах это совершить, ибо божественные небеса готовы принять все очарованные дорогой сердца, они ждут своих прекрасных смельчаков, наслаждающихся полётом. Осознанная свобода – твоя жизнь, не ведающая преград, ты способен быть самим собой, и это есть путь любви. Любви во имя самой жизни, призванной парить, несмотря ни на что, созидавая собственное внутреннее небо.

Человеку, в первую очередь, следует научиться жить настоящим, не давая эмоциям захлестнуть своё восприятие, а также внутренне отпускать

ситуации, уже давно на деле завершившиеся. Зачем носить в себе бесполезный груз прошлого!

Ещё человеку надлежит поддерживать это ощущение настоящего, присутствие в нём, постоянно, благодаря чему он постепенно обретёт возможность пребывать в себе, истинном, как можно чаще, что, несомненно, сделает его гораздо счастливее.

Следя за пребыванием в настоящем, невозможно не научиться осознанности, а именно она избавит человека от душевной боли. Ни одна негативная эмоция, если вы повстречали её лицом к лицу, не сможет вам навредить в будущем, и уже никогда не принесёт разочарований. Не питайте своё тело и мозг ненужными переживаниями, просто отбросьте их, и это умение тоже необходимо воспитывать в себе, исключая из своей жизни неосознанность. Присутствуйте как можно чаще в самом себе, и это принесёт вам истинную силу.

Если в вашем сердце присутствует какая-либо неудовлетворённость, то просто позвольте ей быть, не имейте ничего против неё, создайте вокруг этой неудовлетворённости осознанное пространство, поживите какое-то время с подобным ощущением, и вскоре вы обязательно почувствуете, что всё ваше внутреннее неустройство теряет свою власть: в вашем сердце укореняется чистое сознание, неудовлетворённости пришёл конец... Вы совершили ещё один шаг навстречу своему истинному «я».

Никогда не отрицайте то, что происходит сейчас, и если вы будете признавать, что настоящее всегда такое, какое оно есть, и от него не нужно отказываться, а стоит просто принять, - энергия не оставит вас. По крайней мере, она не убавится, если не реагировать на какое-либо болевое ощущение, не подпитывать его тревожными мыслями, словом, не мешать ему течь. Спокойное переживание своего единства с Бытием – есть истинная взаимосвязь с Ним, твоё радостное присутствие в Боге, и если ты, действительно, присутствуешь, то рано или поздно будешь знать всё об этой жизни...

В глубине себя вы уже знаете собственную суть, просто это знание существует в не проявленном виде, и его следует проявить. Причём, привносить его необходимо уже в это, земное измерение, помогая и другим ощутить в себе никогда не затухающий огонёк сознания. Отвлекать их от беспорядочных мысленных метаний ни о чём, приводя к самим себе, к своему внутреннему благодному пространству, слитому воедино с божественным. Вдыхайте его, оно повсюду, и наблюдайте, как радуется ваш внутренний Бог... Вы, наконец, обратили на Него своё внимание!

Невидимая жизнь внутри вас – это и есть Бог, то, что и составляет вас, во всей своей полноте, и, проникая в себя, вы сливаетесь со всей Божественной Вселенной, вы с Ней неразъединимы. Важно чувствовать в себе это не проявленное присутствие, как можно чаще обращаясь к нему в повседневной жизни, что бы вы ни делали, и тогда вы не потеряетесь в собственных мыслях, не собьётесь с жизненного пути, воспринимая и свою жизнь и проистекающую вокруг в истинном свете. Вы не заметите, как обретёте мудрый покой души, здоровое тело и чуткое осознание равновесия со всем, что вас окружает.

X X X

И так: кто я?!

Мне не приятны люди, проявляющие ко мне агрессию, но я тотчас же прощаю их, принимая право человека вести себя так, как он того пожелает. Так же неприятны мне люди, что выкапывают у меня в саду яблони, уже начавшие цвести и плодоносить, но я не сосредотачиваю своё внимание на утерянных деревьях, и сажу новые. Отдавая всю свою энергию любимому делу – литературному труду, я далеко не всегда получаю признание, чаще всего – этого вообще не происходит, но я осознаю, что, не смотря ни на что, исполняю своё предназначение, и уже только поэтому переживаю радость. Случаются в моей жизни ситуации, когда всё в них не просто, удача, кажется, отвернулась от меня, но я понимаю, что ничего не остаётся неизменным, завтра тебе, быть может, откроются новые возможности, и судьба станет к тебе благосклонней...

Так кто я во всех этих случаях, что я из себя представляю, и как мне определить именно по этим, совершаемым мною действиям, собственную сущность? Ведь именно моя реакция на людей и жизненные ситуации, в особенности, когда всё, кажется, складывается не в мою пользу, и показывает, в действительности, то, чего я стою и как глубоко себя знаю. А вижу я себя во всех этих ситуациях, не как жертву, а как осознающего себя человека, стремящегося заглянуть в собственную внутреннюю природу, совершая это спокойно, с уважением и любовью к Божественному Существованию.

Никто, даже само Существование, не может сказать тебе – кто ты есть, это собственное признание самого себя ты должен просто осознать, почувствовав свою нерасторжимую взаимосвязь со всем, что тебя окружает.

Стоит поблагодарить Существование только за то хорошее, что у тебя уже есть, за естественную слитность с этим хорошим, и тогда ты понимаешь, что в твоей жизни нет того, чего тебе не достаёт, а, наоборот, в полной мере присутствует богатство, которым хочется делиться. Ведь ты радостен, и значит – счастлив, что, само по себе, и предполагает отдачу, и стоит только начать изливать обладаемые тобой душевные сокровища на других, как мир тотчас обернётся к тебе своим вниманием.

Получается, что источник всего изобилия – ты сам, и, следовательно, ты есть божественная частица, переживающая полноту жизни во всём, что тебя окружает, в том числе – и в себе. Позволь излиться этому добру в мир, не сдерживай его, ибо оно нескончаемо. Такова божественная действительность, и эта действительность, и ты сам, твоя душа, созданы Богом для радости...

Жизнь бессмысленна, если не разжечь в ней свой огонёк сознания, и она становится интересной и достойной только после того, когда это сделано. Я – хозяин огонька божественной силы, заложенной в меня Божественным Бытием, с намерением, чтобы я его разжёл как можно ярче, чем я и занимаюсь всю свою жизнь...

X X X

Когда мы осознаём себя – кто мы, и оказались в том самом, родном для нас божественном пространстве, способные к созиданию в себе новых миров, мы переживаем божественную радость, не сравнимую ни с какими удовольствиями на Земле. Мы приняли этот божественный мир, развили в себе сознание, и теперь получаем наслаждение от всего происходящего, переполненные неописуемо огромным, просто безбрежным стремлением созидать. Эта переполняющая нас радость от созидания позволяет ощущать в себе, в свою очередь, удивительный покой, глубокое удовлетворение от своего гармоничного слияния с Вселенной.

Ибо невозможно жить, созидая, и не радоваться, без радости существование не имеет смысла, и когда вы действительно получаете наслаждение от того, что делаете, жизнь превращается в праздник. Вы подключены к Вселенскому Источнику невероятной силы, и уже сами способны производить её, ни на секунду не теряя ощущение этого праздника, когда уже не надо ожидать доброго результата от хорошо проделанной работы: божественное благо протекает сквозь вас нескончаемо живительным потоком, беря начало в глубине и вашего существа. Ваше существо и

сущность всей Вселенной едины, и переживая собственную радость – вы радуетесь вместе с благостным торжеством самого Существования.

Вы – полностью осознанны, а потому неотделимы от Всеобщей Божественной Радости, и постепенно начинаете замечать, что вас будто стало больше, в необозримом вселенском пространстве и ваше собственное пространство увеличилось, оно стало целым миром, ранее вами не ощущаемым. Такова творческая сила и суть божественного отношения к жизни, и эта сила имеет в своей основе непомерную мощь, направляемую на благо всего живого, и вы – заслуженный участник этого созидательного процесса. Вы осознали себя в божественном пространстве, вы, в хорошем смысле, одержимы Богом, и Он с радостью наделяет вас творческой энергией и неизбывными возможностями, вы – сама сила творения, к вам, наконец, приходит понимание, что самое важное – вдохновлять своей осознанной работой души многих людей, тем самым – обогащая их жизнь. Вы живёте на благо людей и Вселенной, это неотъемлемая черта вашей божественной души.

Если вы достигли такого осознанного отношения к себе и окружающей жизни – вы истинный ребёнок своего Божественного Отца, солнечное дитё, призванное Существованием только светить. Ваше предназначение – распространять на Земле божественное сознание, повсюду утверждая его благостную чистоту. Всё, что вы делаете – приносит в мир божественное присутствие, и чего бы ваше внимание ни касалось, его отличает необычайно высокое качество божественности и святость.

Дети Бога всем своим существованием будто ненавязчиво всех призывают: «Пробудитесь ото сна, от бесконечных, ничего не приносящих мечтаний о счастливом будущем, пребывающем только в вашем беспокойном уме! Не находитесь в плену привязанностей, отнимающих у вас свободу, а будьте преданны вашей собственной внутренней глубине, неотделимой от воли Бога, присутствующего во всём, и потому не теряющего с вами связи никогда, каким бы недостижимым Он вам ни казался. Царствие Божие – в вас, оно никогда не оставляло вашей души, а только терпеливо предоставляло право собственного выбора, ненавязчиво подсказывая обратить на него внимание. Оно охраняло вас на всём вашем жизненном пути, иногда гордилось, но не порицало за допущенные ошибки, являющиеся, на деле, вашим богатством. Царствие Божие всегда любило вас лишь Ему присущей любовью, потому что верило: вы, несомненно, заслуживаете её, ведь вы – способный осознать себя человек, и когда-нибудь обязательно взлетите в божественные небеса, оставив после себя на Земле

неизгладимый светоносный след. Царствие Божие радуется, когда люди угадывают Его Божественный свет, и ждёт, чтобы свет этот объял всех своим жизнеутверждающим благом, и открыл окно в иной мир, наследующий неистребимое стремление к торжеству творческого духа, к полной отдаче себя и Богу, и людям, и всем живущим существам. Восславьте же в себе единство с Великим Целым во благо Бесконечного Праздника Вселенского Существования! Аминь.»

X X X

Услышав и в себе эти божественные слова, в твоём мозгу проносятся самые разнообразные видения, вернее, плавно проплывают в воображении все эти версии самого себя, кажется, не связанные меж собой, и ты понимаешь, что все они – не ты, хотя в каждом воображаемом образе присутствует что-то необъяснимое и от тебя, то, чего ты на самом деле из себя представляешь... Но что это, объединяющее все эти версии? Почему-то я склоняюсь к тому, что пережил много лет назад, работая в море, и воспринял как очень близкое своей душе, без чего она не в силах существовать: без полёта. Там, над океаном, парил маленький буревестник, называемый моряками «глупышом», и я понял, что он – это я.

Поначалу плохо различимая птица показалась мне тогда частицей того отрешённого затишья, что опустилось над океанским простором, но вскоре я убедился в обратном: кувыркаясь в серых облаках, она с неожиданной решимостью вдруг взмывала в беспредельное, чуть светлеющее над облаками пространство, и, сложив крылья, плавно устремлялась вниз... У самого уреза воды птица невероятным образом изворачивалась и вновь взлетала в небеса. Делала она это так неподражаемо красиво и просто, что захватывало дух, и я забыл на миг обо всём, и, не отрываясь, следил, как птица в который раз повторяет свои удивительные взлёты и падения.

Постепенно я разглядел в ней нестигаемого маленького буревестника-глупыша, которого моряки прозвали так за его поразительные воздушные броски, кажущиеся им глупыми. Находясь длительное время в отрыве от земли, среди бескрайних морских вод, когда за целый месяц, порой, не встретишь ни одного проходящего мимо судна, невольно начинаешь более внимательно относиться ко всему, что тебя окружает и может приносить хоть какое-то разнообразие. Одно из достаточно распространённых развлечений моряков – наблюдение за птицами, что само по себе даже полезно.

Но чем же маленький буревестник мог напомнить мне себя самого, и мало того – почему я понял, что он – это я? Внешне глупыш не блистает красотой, и в отличие от тех же чаек выглядит достаточно скромно: серовато-белое оперение с таким же грязновато-серым брюшком и сероватыми шейными перьями оттеняют только чёрные маховые... Глаза карие, клюв – опять же серовато-зелёный, а спинка – слегка жёлтая. В одежке своей глупышу похвастаться особо нечем!

К тому же, все буревестники, в том числе – и малые, к которым принадлежат и глупыши, почти не умеют ходить, плавают, хотя и легко, и, по-видимому, без напряжения, но редко, да и нырцы они, из всех остальных морских птиц, достаточно непутёвые, пусть даже и умеют погружать в воду, на небольшую глубину, своё густо оперённое тело... Но чего у них не отнять, так это способности неустанно парить над бескрайними морскими просторами. Наблюдая за глупышами с судна, легко отличить их от других морских птиц, так как глупыши в продолжение целого дня находятся в непрерывном движении, носясь между волн и высоко над ними, лишь изредка опускаясь к самой воде, чтобы схватить добычу. Так и я, наверное, стремлюсь познать неизведанное, решаясь в своей жизни на решительные броски, без которых невозможно искреннее отношение к себе и миру, чтобы также честно познавать и его.

Глупыш свободно скользит над бушующими волнами с расплостёртыми, почти недвижимыми крыльями, держась по возможности на значительном расстоянии от воды, и всегда неумоимо борется со штормом, будто получая от этого наслаждение. Кажется, глупышу совершенно не нужен отдых. Возникает даже ощущение, что глупыш возбуждён круглый год, будто постоянно находясь в переживании любовного порыва, стремлении взобраться как можно выше, чтобы, бросаясь в головокружительное пике, ощутить себя чутким к окружающему его океанскому простору, радостным и отчаянно смелым... Вот и я, слушая свой внутренний голос, вдруг понимаю, что принадлежу не земле, а небу, это оно ненавязчиво зовёт меня к себе, и я не в силах этому зову противиться.

На первый взгляд, трудно объяснить склонность этой маленькой морской птицы к отрешённому высокому парению, предполагающему головокружительное падение в волны... Кстати, поэтическое название «буревестник», птицы получили потому, что заранее предупреждают корабль о близящейся буре своим появлением возле него, и если есть в ком-то из морских птиц поэтичность, так это, конечно, в глупыше – малом буревестнике морей, над которыми он витает под самыми небесами, а потом,

стремглав, бросается вниз, к водной поверхности, достигнув которую, вновь устремляется к заоблачным далям. Он словно бросает всем вызов, редкими возгласами сея вокруг необъяснимую и восхитительную тревогу. Глупыш – таинственный маленький романтик океанских просторов, и его безумный окрик и неизъяснимая надежда на что-то несбыточное, даже – не океанское и не морское, а только то, на что способен замахнуться именно он, бесстрашный и очаровательный храбрец, восхитительны! Будь его оперение ярче, он мог бы сравниться с прекрасной морской бабочкой, совершенно очаровательной в своей недосыгаемости. Пустынный скиталец морских поднебесий, глупыш чем-то сродни самозабвенному отшельнику, который целыми днями благочестиво и очень усердно несёт свою непонятную никому службу, не желая иной доли.

Трудно не засмотреться на него, позабыв обо всём, но и не просто постигнуть, когда он, кажется, таким образом, просто развлекает себя, играет, не причиняя никому никакого вреда. А ведь ему ещё, неутомимо витая весь день над морем, чаще, чем другим морским птицам, приходится преодолевать сильные ветровые потоки!

Птица эта всегда нравилась мне, и я не видел в её действиях ничего глупого. В стремительном полёте глупыша была заключена только радость от переполняющей его крохотное сердце жизни. И ещё – неистребимое желание забраться как можно выше, чтобы в прекрасном парении пронестись над вольной морской стихией. Ведь по-настоящему птица познаётся только в полёте и, глядя на свободно парящего над поверхностью моря малого буревестника-глупыша, вдруг сложившего крылья и отважно устремившегося вниз, в бушующие волны, лично я проникаю к нему уважением. В этом воздушном броске облик маленького буревестника разительно отличается от птицы, спокойно сидящей на земле, и, вообще, всю жизнь связанной с сушей, пусть даже это берег моря. Кажется, что это два совершенно разных создания, потому что только в воздухе, над морем, проявляется индивидуальность птицы, а она у глупыша – особенная.

Вы не против понаблюдать за какой-нибудь камнешаркой, озабоченно перебегающей по земле и что-то постоянно склёвывающей, какое-то время любоваться её оперением и повадками, но способны ли вы наслаждаться её видом бесконечно, боясь испугнуть? На глупыша же можно действительно засмотреться, позабыв обо всём на свете, так как он обращает на себя внимание даже среди беспрестанно перелетающих вокруг чаек, кайр, гагарок и чистиков с топорками...

Именно глупыша ты отмечаешь в многоголосом птичьем круговороте, в котором каждая птица хранит свои легковесные тайны, но малый буревестник, прозванный моряками глупышом, волнует больше всех. Он словно специально создан природой для головокружительных полётов, с короткими крепкими крыльями, маленьким сильным тельцем и какой-то очень возвышенной мечтой, которую глупыш стремится, несмотря ни на что, осуществить, бесстрашно забираясь всё выше и выше в небеса, а затем срываясь в кипящую под ним бездну. Непроизвольно оказываешься захваченным его умопомрачительным парением, и начинаешь вдруг завидовать маленькой отважной птице за её нестигаемость и волю.

Работая в море, в минуты отдыха я всегда любил наблюдать за неутомимым глупышом. Его легко было отличить от других морских птиц, поскольку он – небольшой, плотненький, с короткими крыльями, и тогда как взбалмошные чайки устраивают невообразимый гвалт вблизи добывающих рыбу судов, глупыш безудержно взмывает в небеса, без усталости поднимаясь всё выше и выше, так что порой его совсем уже становится не видно. Думая о том, зачем он это делает, я прихожу к выводу, что глупышу просто нравится так делать. Забираться в высоту и нестись оттуда во весь дух до самого моря, а потом всё повторять сначала. Как будто это самое лучшее, что он нашёл для себя в жизни, и, обнаружив подобную потребность, уже не в состоянии ей изменить. Что-то вынуждает глупыша вновь и вновь повторять эти умопомрачительные взлёты и падения, и они, кажется, будят в сердце птицы нечто неизведанное.

Мне и самому хочется точно так же, как птице, рваться ввысь, удаляясь от моря, а потом нестись с высоты вниз, выходя из пике у самой поверхности воды. В этом, кажется, совершенно ненужном действии, не несущем в себе никакого смысла, между тем, заключалось нечто притягивающее и завораживающее. Приятно было даже просто смотреть на парящего над морем глупыша, восхищаясь его ловкими манёврами и неустрашимостью, и за долгие годы работы в море я искренне полубил эту маленькую птицу, заключающую в себе какую-то неизъяснимую, нестигаемую силу.

Глядя на глупыша, я, конечно, понимаю, что ни какой он не глупыш, но имя его мне всё-таки нравится. Глупыш как будто восклицает своим полётом: думайте обо мне – что хотите, но я счастлив, что имею возможность наслаждаться парением над морской пустыней, и если вам нравится называть меня «глупышом», то пусть так оно и будет, и это никак не сможет повлиять на ту радость, которую я переживаю.

Вобщем, глупыш стал мне дорог, он ещё более оживил моё восприятие моря, и в экспедициях я действительно постоянно ищу его глазами, а найдя – будто успокаиваюсь, и обретаю среди морской стихии себя. Своим присутствием птица помогает мне справляться со многими трудностями, как это ни странно звучит – я учусь у неё жизни, и очень ей признателен.

Так же, как признателен Господу Богу, Божественному обустройству Вселенной, где мы можем беспрепятственно летать в самых разнообразных мирах, создавать новые, и во всём этом Божественном жизнеустройстве видеть что-то неповторимое, отдавая энергию своей души на благо всех живых существ. Сущее будет тебе только благодарно за твоё честное отношение к Жизни. И вот, точно так же, как свободной птице, мне хочется рваться ввысь, удаляясь и от моря, и от Земли, становясь счастливым от соразмерности всего происходящего. И именно маленький буревестник-глупыш, как никто лучше, напоминает мне себя самого, отправляющегося в свободное космическое пространство, созидавая в нём своим полётом что-то ещё не существующее во Вселенной, желая открывать в ней новые сокровища, не стремясь при этом овладеть ими... Только жить и радоваться, а если приходится преодолевать препятствия, то проходя через них, оставаться таким же чутким и сильным, как и любимый мной буревестник, угадывая повсюду присутствие Бога.

Х

Х

Х

Когда я, пребывая между двух жизней, ощущал себя парящей в космическом пространстве душой-буревестником, так мне было удобнее всего воспринимать себя в нём, я всё же ясно осознавал, что всё моё существо – нечто большее... И оно хоть и является частью простирающегося вокруг Бытия, но и несёт Его в себе, то есть – заключает в своей природе весь этот бесконечный мир, представляя его маленькую копию. Подобным образом в этом божественном пространстве измеряется его глубинное качество, такова и его и моя суть, непередаваемо безбрежное всеохватное сознание, что ты – вся Вселенная, а Она – ты. Примечательно было то, что я совершенно не чувствовал границ самого себя!

И вот, что ещё подумалось: всё то, чем я жил предыдущие жизни, включая последнюю, а я был убеждён, что это именно так, то, что я знал, видел и пережил в них, порой преодолевая значительные испытания, сейчас вдруг куда-то ушло, может быть даже преобразовалось в совсем иное

представление о себе, уже абсолютно чистое, процеженное через опыт своей души... Теперь, как раньше, не нужно было разматывать клубок пережитого, чтобы понять – куда и как двигаться дальше, и само пребывание в состоянии беспредельного полёта воспринималось как единственно достойное, оно заполнило собой ранее присутствующую неосознанную пустоту, и осталось лишь сильное и красивое ощущение божественной вседостижимости, чего бы ты ни пожелал...

И как только я взглянул на себя спокойно, оказавшись в этом необыкновенном пространстве, без каких-либо земных мыслей, просто сосредоточился на Вселенском Бытии, в полной мере ощущая себя в Нём, то тотчас тихо открылась какая-то очень близкая и дорогая мне реальность, не похожая на то, что я видел и знал прежде: оказывается – я ждал её, вернее, того, что было мне ещё незнакомо, будто догадываясь, что увидев – непременно узнаю, и так оно и случилось...

Сначала всё кажется неизведанным, пугающим своей неизвестностью, но когда залетишь подальше – уже не страшно, даже – наоборот: неведомый мир открывает тебе объятия... Если быть честным, ты и ожидал чего-то в этом роде, только не был уверен, как всё выглядит в точности, но пока не попробуешь, вернее – не решишься, не откроешь себя, как и этот необозримый мир. Когда же подобное случается – сразу обретаешь крылья...

Мелочи, когда-то составляющие все твои воплощения, сейчас превращаются в нечто великое, и ты понимаешь, как они были важны в накоплении осознанности. Осознание этого оказалось таким простым, что принесло в твоё существование величайшую силу. Вернее, эта сила присутствовала в тебе, только ты её не чувствовал, осознав же – ощутил в полной мере. Да её, кажется, и нет, нет меры, порождающей ограничения и страдание, а есть слияние с силой жизни, живое восприятие Бога.

Разве можно не доверять ей в себе, отдаваясь безраздельно? И при этом понимать: ты есть, каждый миг, - и успешный, и здоровый, и счастливый. Чем бы ты ни занимался, тебя переполняет ощущение глубокого удовлетворения от выполняемого действия, ты осознаёшь, как качественно исполняешь своё божественное дело: сосредотачивай всё внимание только на нём. Оно для тебя главное сейчас, и от того, как плодотворно ты его осуществишь, зависит вся твоя последующая жизнь.

Вокруг тебя, и главным образом – в тебе, образуется какая-то новая энергия, и эта энергия делает тебя безбрежно радостным и счастливым. Наиважнейшее счастье – находиться в осознанном единстве с Целым, привнося эту осознанность в окружающую жизнь.

Я лечу сквозь звёздные миры, душою присутствуя в них, но зная, что какая-то Сила влечёт меня дальше, целенаправленно и также покойно, отчего в душе и трепет, и полная уверенность, что за тобой следят, следят за тем, как ты преодолеваешь этот путь. Я чувствую, что по мере приближения к чему-то трогательному и самому дорогому, я с каждым мигмом переживаю ещё большую убеждённость и непоколебимость в верности этого устремления, в его необходимости, где на тебя снизойдёт ответственность за все прожитые жизни, и одновременно радость от сопереживания их вместе с невидимым пока Божеством. Ты ощущаешь Его проникновенное Присутствие во всём, главное, в самом себе, и только переживаешь тихое и мощное восхищение от происходящего. Всё становится на свои заслуженные места в этом мире, который ты всегда ощущал в собственной душе, знал, что он существует, и как-то подспудно, втайне, тянулся к нему, и вот ты здесь...

Словно тот самый маленький буревестник летишь ты сквозь свои многочисленные воплощения к родному дому, и все они спокойно укладываются ни в слова или образы, а в удивительно восторженную убеждённость, что делал ты всё правильно, направляя свои душевные устремления в общий вселенский поток созидания, и теперь ощущаешь себя в этом потоке вполне полноправной частицей... Ты чувствуешь, как этот поток наполняет и захватывает тебя с собой, и ты счастливо отдаёшься на его волю, волю Божества, к которому ты стремился всегда. Вокруг неожиданно возникает какое-то сокровенное плато, так что все звёзды куда-то отходят, и прямо перед тобой образуется безбрежное, но очень живое светлое место, хотя повсюду стоит темнота, и из этого светлого места в душу начинает вливаться невероятно трогательное, не сравнимое даже с материнским тепло, пронизывая малейшую клеточку всего твоего существа... Это состояние не похоже ни на что за время прожитых тобой жизней, и его можно сравнить с неопишимо благостным падением в божественную бездонность, мимо своих обычных земных мыслей, навстречу какой-то новой, по-настоящему родной для тебя действительности, где ты уже никогда никого не обманешь, а главное – себя, превратившись, наконец, в истинное дитя Бога, в маленькое восторженное божество, насыщенное неиссякаемым благостным светом...

И тогда тебе вновь захочется ощутить себя маленьким счастливым буревестником, радостно взмывающим над бескрайним океанским простором, несмотря на то, что ты уже божество... А разве не божественен этот крохотный морской глупыш, что намеревается противоборствовать безудержной стихии, но только ты сейчас не противостояшь безбрежному и таинственному звёздному миру, лишь счастливо сливаясь с ним. И словно в

унисон твоему вдохновляющему настрою по всему божественному пространству разносится проникновенный верховный глас – ненавязчивый, необыкновенно родной, обращенный только к тебе: « Танцуй со Мной, возлюби этот нескончаемый полёт как Меня, нет ничего его прекрасней... Ты вознёсся к самым своим Истокам, но не прекращай свой полёт дальше, танцуй вместе с Бытием, кружись во свете разноцветных миров, всегда обращенных к тебе, погружайся в глубину, простирающуюся за ними, и наслаждайся её темнотой. На самом деле, темнота эта тоже светла, ты только лети, ничего не страшась, - разве ты не чувствуешь, как в тебя вливается невидимая мощь Вселенной?!

Насыщаясь ей, ты, конечно, не обзираешь всех её пределов, но эта бескрайность немыслимой силы не угнетает, а раскрывает тебя. Ты начинаешь и сам переживать божественное настроение от происходящего вокруг, и мощь Божественного Присутствия пронизывает всё твоё существо. Пребывать в божественном пространстве и не быть его частицей невозможно, а потому наслаждайся обретенной силою, летай в удовольствие, и ни о чём не заботься. Ведь Бытие бескрайне на впечатления, и за очередным открытием встанет сонм ещё более увлекательных откровений, что никогда не прекратятся.

Ты достиг своего дома, и дом этот прекрасен, он – вся Вселенная, из него теперь никуда не уйдёшь, так пребывай в нём в радость. Радость – твоё истинное, самое родное состояние, потому как Моя Радость – в тебе, а твоя – во Мне. Нет лучшей сердечной радости, чем растворять свою радость в других живых существах, любя весь Божественный Мир».

Но даже теперь, воспринимая себя в этой бесконечной Вселенной осознающей частицей, ты понимаешь, что никогда не сможешь постичь Высший Разум, тот порядок, по которому жизнь разворачивается для какой-то своей высшей цели, и всё же достигнутые проблески сознания доставляют тебе неопишущую радость. Это завораживающее безмолвие внутри себя и вокруг позволяют почувствовать во всём скрытую гармонию, когда ненужное уходит, и восприимчивость невероятно обостряется: в этом божественном пространстве не нужно никому ничего объяснять, самому что-либо понимать, а можно лишь осознавать своё единение с ним, не ощущая какой-либо обособленности.

Ты уже не оцениваешь, как в предыдущих воплощениях, происходящие с тобой события, и только принимаешь простирающуюся действительность, настраивая себя на единение с окружающим вселенским порядком. Повсюду

гармоничное истечение жизни и не прекращающееся ни на секунду творение, и эта божественная непостижимость – самое лучшее, что тебе удалось познать с момента своего существования. Ты не можешь быть против того, что происходит, потому что окружающая Жизнь усиливает твоё желание быть. Когда ты принимаешь происходящее – ты един с ним, и уже оно награждает тебя своим принятием...

... Я стал прислушиваться, как сквозь меня течёт это огромное, неизведанное, и не чувствовал себя опустошённым, а наоборот – ровно преображался в неизбывной Космической Силе. От присутствия этой Силы становилось понятно, что ничего прекрасней её нет, ты там, где тебе и надлежит быть, и всё окружающее пространство расположено к любым мановениям твоей души, чутко и ненавязчиво улавливая их, но ни в чём не сопротивляясь, и ты с неизъяснимой радостью переживаешь только необходимость видеть то, что творится вокруг. Ты – как будто пустой, воздушный, но в тоже время переполнен чистейшим вселенским разумом. «Вот и наступил твой час проникновения в это Абсолютное, Божественное, и Он, Отец мой, находится где-то рядом, - легко и свободно думаю я уже о своём пребывании здесь. – Моя душа – сродни Ему, только очень маленькая... И всё-таки, кажется, что она вмещает огромный мир...»

X X X

И напоследок задумаемся: зачем Вселенной появляться и утруждать себя своим развитием? Создавая из своей не проявленной природы материальные формы, она таким образом, наверное, предполагает их возможное взаимодействие между собой, затеяв своеобразную игру... Для чего? Нам это, вероятно, покажется навсегда неразрешимым стремлением объяснить Бесконечное...

Но вот, формы созданы и взаимодействуют, и теперь важно, чтобы заложенное в них сознание сначала пробудилось, а затем – росло, с целью преобразования этого материального мира в божественное пространство... Разве не достойная цель, к тому же – интересная?!

И всё же, не лучше ли было Вселенной, неведомому нам Божеству, оставить своё Божественное состояние в не проявленном виде? Нет, Богу удобно было привнести божественное сознание и на Землю, именно в мир материи, и тем самым обожествить его. И это при том, что каждое последующее воплощение души на Земле, так распорядилось со своим существованием человечество, в большинстве своём, оказывается менее

возвышенным, чем предыдущее, соответственно уменьшаясь в красоте и чистоте... В любом случае, понимание божественной задумки остаётся для нас загадкой, и скорее всего эта загадка выходит за рамки постижения её человеком, но так увлекательно жить на чудесной планете, в бесконечно божественной Вселенной, стремясь угадать божий замысел, определив и для себя в этом удивительном мире достойное место!

Истинно, а значит, всё-таки, объяснимо содержание и смысл Существования только Великому Целому, и Оно ограниченному человеку неподвластно. Его невозможно осмыслить, и тогда, чтобы оказаться вне времени, и, следовательно, постигнуть происходящее, необходимо каждую секунду быть в настоящем моменте, то есть – осознавать себя в божественном пространстве, пронизанном такой же божественной благодатью и тишиной. По затеянной Вселенной Игре нам всем следует воплотиться, и не раз, в форме, может быть, не только на Земле, но и на разных планетах, чтобы, отгадав в себе божественное сознание и развив его, распространить это сознание повсюду, вернув в бесформенное, снова – не проявленное, но уже максимально осознанное, ни чем не ограниченное... Вы когда-то, давно, родились в своём доме, долго странствовали по свету, и, наконец, вернулись в родные пенаты, но уже умудрённые пережитым опытом, подняв уровень собственного сознания до божественных высот, когда вам уже не требуется форма, и вы возвращаетесь в объятия своих Прародителей, чтобы порадовать их своим ростом: ведь они переживали в вас Самих Себя!

Так вот, это перерождение должен пережить каждый, наделённый божественным огоньком сознания, и только тогда Бог возрадуется, открывая для нас новые, неведомые рубежи, что, несомненно, будут ещё увлекательней и прекрасней, и вы заслужили заглянуть за их горизонт, познавая ещё более глубокий смысл. Вам было позволено достигнуть этой глубины, и вы, действительно, познали её новое измерение, потому что ничего в Существовании не происходит такого, чему не суждено быть. По таким законам устроено Божественное Целое: если вы, вырастая, проходили многие препятствия, то значит, вы становитесь более зрелыми. Ваша внутренняя суть крепнет, и вы на собственном опыте убеждаетесь в ограниченности проявленного пребывания, уже не привязываясь к форме. Ваше сознание всецело устремлено к Богу, вы использовали свои жизни как благоприятную возможность для роста вашего сознания, и врата в Царствие Божие для вас открыты. Из маленького несмышлёного ребёнка, пусть и с заложенным в него огоньком божественного сознания, вы стали истинным мудрецом, сыном Господа!

Жизнь моя не проиграна, я знаю это точно. Все существования слились в ней воедино, чтобы вскоре предстать пред Богом. Наступил момент, к которому я шёл многие воплощения, нет, кажется, ничего этого важнее, но напряжения не чувствуется: остаётся вопрос – что дальше?

Пребывание в этом благодном состоянии полёта, когда доступны любые расстояния, без каких-либо ограничений? Созидание? Чем я займусь сейчас, когда обрёл в себе целостность? Какому творению отдам все силы своей души? Может быть, буду обучать другие, менее развитые души, чтобы и они когда-нибудь предстали пред своим Отцом, и насладились полётом в разных мирах, не зная пределов? Именно это так прекрасно и увлекательно, чтобы уже ни к чему не стремиться? Ведь должно существовать что-то ещё, более высокое, к чему с таким же интересом, как раньше, хотелось бы лететь, вновь с радостью открывая?

Прекрасная божественная необозримость... Как хорошо и свободно в ней лететь, ни в чём себя, действительно, не ограничивая, только постоянно дополняя чем-либо увиденным. В жизни на Земле ты слишком много сил растрачивал на отдачу себя другим, а здесь, в Царствии Божиим, легко посвящаешь всю силу своей души этому божественному миру, ни чуть не уставая, испытывая только чудесное переживание удовольствия, не обременённый ничем.

Бытие так радостно, так приятно, что не возможно передать впечатления от Него. Ты, кажется, даже не нуждаешься в Боге, потому как и сам божественен, преисполнен любовью. Только лети, ни о чём не тревожась, наслаждайся свободой, и будь собой... Мило, по-детски, с нескрываемым, но всё ещё сокровенным устремлением всё-таки заглянуть туда, где, может быть, никто до тебя не бывал, и если есть у тебя что-либо отдать – делись им безусловно, живи в радость, в этом вся жизненная суть, когда жизнь притягивает тебя всего целиком, без какого-либо уныния, талантливо, и ты чувствуешь себя одарённым Богом.

Вероятно, в этом и заключена суть жизни, предназначенной для увлекательного постижения, и в подобном поиске ты принимаешь Игру, затеянную Господом. Игру под названием «Жизнь», где главной составляющей оказывается развитие себя, твой внутренний рост...

Радостно жить, просто стремясь понять смысл жизни... А когда многое поймёшь, то в душе твоей вспыхнет ещё более яростный огонёк

незатухающего к ней интереса, отчего и захочется парить вольным буревестником в безбрежном космическом просторе, наслаждаясь красотой мира и собственной свободой, без конца удовлетворяя свою неиссякаемую любознательность.

Х

Х

Х

Непонятное чувство испытываешь, завершая последнюю в своей жизни книгу... Оно ни с чем не сравнимо, ибо далеко не каждому его суждено пережить... Это всё равно, как если бы ты ждал всю жизнь свою единственную и неповторимую любовь, а она так и не приходит, но ты, несмотря на возраст, всё-таки в глубине души надеешься, что неповторимое чувство тебя непременно посетит, нужно только ещё немножко набраться терпения, и любовь озарит твоё сердце неизбывным чарующим светом...

Вот и ты, завершая эту самую, свою последнюю книгу, не можешь никак поверить, что ничего уже больше не напишешь. В глубине души тебе трудно подобное представить, и в тайниках собственного сознания ты тешишь мысль о том, что может быть это ещё не конец, что-то такое, неожиданное, о чём и подумать невозможно, вдруг придёт в твою жизнь, и в тебе будто откроется и второе, и третье, и десятое дыхание, что, конечно, позволит загореться новой прекрасной мечтой. Ради неё ты готов идти сквозь любые испытания, как в молодости, не боясь никого и ничего, и эта светлая мечта, несомненно, будет осуществлена, и на пути следования к ней, ты опять повстречаешь немало замечательных людей, и многие из них станут твоими друзьями. Сколько энергии в нас порождает достойная цель, какую силу переживаем мы в себе, отправляясь в новое путешествие!

Но нет, дорогой читатель, всему своё время, и ты не имеешь права его упустить. А потому помни, что самое ценное, что у тебя есть, - вот этот настоящий миг, и его нужно прожить честно, то есть – достойно, работая только на созидание, поскольку ты – частица волшебного Целого.

Жизнь, созданная Божественной Вселенной, прекрасна, проживаемая же людьми – как плохое, бездарное кино, наполненное случайными всплесками и падениями, и если тебе удалось, хотя бы иногда, прочувствовать недоступность божественного замысла, его отстранённую от людей красоту, то прожил ты свою жизнь не зря. И не важно, что существование на Земле коротко, и когда-нибудь придёт час и тебе попрощаться со всем, что было мило твоему сердцу, но этого, отпущенного тебе времени, вполне достаточно для того, чтобы ответить на все вопросы.

Ты, главное, цени каждое мгновение, не давай ему незаметно просочиться сквозь пальцы, останови его и полюби навек, и Божественная Вселенная встретит тебя с распростёртыми объятиями, потому как она изобильна, и всегда во всём помогает тому, кто не предаёт в себе Бога.

Так думаю я сейчас, с малых лет мечтая о путешествиях и подвиге. Мне всё-таки удалось ухватить, казалось бы, недоступную живопись и письмена Бога, как и невысказанную таинственность морей, холодное изящество льдов и завораживающую тишину девственных лесов, и оттого я счастлив необыкновенно, необычайно радостен, что сердце моё не оказалось бесплодным, и я принёс и свою красоту в этот неподражаемо прекрасный божественный мир.

25 января 2022 год
Г. Пермь